

Евгений Малинин

Уругумская сталь



Евгений Малинин
Уругумская сталь
Серия «Волчья звезда», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=432712

Аннотация

Третья часть фэнтезийной саги о мире, где господствуют Многоликие – свирепые оборотни, а обычные люди считаются извергами, которые обязаны безропотно сносить бесправие, поборы и истязания.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгений Малинин

Уругумская сталь

Пролог

Ночь клонилась к рассвету, звезды линяли вместе со светлеющим небом и уходили в дневное небытие, только Волчья звезда, вернее, то оранжевое, распухающее незаметно для глаза облако, в которое она превратилась, еще бросало свой зловещий свет на темную землю.

Этот оранжевый свет скользил по чуть волнующейся степи, нырял в тихую, темную воду неширокой реки, призрачной волной пробегал по некошеной траве широкого прибрежного луга и упирался в прямые, уносящиеся вверх, стволы вековых сосен, в густой подлесок опушки нехоженого леса. Он словно бы накрывал опрокинутый в сон мир, погружал его в подернутое оранжевым флером безмолвие... бездвижие!..

Час Неясыти вошел в полную силу, когда сквозь казавшиеся непроходимыми кусты подлеска просунулась острая волчья морда, и два поблескивающих зеленою глаза спокойно и внимательно обшарили взглядом прибрежный луг, спокойную гладь реки и заречную полосу открытой всем ветрам степи. Мир спал, но волк не торопился выбираться на открытое место, его звериное чутье подсказывало ему, что где-то недалеко обосновались враги!.. Изверги!! Запах их пота, перемешанный с запахом кострового дымка, мало тревожил матерого хищника, а вот едва заметный, кисловатый запах светлых клинков был опасен! Очень опасен!!

Однако волку просто необходимо было до рассвета переправиться на другой берег реки и раствориться в высокой степной траве! Конечно, можно было перекинуться птицей, тем же вороном, и перелететь реку, но среди спящих извергов вполне мог оказаться бодрствующий лучник, а у лучника могли найтись стрелы с наконечниками из светлого металла. Изверги научились ловко пользоваться этим, совсем недавно попавшим им в руки оружием, и многогранному встречаться с ним было смертельно опасно!

Около десяти минут волк стоял неподвижно, принохиваясь, присматриваясь к окружающему Миру – и Мир ответил ему тишиной и неподвижностью. Ни один изверг не мог столь длительное время оставаться неподвижным, безгласным, бесшумным, а это значило, что все, кто находился на берегу реки, немного правее того места, откуда выходил волк, спали! И зверь медленно выскользнул на луговую траву, под призрачный оранжевый свет своей звезды. Его лапы уверенно и бесшумно опускались в некошеную траву, а чуткий нос был повернут в сторону вражеского лагеря. Однако когда до берега реки оставалось не более двух десятков метров, зверь, словно что-то услышав, вдруг остановился и припал к земле, стараясь слиться с травой, превратиться в одну из неприметных кочек, разбросанных по лугу. И сделал он это вовремя – на обресте берега, там, где заканчивался луг и начинался песок, появились две тени. Они выросли, словно из-под земли, встали сгустками темноты на фоне сереющего неба и замерли в неподвижности.

Пару минут над прибрежным лугом висела совершенная тишина, а затем раздался едва слышный, немного хриловатый со сна голос одного из извергов:

– Говорю ж, почудилось тебе...

– Тогда уж не почудилось, а примнилось!.. – Ответил ему острый, чуть осипший шепот. – Да только вряд ли, – тут же добавил он, – я этих перевертышей нутром чую!

Послышался тонкий, змеиный шорох, и кисловатый запах светлого клинка ударил волку в ноздри, заставив подняться шерсть на его загривке.

– Вот чем надо их встречать... – шипло зашептал второй изверг.

– Кого – их?.. – Недовольно переспросил первый, чуть повышая голос. Хрипотца из него исчезла, он окреп, видимо, его владелец окончательно проснулся. – Видишь же, пусто вокруг!..

– Пусто?.. – Переспросил шепот. – Прячется тварь где-то рядом!..

Изверги помолчали, вновь оглядывая луг, а затем первый изверг уже спокойнее проговорил:

– Знаешь что, Семен, давай-ка я тебя подменю! Устал ты слишком, чтобы дозор править, отдохни, а я посторожу остаток ночи. А то утром ты не сможешь дальше идти!

– Смогу, не бойся!.. – Упрямо возразил шепот, но первый изверг не сдавался:

– И не спорь! Завтра тяжелый переход – до самого Края дотопать надо, да еще, может быть, и в бой сразу же идти, а ты не отдохнул совсем! Решено, я тебя меняю, мне и днем можно будет покемарить, а тебе отряд вести! Пошли к костру... Пошли...

Одна из теней медленно растворилась в ночи, а вторая еще немного помедлила, а затем последовала за первой.

Волк перевел дыхание, но даже не подумал пошевелиться. Несколько минут он продолжал неподвижно лежать, а затем медленно пополз в направлении реки, забирая левее. Вот, наконец, под его лапами тихо зашуршал песок, а в ноздри пахнуло близкой водой...

И в этот момент рядом с ним выросла высокая широкоплечая фигура, сжимавшая в правой руке светлый клинок!

Волк, словно подброшенный пружиной прыгнул назад и чуть влево. Изверг с хриплым рыком бросился за ним, но зверь тут же повторил свой прыжок, уже вправо. Изверг, поскользнувшись на траве, не успел развернуться достаточно быстро и снова зарычал, на этот раз от разочарования – казавшаяся такой близкой добыча уходила! Но волк и не думал бежать, его следующий прыжок был точно рассчитан, и когда изверг повернулся в сторону своего противника, тяжелое темно-серое тело рухнуло ему на грудь, вонзая клыки в незащищенное горло. Изверг захрипел и, уже умирая, успел взмахнуть клинком, но непослушная рука разжала пальцы, и оружие бессильно упало в траву, так и не коснувшись оборотня.

Однако предсмертный хрип разбудил лагерь, справа, от самого берега слышались заполошные крики и звон оружия. Волк бросился к обрезу воды, и в этот момент над его стелющимся в беге телом просвистела стрела, обдав беглеца кисловатым запахом смерти. В следующий момент зверь одним длинным прыжком достиг воды и... растворился в ней, словно брошенный песчаный ком. Только заполошная волна плеснула в берег нервной дрожью. А спустя пару секунд, к тому месту, где оборотень ушел под воду, подбежали двое извергов с луками в руках. На тетивах уже лежали длинные, тщательно оперенные стрелы, посверкивая серебряными наконечниками, но цель, для которой они предназначались, исчезла! Один из лучников плюнул в воду и выругался, а второй, посмотрев на своего товарища с насмешкой, проговорил:

– Ловкий перевертыш оказался!.. Автода загрыз и о нас ушел, да в самый омут ушел!!!

– А ты что, восхищаешься им?.. – Зло прохрипел первый лучник. – То-то я замечаю, стрелы твои частенько мимо цели летят!!

– Не тебе говорить! – С высокомерной насмешкой ответил второй. – Это ж ты только что в оборотня не попал! А ведь волчара-то совсем рядом был!.. Или ты это специально сделал?!

Первый лучник снова выругался, а затем, быстро развернувшись, направился в сторону шумевшего лагеря.

Второй лучник задумчиво посмотрел на темную, уже успокоившуюся воду и пробормотало себе под нос:

– Ловкий... зараза... Знать бы, куда это ты направляешься?!

Волк, оказавшись в глубине омута, неуклюже перекувырнулся через голову и... исчез. Вместо него в воде оказалось некое подобие рыбы, выглядевшее весьма несообразно – большая голова венчала коротенькое, резко суживающееся к хвосту тело, обтянутое странное, морщинистой кожей. Чешуя покрывала только хвостовую часть этого тела, на месте спинного плавника торчал какой-то корявый костяной гребень, а боковые плавники заменялись кожистыми складками, мало помогавшими в плавании. И, тем не менее, этот уродец, извиваясь всем своим толстым телом, смог выплыть из омута в коренное русло реки и двинулся по течению, быстро удаляясь от растревоженного лагеря извергов. Река несла его сама, так что он перестал шевелиться, и стал похож на какой-то отброс, ошметок порванной плоти.

Больше часа течение несло это странное существо, пока на крутом повороте его не оттащило к берегу, где оно застряло в прибрежной ряске. Оборотень отдыхал после бессонной ночи, справедливо полагая, что на дне реки, в таком виде он вряд ли привлечет чье-то враждебное внимание. Впереди ему предстояло долгое путешествие, на Восток, в места, куда уже никогда не доберутся многоликие, и где очень нескоро появятся изверги! Там, в пустых бескрайних просторах, которые в далеком будущем будут названы Сибирью, он спокойно проживет отпущенный ему век... Как бы долг он не был!

Глава 1

*«...Явись
Медведем русским, страшным носорогом,
Гирканским тигром, чем-нибудь другим,
И я не дрогну».*

В. Шекспир «Макбет»

За окнами Звездной башни повисло темное ночное небо, усыпанное звездами, особенно яркими в конце часа Волчьей звезды. Член Совета посвященных, трижды посвященный Миру волхв Ратмир, сидел в своем кабинете за рабочим столом и внимательно изучал результаты очередного эксперимента.

Больше трех лет прошло с тех пор, как он прошел третье посвящение, после того, как извержонок Вотша, сбежавший из стаи восточных волков, тот самый Вотша, которого волхв считал тем, кого многогранные называли Разрушителем, и чей приход был предсказан в Первом Пророчестве, исчез из этого Мира. Конечно, была большая вероятность того, что извержонок стал одной из жертв экспериментов полубезумного изгоя Извара, превращавшего извергов в жутких тварей, только по внешнему виду похожих на людей. В этом случае извержонок или уже был мертв, или изуродован до неузнаваемости и замурован им Ратмиром, в подземелье княжеского замка в Рожоне – столице западных вебрей. Но трижды посвященный не был до конца уверен в гибели извержонка. В конце концов, ни он сам, ни кто-то еще из тех, кто хорошо знал Вотшу, не видели извержонка мертвым! Нет, Ратмир не прекратил поисков Вотши, вожак стаи восточных волков, брат Ратмира Всеслав истратил немалые средства на эти поиски, не раз волки стаи срочно отправлялись в самые отдаленные уголки обитаемого Мира, где вдруг объявлялся изверг, похожий на сбежавшего извержонка. И каждый раз оказывалось, что обнаруженный изверг совсем не тот, кто был нужен Ратмиру. Трижды посвященный волхв уже почти смирился с гибелью Вотши, и все-таки крохотная надежда еще теплилась в его груди – извержонок обладал такими качествами, которые вполне позволяли ему не только выжить в самых тяжелых условиях, но и скрываться от самых тщательных поисков!

Однако не только тайными поисками возможного Разрушителя был занят трижды посвященный волхв, у него была и явная работа – очень серьезная работа. Более трех лет он пытался понять, какие изменения в организме человека вызывал обряд эрозиобазы, обряд, лишавший многогранного возможности менять обличья, обряд, превращавший многоликого в изверга! Давным-давно Совет посвященных наложил строжайшее запрещение на исследования такого рода, но Ратмиру удалось добиться разрешения Совета на возобновление этих исследований.

Однако когда он боролся за возможность изучения этой проблемы, он даже представить себе не мог, с какими сложностями столкнется. Ему нужно было наблюдать обряд эрозиобазы во время его проведения, исследовать жертву до обряда и сразу же после него, устанавливая с предельной точностью все те изменения, которые происходили в организме жертвы. Но вожаки стай всеми возможными способами противились этим наблюдениям! Они не желали отдавать обреченных лишению многоликости в руки трижды посвященного волхва, не хотели видеть его в своей стае при проведении обряда, скрывали причины, по которым приговаривали своих сородичей к лишению многогранности!

Только вот оказалось, что самый молодой из членов Совета посвященных умел добиваться своей цели. Он действовал уговорами, объяснениями целей, которые преследовались его исследованиями, он не гнушался применять угрозы и шантаж, он давил князей автори-

тетом Совета посвященных. Он шел на подкуп вожаков и волхвов стаи, а иногда просто выкупал осужденных к лишению многоликости у стаи, имевшей финансовые трудности. Двадцать восемь обрядов эрозиобазы он провел лично, в своей собственной лаборатории! Он видел, как люди вставали под ритуальный нож в полубессознательном от ужаса состоянии и как они смеялись в ответ на провозглашаемый приговор и жутковатый речитатив заклинания, как изрыгали проклятия, перебивая, перекрикивая голос проводившего обряд волхва, и как молчали, игнорируя этот голос, погружаясь в самого себя, отгораживаясь ото всего мира!!

Сегодня утром из лаборатории Ратмира вынесли последнего из несчастных, которого он лишил многогранья, которого затем в течение четырех недель досконально изучал – резал и рвал кожу, жилы, мышцы, внутренние органы, пилил и ломал кости, брал для исследования кровь, лимфу, секреты желез... В конце концов, бедолага скончался, но его смерть еще дальше продвинула трижды посвященного волхва к разгадке тайны превращение человека в изверга!

И вот Ратмир уже в двадцать восьмой раз читал страшную историю уничтожения Человека! Историю, которую, как ему казалось, он знал досконально, и в которой все еще не понимал главного – причину изменений в организме человека, причину потери большей части человеческих способностей, превращавших его, в буквальном смысле слова, в калеку?! А понять надо было именно это! И снова трижды посвященный волхв вчитывался в четкие, лишенные эмоций строки:

«Многогранный Улав из стаи северных медведей девяносто шести лет...»

В голове волхва отстраненно промелькнуло: «Совсем еще молодой!.. Не намного старше меня!»

«...обвиняется в измене интересам стаи, присвоении чужого имущества, трусости...»

Ратмир пристукнул согнутыми пальцами правой реки по столешнице, раздраженно подумав:

«Все обвинения, против всех двадцать восьми человек как будто списаны с одного листа! Все двадцать восемь – трусы, воры, изменники!!»

«...приговорен судом стаи к лишению многогранья».

«Коротко и ясно! – Раздражение волхва еще выросло. – А весь суд – это вожак да волхв стаи!»

Усилием воли он задавил свое раздражение, в конце концов, не важно было, по какой причине вожак стаи северных медведей решил превратить своего сородича в изверга. Важно было то, что случилось с этим сородичем после того, как над ним произвели обряд эрозиобазы!

Глаза Ратмира снова опустились к листку пергамента и снова побежали по строчкам.

«До проведения обряда эрозиобазы тело северного медведя по имени Улав не имело видимых повреждений, все органы функционировали в пределах средних показателей для здорового тела возрастом от семидесяти до ста десяти лет. Виновным в предъявленных ему обвинениях он себя не признавал, приговор считал мстью со стороны вожака и волхва стаи за то, что он обличал их неправые действия. Пощады не просил, в круг интроекции вошел сам, бальзам выпил сам, после совершения обряда сознание интроецируемого затуманилось, но потеряно не было. Проверка функционального состояния тела, спустя двенадцать полных часов после проведения обряда эрозиобазы (полное восстановление сознания и сил), показала следующее:

Зрение – падение восприятия сверху – двенадцать пунктов, снизу – шестнадцать пунктов.

Слух – падение восприятия сверху – двадцать два пункта, снизу – двадцать шесть пунктов.

Обоняние – падение восприятия сверху – восемнадцать пунктов, снизу – шестнадцать пунктов.

Осязание – падение восприятия сверху – двадцать пунктов, снизу – двадцать три пункта.

Вкус – падение восприятие сверху – семнадцать пунктов, снизу – девятнадцать пунктов.

Способность к многогранью – утрачена полностью.

Способность к мыслеречи – утрачена полностью.

Способность к регенерации внутренних органов – утрачена полностью.

Способность к регенерации конечностей – утрачена полностью.

Способность к регенерации кожи, мышц, костей – утрачена в степени, приближающейся к полной.

Способность к кроветворению – утрачена более чем наполовину.

Способность в лимфотворению – утрачена более чем наполовину.

Железы внутренней секреции...»

Ратмир положил лист в общую стопку и задумался.

«Результаты всех двадцати восьми опытов были похожи, более того – были, практически, тождественны. Те различия в результатах, которые можно было отыскать, легко объяснялись возрастными изменениями здорового организма, ведь возраст интроекцируемых колебался от шестидесяти восьми до двухсот тридцати лет! А вот почему органы внутренней секреции, не претерпевая во время обряда эрозиобазы внешних изменений, после интроекции резко сокращали выработку соответствующих гормонов, а иногда начинали вырабатывать гормоны совершенно иного состава? Почему организм после обряда практически полностью терял способность к регенерации? Почему?..»

Он остановился, сообразив, что в сотый, в тысячный раз задает себе одни и те же вопросы. Вздыхнув, он выбрал из стопки лист со сравнительной таблицей функционального состояния внутренних органов и пробежал по нему взглядом. Как и во всех предыдущих случаях никаких видимых отличий во внутренних органах подвергнутого обряду эрозиобазы от таких же органов многогранного не наблюдалось, а вот их функциональные показатели рознились весьма серьезно!

И тут его взгляд зацепился за одну из последних строк в таблице – «Мозг – внешних изменений не обнаружено».

«Стоп!.. – Сказал сам себе Ратмир. – Внешних изменений не обнаружено, а заключения о функциональных нарушениях... просто нет!»

Он осторожно отложил лист в сторону.

«И заключения такого нет просто потому, что провести соответствующее обследование мозга не представляется возможным! А что если функционирование всех внутренних органов человека зависит от функционирования его мозга?! Тогда изменения в работе мозга скажутся и на работе всего организма... Значит, получается, что при проведении обряда эрозиобазы, воздействие, возможно, оказывается только на мозг многогранного, это воздействие приводит к изменениям в работе мозга, что в свою очередь, вызывает изменения в работе всех внутренних органах его тела!..»

Ратмир поднялся из-за стола и принялся ходить по кабинету, чувствуя, как его охватывает возбуждение от возникающей догадки.

«И в самом деле, процедура обряда эрозиобазы не может нанести объекту интроекции какого-либо физического вреда – ни сам волхв, проводящий обряд, никакой из предметов, используемых при проведении обряда, даже не касаются интроекцируемого!.. Правда, он перед обрядом выпивает специальный бальзам, но его состав хорошо известен и не содержит отравы. Сам обряд включает в себя строго определенные движения всех его участников,

строго определенную музыку, текст заклинания и правила его произнесения, даже клинок перед лицом интроектируемого надо сломать в точно определенный момент!.. Но все это не оказывает никакого физического воздействия на организм жертвы, и, тем не менее, организм этот начинает работать совершенно по-другому!! Мы уже разобрались, как изменяются функции всех внутренних органов у человека, подвергнувшегося обряду, и только изменения, происходящие в мозгу нам неизвестны, так что методом исключения мы приходим к выводу, что интроекция воздействует на мозг жертвы, а тот, в свою очередь, изменяет функционирование всех внутренних органов организма!!»

Ратмир остановился около стола и посмотрел на лежащий отчет.

«Но каким образом можно определить изменения, происходящие в мозгу интроектируемого?! Обычное вскрытие умершего ничего не даст – известно, что мозг умирает через несколько минут после остановки сердца, времени на его исследование просто не будет. Вскрывать череп живого человека?.. Но... Ни один из многогранных не даст своего согласие на такой опыт, а без согласия... Да... Можно, конечно, попробовать провести такой опыт тайно и... насильно, но если это выплывет!..»

Ратмир снова уселся в кресло, лихорадочно пытаясь придумать способ добиться согласия кого-то из многогранных на смертельный опыт, но в голову ему ничего не приходило!.. И вдруг! Он даже замер на секунду от простоты мелькнувшей мысли.

«А зачем, собственно говоря, вскрывать чей-то череп?! Ведь ясно, что интроекция – это один из методов ментального воздействия, а, значит, можно попробовать простое и безопасное ментальное сканирование мозга до и после проведения обряда эрозиобазы!.. Более того, можно обряд эрозиобазы провести, удерживая мозг интроектируемого под постоянным ментальным контролем!!»

Ратмир усмехнулся: «Кажется, я уже набросал план следующего опыта!.. Вот только кого из приговоренных к интроекции взять для этого опыта? Выбор у меня не слишком велик, хотя... Гвард! Медведь из стаи восточных медведей! Он уже приговорен Советом посвященных, так что и вожак, и волхв его стаи будут только рады, если с ним будет покончено!»

Взгляд трижды посвященного волхва скользнул по распахнутому в ночное небо окну, и он понял, что ночь перевалила за половину. Надо было ложиться в постель – пренебрегать отдыхом не следовало.

Утром следующего дня, в конце часа Жаворонка, Ратмир, как обычно, вошел в свою лабораторию. Тороп, ученик Ратмира, готовящийся ко второму посвящению, сверяясь с оставленными наставником указаниями, подбирал лабораторную посуду и инструменты для проведения очередного эксперимента. Услышав шаги трижды посвященного, он повернулся и встретил своего учителя вопросительным взглядом.

– Да, Тороп, – кивнул ученику Ратмир, – сегодня мы не будем исследовать печень умершего изверга, мне кажется, мы не найдем в этом объекте ничего нового. Сегодня ночью мне пришла в голову интересная мысль, а потому нам надо подготовить одного из имеющихся у нас осужденных к интроекции – послезавтра мы проведем обряд эрозиобазы. Вернее, ты проведешь обряд эрозиобазы, а помогать тебе будет Хвост.

– Я, учитель?.. – Удивился молодой человек. – Но вы говорили, что мне рано брать на себя ответственность за судьбу другого человека, что я могу не выдержать этой ответственности.

– Я и сейчас могу это повторить, – мягко улыбнулся в ответ Ратмир. – Но обстоятельства складываются таким образом, что во время обряда эрозиобазы мне придется заняться другой работой, так что сам обряд придется проводить тебе, а нож возьмет в свои руки Хвост. Надеюсь, ты хорошо помнишь заклинание интроекции и последовательность действий...

хотя, торопиться мы не будем, перед проведением обряда мы несколько раз пройдем все от начала до конца. А сейчас нам надо посмотреть, каким материалом мы располагаем.

Посвященный Тороп молча кивнул, быстро убрал на свои места инструменты, посуду и реактивы, а затем повернулся к наставнику:

– Я готов, трижды посвященный.

– Что ж, пойдем.

Ратмир направился к выходу из лаборатории, а Тороп двинулся следом за ним.

Из лабораторного помещения Ратмир вышел на лестничную площадку и по винтовой лестнице двинулся вниз, в подвал Звездной башни. Опускаться им пришлось недолго – лаборатория находилась на первом этаже башни, так что уже через пару минут они оказались перед дверью, ведущей в подземелье. Ратмир вынул из кармана своей белой хламиды приготовленный ключ и отпер массивную дубовую дверь, обитую тремя железными полосами. Замок едва слышно щелкнул, и дверь от легкого толчка, открылась. Ратмир перешагнул через высокий порог и оказался в узком сводчатом коридоре, стены и потолок которого были выложены темно-серым гранитом. Позади него раздался короткий треск, и вспыхнуло ярко-оранжевое пламя факела. Тороп поднял факел над головой, так что коридор впереди Ратмира осветился на добрые десять метров. И сразу стали видны три двери, врезанные в боковые и торцевую стены коридора.

Трижды посвященный волхв прошел к двери, расположенной в правой стене и, откинув ставенку, прикрывавшую оконце, врезанное в дверь, заглянул внутрь помещения. Едва заметно усмехнувшись, он вложил ключ в замок двери и повернул его. Чуть отстранившись, Ратмир пропустил вперед Торопа, а тот, переступив порог, сделал шаг в сторону и высоко поднял над собой факел, хотя в камере горела небольшая масляная лампа. С нар, поставленных вдоль противоположной от входа стены приподнялся высокий, худощавый мужчина. Его темная, курчавая голова заметно поседела на висках, щеки ввалились, отчего скулы казались ненормально широкими, а длинный нос с заметной горбинкой, стал напоминать птичий клюв. В глазах узника поблескивало лихорадочное возбуждение. Фигура его была закутана в одеяло, словно он мерз, хотя в камере было тепло, а рука, удерживавшая углы одеяла у горла, слегка подрагивала.

Ратмир переступил порог камеры следом за своим учеником и несколько секунд молча рассматривал узника, а затем спокойным тоном спросил:

– Ну что, Гвард из рода восточных медведей, ты продолжаешь отказываться от пищи?

– Ратмир из стаи восточных волков, Мать всего сущего спросит с тебя за мою невинно загубленную жизнь!! – С явно напускным спокойствием ответил узник. Губы его при этом слегка подергивались, а глаза сверкали едва сдерживаемой яростью.

– Гвард, ты что, забыл? – Усмехнулся в ответ Ратмир. – Тебя схватили в Звездной башне с оружием в руках, ты сопротивлялся и убил моего слугу. Ты сам рассказал о своем намерении лишить меня жизни, и ты собирался сделать это не из ненависти, не из, пусть и ложного, чувства справедливости, а за плату, в обмен на монеты. А теперь ты грозишь мне карой Матери всего сущего?! В чем твоя правда, Гвард?!!

Ратмир с минуту помолчал, словно давая своему пленнику возможность ответить, а на самом деле просто внимательно наблюдая за ним, перед тем, как сообщить ему убийственную новость. Но медведь тоже молчал, лишь острый внимательный взгляд выдавал его возбуждение.

– Совет посвященных рассмотрел представленные мной доказательства твоей вины и принял решение подвергнуть тебя обряду эрозиобазы. – Медленно и четко проговорил Ратмир. – Решение Совета будет сообщено тебе официально, обряд проведет уполномоченный на это волхв прямо здесь, в Звездной башне, на месте твоего преступления.

Гвард судорожно сглотнул, его глаза метнулись к темной молчаливой фигуре Торопа, словно ища у него поддержки, а затем мгновенно вернулись к Ратмиру.

– Про тебя, волк, говорили, что ты великодушен и умеешь прощать... – Севшим до хрипоты голосом проговорил медведь. – Но я вижу, что это не так! Я вижу...

– Прощать?.. – Перебил его Ратмир. – Ты считаешь, что ты заслуживаешь прощения?! Ты, убийца по найму, убийца, обменивающий кровь на монеты, считаешь, что тебя можно простить?! – Ратмир медленно покачал головой. – Нет! Я могу понять человека, который мстит обидчику, который идет на убийство в порыве негодования или, пытаясь предотвратить зло. Я могу понять того, кто идет на убийство ради других людей, защищая свою стаю или надеясь, что его сородичи будут после этого убийства лучше жить!! Но человек, идущий на убийство ради собственной выгоды, или, тем более, ради собственного удовольствия, ни сочувствия, ни прощения не заслуживает!

– Но я не получал за твое убийство выгоды!!!

Гвард приподнялся на нарах, и одеяло соскользнуло с его плеч, обнажая его грудь, покрытую шрамами.

– А как же монеты, что были обещаны тебе за мою жизнь?! – Быстро переспросил Ратмир. – Ты сам признался в этом!..

Затем, вскинув голову и глядя на узника сверху вниз, Ратмир брезгливо проговорил:

– Ты – наемник, и ответишь за свое деяние, как наемник! И ты не можешь оспаривать мое право... – Волхв неожиданно усмехнулся. – ...Воздать тебе должное!

Несколько секунд в камере висела тишина, а затем прошелестел едва слышный шепот узника, обращенный, казалось, к самому себе:

– Значит, если я скажу тебе, кто и почему обрек тебя смерти, ты сохранишь мне многогранье?..

И снова в камере воцарилась тишина, как будто прозвучавший вопрос повис в воздухе.

– Нет... – Проговорил, наконец, Ратмир. – Это ничего не значит. Да и поздно об этом рассуждать – вряд ли Совет отменит свое решение. И, кроме того, ты, видимо, забыл, что лежал на Столе Истины!.. Я знаю, Гвард, кто тебя послал ко мне, и могу задать интересные вопросы этому человеку. Задать тогда, когда сам этого захочу, и... когда этот человек – волхв вашей, стаи будет меньше всего этого ожидать!

На этот раз молчание длилось всего пару секунд, а затем медведь прошептал:

– Значит – изверг!.. Значит – так!

Взгляд его стал тусклым, голова медленно опустилась, да и сам он как-то обессилено обмяк.

– Да – изверг! – Подтвердил Ратмир, и в его голосе неожиданно просквозил некий намек на сочувствие. Вот только узник никак на этот намек не отреагировал.

Ратмир взглянул на своего ученика, а тот, перехватив этот взгляд, понял – вот следующая жертва обряда эрозиобазы!

Трижды посвященный волхв, кивнул собственным мыслям и, резко повернувшись, вышел из камеры. Тороп последовал за своим наставником после мгновенной заминки. Казалось, он хотел что-то сказать замершему на нарах узнику, но сдержал свой порыв.

Уже в коридоре, заперев дверь камеры, Ратмир не глядя на ученика, проговорил:

– Послезавтра утром мы проведем обряд эрозиобазы над Гвардом из стаи восточных медведей... Волхв стаи восточных медведей повел себя слишком... нагло, пусть Болот не думает, что охота на меня безопасна для его людей!

– А других осужденных мы не будем смотреть, учитель? – Осторожно поинтересовался Тороп.

– Нет, – покачал головой Ратмир. – Надо кончать эту затянувшуюся историю. Гвард уже три месяца ожидает своей участи, и дальше держать его в неведении не стоит – я уверен, что

он не знает, кто в действительности является организатором покушения, кто его проплатил... Да и само это покушение!..

Ратмир неожиданно оборвал свою фразу, а затем задумчиво добавил:

– У меня вообще такое ощущение, что медведя просто подставили, чтобы многогранья его лишили не в стае!

– Гвард не знает, кто организовал покушение?! – Удивленно переспросил Тороп. – А как же... Стол Истины?! Ведь перед поездкой в университет он разговаривал с волхвом стаи, и поручение убить тебя получил явно от него!

– Все это так, – согласился трижды посвященный. – Но у Болота не было причин ненавидеть меня настолько, чтобы желать моей смерти... Разве только...

Тут Ратмир замолчал и после недолгого раздумья добавил:

– Но об этом придется разговаривать с самим Болотом! В любом случае, Гвард знал, на что идет, а значит, должен был быть готов к лишению многогранья! Так почему бы нам не использовать этот обряд, для того чтобы разобраться с некоторыми научными проблемами?! Подготовьте нижний зал для проведения обряда.

– А что будет потом, учитель?.. – Неуверенно переспросил Болот.

– Потом?.. – Ратмир вопросительно приподнял бровь. – Когда – потом?..

– Я хотел спросить... – торопливо пояснил ученик, – ... что будет с медведем потом, после того, как он станет извергом? Мы будем изучать его... тело?

– А, ты об этом!.. – Ратмир на секунду задумался. – Я думаю, что это будет излишне. Мы уже знаем какого рода изменения можно будет обнаружить в его внутренних органах после интроекции, так что... Хотя, если я не смогу разобраться с... одной проблемой, то после обряда эрозиобазы дам тебе знак задержать его.

– Значит, если наставник решит его не задерживать, я объявлю ему, что он должен вернуться в стаю? – Уточнил Тороп.

– Конечно! Как это всегда делается, если интроекция проводится по решению Совета посвященных. – Недовольно проговорил Ратмир. Его начали раздражать вопросы Торопа, которые он считал излишними.

Два дня спустя, в самом начале часа Вепря, Ратмир, вернувшись после разговора с Вершителем, переоделся в темное платье и спустился в подземелье башни. Отворив высокую, двустворчатую дверь нижнего зала, он с порога оглядел просторное помещение, освещенное единственной масляной лампой, прикрепленной к дальней стене, под самым потолком. Ступенчатый помост, необходимый для проведения обряда эрозиобазы был уже установлен и покрыт темным тяжелым, заглушающим шаги ковром. На стенах, в темных кованых держателях установлены факелы. В стороне, на маленьком столике темного дерева, покрытом прозрачной тканью, лежал длинный чуть поблескивающий нож без ножен, и стояла широкая, на низкой ножке чаша, наполненная темной, маслянисто поблескивающей жидкостью – в общем, все было готово для проведения обряда. Еще раз оглядев зал, Ратмир вдруг заметил в самом дальнем, затемненном углу простое, но удобное кресло – Тороп позаботился об удобстве для своего наставника, и это проявление заботы вызвало легкую улыбку у трижды посвященного волхва. Он прошел в угол и уселся в кресло, до начала обряда оставалось совсем немного времени, так что можно было еще раз спокойно обдумать предстоящее.

Ратмир не заметил, как пробежало время, из задумчивости его вывел короткий треск вспыхнувших факелов. Подняв голову, он огляделся.

Нижний зал преобразился! Ковер, прикрывающий помост и большую часть пола, стал кроваво-красным, и по нему побежали причудливые темные узоры. Переплетаясь, прорастая из самих себя новыми, прихотливо струящимися побегами, эти узоры приковывали взгляд, заставляли разум погружаться в свое хитросплетение, рождали в голове странные, ритмически организованные звуки. На стенах проступили странные темные лики. Освещенные

колеблющимся красноватым светом, они казались живыми, меняющими выражение, подмигивающими, морщащимися, кривляющимися. И чем дольше человек вглядывался в эти изображения, тем яростнее они корчились, тем безобразнее становилась мимика этих уродливых, неуловимо перетекающих одно в другое лиц! А потолок зала, казалось, опустился, распластался над самым полом, прижимая всех входивших к земле, заставляя сгорбиться, согнуться от непонятной, наваливающейся на плечи, тяжести.

И только угол, в котором сидел Ратмир, продолжал оставаться в полумраке, как будто он находился в другом помещении. А невидимая стена, отгораживавшая это помещение от остального пространства нижнего зала, словно бы отсекала багрово-красные всполохи, лишала их силы, глушила их мощь!

С минуту взгляд трижды посвященного волхва скользил в пространстве преобразенного зала, а затем медленно, торжественно разошлись обе створки высокой и странно узкой двери, и в зал вступила небольшая процессия, состоявшая из трех человек.

Впереди медленно, словно нащупывая при каждом шаге правильную дорогу, двигался Хвост, недавно принятый Ратмиром в ученичество. Молодой парень был одет в дорогой, расшитый золотом и цветным шелком кафтан, на его голове красовалась бархатная, опушенная коротким мехом шапочка. Ноги его, обутые в мягкие короткие сапожки переступали осторожным мелким шагом.

За ним таким же медленным шагом следовал Гвард из стаи восточных медведей. Он был обнажен, переставлял ноги неуверенно, а его взлохмаченная голова чуть подергивалась. Глаза медведя лихорадочно обшаривали зал, взгляд его то прилипал к узором брошенного под ноги ковра, то вскидывался к гримасничавшим на стенах ликам, и, словно испугавшись этих гримас, снова падал вниз, к хитроумным затягивающим взгляд узорам.

Последним шагал посвященный Тороп, одетый в темную, длинную хламиду, скрадывавшую очертания его тела. Взгляд его был сосредоточен и, словно бы, погружен внутрь, в самого себя, но Ратмир сразу же понял, что его ученик до предела сосредоточен и просто не замечает окружающего.

Хвост, между тем, поднялся на помост, миновал его верхнюю площадку, спустился на пару ступеней с противоположной стороны и, резко повернувшись, взметнул вверх обе руки. Гвард, оказавшийся в этот момент на верхней площадке, остановился, и его взгляд буквально впился в поднятые руки ученика Ратмира. Тело медведя наклонилось вперед, словно, только эти, тянущиеся к низкому потолку руки удерживали его от следующего шага – шага вниз, прочь от уготованной ему судьбы!

Ратмир, до этого момента пристально наблюдавший за происходящим, закрыл глаза. Несколько секунд под его закрытыми веками продолжали метаться багровые отсветы, но, он умело отсек этот остаточный свет и начал тщательно прощупывать накрывшую его тьму. Еще несколько секунд ничего не происходило, а затем из окружавшего трижды посвященного волхва мрака осторожно выступили три фигуры, стоявшие на помосте. Очертания двух из них – передней и задней, едва проглядывались, оттененные едва заметным темно-фиолетовым ореолом, зато третья, стоявшая посредине, едва появившись, стала набирать яркость и скоро засверкала, словно подсвеченная изнутри хрустальная статуя! Волхв сразу же сосредоточил все свое внимание на голове этой, наполненной яркими, переливающимися пятнами, фигуры.

В этот момент в зале, сразу во всем его объеме возник едва слышный, низкий, тягучий звук. Одна единственная нота, проклюнувшаяся, казалось, из плещущего по стенам, багрово-красного света и точно попавшая в его ритм, тянулась и тянулась, как будто некий невидимый, но мощный хор, состоящий из сотни мужчин, посылал этот звук, как прощание одному из своих товарищей. Взгляд Гварда, стоявшего на вершине помоста, вдруг прояс-

нился, сам он выпрямился, даже вытянулся вверх, и замер, внимательно прислушиваясь к этому звуку.

Хвост медленно опустил руки, осторожно повернулся и, мягко ступая, прошел к стоящему в стороне столику. Там он взял в руки чашу с медленно качнувшейся в ее лоне жидкостью и, вернувшись на помост, протянул чашу медведю. В тот же момент тон заполнявшего зал звука чуть изменился, и из него, как нить с вращающегося веретена, потекла медленная музыкальная фраза, которая мгновенно приобрела смысл:

«Прими последний дар Матери всего сущего... Испей и вспомни все!..»

Гвард медленно протянул руки вперед и принял чашу. Тем же медленным, тягучим движением, не расплескав ни капли маслянисто поблескивающей жидкости, он поднес чашу к лицу, глубоко вдохнул темно-синий, накрывший чашу аромат и припал к ней губами. Ножка чаши, зажата в ладони человека, медленно поползла вверх, и тяжелая жидкость начала неторопливо переливаться из мертвого металла в живое тепло гортани... пищевода... желудка!

И тут снова чуть изменилась тональность наполнявшего зал звука, и зазвучала другая мелодия. Эту мелодию уже нельзя было переложить в слова, ее звуки были несовместимы с человеческой речью, хотя исполнялась она явно человеческим горлом. Долгий, заунывный звук переползая с ноты на ноту по каким-то своим, нечеловеческим законам звучал все то время, в течение которого Гвард тянул жидкость из чаши. А когда та опустела, звук оборвался настолько резко, что показалось, будто бы именно наступившая тишина выбила чашу из руки обреченного. Темный опустевший, ставший ненужным предмет, вывалился из разжавшихся пальцев и устремился вниз, словно желая спрятаться в переплетениях темного узора ковра, но ему не позволили долететь до пола. Хвост подхватил чашу и осторожным, крадущимся шагом направился к стоявшему в стороне столику. Когда он вернулся на свое место, в его руке уже поблескивал тонкий длинный клинок.

И в этот момент снова сменилась мелодия. Поднявшись чуть выше, она вдруг стала похожа на колыбельную. Стоявший позади Гварда Тороп едва заметно качнулся из стороны в сторону, как мать, укачивающая на руках маленького ребенка, и медведь, чуть помедлив, повторил это движение. Его обнаженное тело также едва заметно качнулось в такт «колыбельной», потом еще раз, и еще раз, понемногу увеличивая амплитуду раскачивания...

Именно в этот момент Ратмир заметил, что сияние, наполнявшее тело интроектируемого, изменилось... Нет, световая палитра тела осталась практически прежней, а вот с головой явно что-то происходило. Яркость цветных пятен, заполнявших голову, чуть уменьшилось, затем они снова вспыхнули, но их цвет изменился, стал холоднее, перетек из оранжевого в желтый, из голубого в синий, а два небольших, насыщенно фиолетовых пятна стали... черными! И только гало, окружавшее все тело, стало медленно наливаться красной!

Трижды посвященный волхв даже чуть приподнялся в кресле, напряженно наблюдая за происходящими изменениями. Медведь продолжал покачиваться из стороны в сторону, в такт звучащей мелодии, а в его голове, так же в такт колыбельному напеву, медленно тускнели расцветавшие ее разноцветные пятна. Ратмир видел, как, переходя от одного цвета к другому, эти яркие сияющие маячки постепенно, по очереди доходили до фиолетового свечения, а затем и совсем гасли, оставляя вместо себя черное, мертвое пятнышко. Постепенно эти черные пятна все больше заполняли объем головы, хотя порой уже умерший участок мозга снова начинал наливаться фиолетовым светом, словно показывая, что он не умер, что он еще может возродиться, но мелодия продолжала царить в зале и едва оживший участок мозга снова гас, темнел, чернел!..

Наконец, в окруженной темно-алым ореолом голове осталось лишь несколько крохотных цветных пятнышек, еще боровшихся с заливающей мозг чернотой, и возврат из нее становился все реже и реже... И именно в этот момент прозвучал резкий, диссонирующий с

«колыбельной» щелчок!.. Только через секунду Ратмир понял, что это Хвост сломал клинок ножа перед глазами Гварда!

Алое гало, окружавшее голову медведя, мгновенно вспыхнуло, затем снова приглушило свое свечения, и Ратмиру стало ясно, что интроекция закончилась – мозг Гварда из стаи восточных медведей... нет, он не умер, он просто перестал функционировать в полную силу, он... заснул!

Гвард стал извергом!

Трижды посвященный волхв открыл глаза, и словно в ответ на это мелодия, убаюкивавшая искалеченного человека, смолкла. Гвард покачнулся и медленно опустился на помост. Его глаза закрылись, и из-под век выкатились две медленные слезинки.

– Гвард, изверг из стаи восточных медведей, приговор Совета посвященных приведен в исполнение – ты наказан, и наказание это соответствует твоей вине. Ты обязан вернуться в родную стаю и жить там, где тебе укажет вожак!

Голос посвященного Торопа, прошедшего обряд эрозиобазы, звучал устало, но не дрогнул. Произнеся эту фразу, ученик Ратмира повернулся и, медленным шагом сойдя с помоста, вышел за дверь. Хвост некоторое время стоял неподвижно, глядя на лежащего Гварда, а затем поднялся на одну ступень и, наклонившись, тронул изверга за плечо:

– Вставай! Тебе нельзя оставаться более в Звездной башне, я помогу тебе выйти в город!

Гвард медленно, не открывая глаз, приподнялся и сел на помосте. Затем, после короткой паузы он открыл глаза и оглядел зал. Наткнувшись взглядом на стоящего напротив него Хвоста, он провел дрожащими пальцами по лбу и негромко, чуть запинаясь, произнес:

– Я плохо вижу... И слышу...

– Твои органы чувств работают совершенно нормально... для изверга. – Покачал головой Хвост. – Просто ты еще не привык к своему изменившемуся телу. Вставай, сюда должны прийти слуги, а видеть тебя они не должны!

Изверг пошарил ладонью по ковру, затем тяжело оперся на руку и медленно, неуклюже поднялся. Он еще раз оглядел зал, словно хотел запомнить это место, потом повернулся и, шаркая ногами, двинулся в сторону открытой двери. Хвост пошел следом за Гвардом, даже не пытаясь как-то помочь явно обессиленному извергу. Через несколько секунд они скрылись за дверью.

Ратмир встал со своего кресла и тут же почувствовал облегчение. Он вдруг понял, что последние минуты неподвижного сидения в кресле дались ему с колоссальным трудом – его тело, его разум требовали движения. Трижды посвященный волхв ступил на ковер, покрывавший пол подземного зала и принялся бесшумно шагать вдоль пустого помоста. Он наконец-то понял, в чем заключалась суть обряда эрозиобазы, но вместе с тем он понял и весь ужас того, что происходило с интроектируемым человеком!

Любой, прошедший первое посвящение, знал порядок проведения этого обряда, знал, что после него человек теряет способность к перевоплощению, к регенерации конечностей и органов, теряет еще кое-какие способности, казавшиеся, в сравнении с названными, уже несущественными. Однако никто, даже трижды посвященные члены Совета посвященных, не представляли всей глубины происходивших с интроектируемым изменений. Уже прием бальзама отсекал его от всех живущих в этом мире – только он, принявший этот бальзам, был способен в полной мере воспринять произносимый над ним заговор! Он слышал то, чего не мог услышать более никто!! О, Ратмир прекрасно знал, насколько прекрасен, насколько завораживающе может быть звук, как велика его власть над человеком, как звук, гармония может влиять на его состояние. Ему вдруг захотелось узнать, что именно слышал в заклинании интроектируемый, и содрогнулся от понимания того, какой должна быть плата за это знание!

Давно уже никто не помнил имени того волхва, того друида, который первым нашел рецепт бальзама и составил заклинание интроекции. Сам Ратмир никогда даже не задумывался об этом. Но сейчас он понял, насколько гениальным был этот человек, насколько широки были его знания об этом Мире!.. И насколько жесток был этот гений, насколько он ненавидел людской род, раз оказался не только способным придумать для него такую кару, но и соблазнить власть имущих ввести свое изобретение в постоянное употребление!.. Хотя... власть имущие во все времена жадно цеплялись за любую возможность уничтожить всех, кто угрожал их власти.

Тут его размышления были перебиты совсем другой, горьковатой мыслью:

«Я это прекрасно знаю по... самому себе! Я сам сейчас готов уничтожить любого, кто посягнет на мою власть!»

Но он тут же задавил непрошенную, ненужную мысль и вернулся к своим рассуждениям.

Конечно, вожаки и волхвы стай с восторгом приняли обряд эрозиобазы – ведь он не был уничтожением человека, он казался вполне гуманным – человек после интроекции оставался в живых, и никто из людей не понимал до конца, чего лишался изверг. А ведь фактически это было!..

Фактически, это было... изгнанием из Мира!!! Чаша бальзама и «колыбельная» выбрасывали человека из одного Мира и погружали в совершенно другой – более бедный цветом, запахами, ощущениями, возможностями! И как же должен был ненавидеть человек тех, кто лишал его привычного окружения, привычного тела, привычного сознания, тех, кто калечил его, превращал в...

Ратмир остановился и обхватил голову ладонями – на миг ему вдруг показалось, что это он сам только что прошел интроекцию, что это ему, трижды посвященному волхву, только что ампутировали зрение, слух, вкус, обоняние, осязание, что это его лишили возможности видеть Мир с высоты птичьего полета, ощущать его запахи звериным чутьем! Что если сейчас он выйдет во двор, и его встретит совершенно иной Мир – серый, без запахов и звуков... пустой, никчемный Мир! Он вскинул лицо к низкому потолку и... едва сдержал себя, чтобы не кинуть в него тоскливый волчий вой!

Резко выдохнув, долго сдерживаемый в груди воздух, Ратмир крепко потер ладонями щеки и вдруг подумал:

«Но, ведь, второе и все последующие поколения извергов не знают, чего они лишены! Они видят Мир ущербным с самого детства и этот Мир – их...»

Но тут же конец этой, вроде бы успокоительной мысли повторно резанул его сознание:

«Этот Мир – их!!!»

И снова его горькая ирония подсказала ему возражение:

«Нет, этот Мир не их, этот Мир наш! Мы не только произвели на свет извергов, мы и извергов... калечим! Вспомни, во что превращал этих уже покалеченных людей изгой Извар. Ты сам видел тот ходячий труп, лишенный чувств, лишенный мысли, движимый только волей многогранного, выполняющий только его приказы! Вспомни узников Извара, прячущихся от света и питающихся кровью!..»

Однако его прагматичный разум немедленно опроверг это возражение:

«Нельзя же всех извергов превратить в ходячие трупы, в... пещерных летучих мышей! Нам самим невозможно будет жить в таком соседстве!»

И эту мысль тут же догнала другая:

«А ведь для извергов невозможен возврат! Даже если бы я нашел состав зелья, цветовую гамму и гармонию, способные восстановить поврежденный мозг, разбудить его, вернуть ему утраченные функции, они, не имея достаточно острых органов чувств, просто не прочувствуют нужный вкус, не разглядят переплетение цветов, не услышат нужных звуков!

Мы – истинные люди, не знаем, что слышат изверги, как они видят, мы в своих исследованиях опираемся на свое восприятие окружающего Мира и ничего не можем предложить извергам... Вернее, изверги не смогут воспользоваться нашими находками, нашими открытиями!!»

Он вдруг замер. В его голове прозвучал чужой, холодный голос:

«Да они к нам и не обратятся. Они прекрасно понимают, что помочь себе могут только сами! И если они не способны вернуться в прежний Мир, значит, они будут пытаться переделать этот Мир под себя!!»

И тут он почувствовал невыносимую усталость – знание, обрушившееся на него, смятение, вызванное этим знанием, и невыносимый спор с самим собой до предела вымотали его. Усилием воли Ратмир отогнал роящиеся в голове мысли, окинул подземный зал своей башни новым взглядом и медленно направился к выходу. Более спорить было не о чем, теперь надо было решать, что делать с этим, добытым такой высокой ценой знанием!

В тот день трижды посвященный волхв ничем больше не занимался. До обеда он пробыл в своей спальне, после обеда ушел гулять по городу и вернулся только в начале часа Волка и долго сидел в кабинете, перебирая какие-то старые записи. На следующее утро Ратмир спустился в лабораторию и нашел там Торопа. Ученик ходил вдоль длинного лабораторного стола, явно не зная, чем заняться. Увидев входящего наставника, Тороп быстро проговорил:

– Господин, я не нашел твоих указаний по сегодняшней работе, я не знал, что надо приготовить!

– Не надо ничего готовить, Тороп. – Покачал головой в ответ Ратмир. – Мы закончили первый этап наших исследований – изучение обряда эрозиобазы, и прежде чем начинать второй этап, мне необходимо посоветоваться с Вершителем. Скорее всего, он потребует вынести утверждение моей новой темы на обсуждение Совета посвященных. Так что с сегодняшнего дня нашей главной темой будет... твоя подготовка ко второму посвящению. Кстати, как ты себя чувствуешь после вчерашнего обряда.

– Нормально... – Тороп слегка пожал плечами. – Во всяком случае, гораздо лучше, чем Гвард из стаи восточных медведей.

Ратмир внимательно посмотрел на своего ученика, ему показалось, что тот иронизирует, но Тороп был серьезен и не отвел взгляда.

– Тебе кажется, что с Гвардом поступили несправедливо?..

Вопрос Ратмира прозвучал спокойно, доброжелательно, но чуть прищуренные глаза выдавали некоторое напряжение, которое, однако, Тороп не заметил.

– Я вспоминаю, наставник, что когда я только поступил к тебе в обучение, ты выступал против слишком частого применения эрозиобазы. Мне такая позиция казалась правильной.

– Казалась?.. – Чуть насмешливо переспросил Ратмир. На щеках Торопа проступил румянец смущения.

– Нет, я неправильно выразился. – Быстро поправился он. – Я считаю такую позицию правильной.

– Но, все-таки, есть преступления такого рода, которые должны наказываться именно интроекцией? – не то спросил, не то констатировал очевидный факт трижды посвященный.

– Есть, – кивнул, соглашаясь, ученик, – в первую очередь это преступления против стаи, против города или любой другой общности людей. Однако когда дело касается преступления против индивида, должно проявляться и милосердие... Особенно если преступник... ну... раскаялся, понял и принял свою вину!

– Милосердие... – Задумчиво протянул Ратмир. – Милосердие дорогого стоит.

Он внимательно посмотрел на своего ученика и неожиданно спросил:

– Ты помнишь изгоя Извара, того, который проводил запрещенные эксперименты над извергами в княжеском замке Рожона.

– Да, конечно, – утвердительно кивнул Тороп.

– Так вот, однажды я проявил милосердие. Было это лет двадцать назад, его осудил Совет посвященных за покушение на жизнь старшего по рангу... За покушение на меня. Покушение ему не удалось, я оказался, как и следовало ожидать, лучше подготовленным. Но и Извар не раскаялся в своем преступлении, потому что считал свои действия оправданными – он пошел на это преступление как он сам считал, ради благополучия своей стаи. Я тогда проявил милосердие, отказался от возмездия и интросекция была заменена Извару на изгнание... Ну, ты видел клеймо изгоя не его лбу! Однако ты видел и то, к чему он пришел в результате моего милосердия. Если бы я тогда не стал препятствовать приведению в исполнение приговора Совета, несколько десятков извергов остались бы в живых, и в Море не появились бы живые мертвецы, которых ты видел в замке Рожона.

– Да, наставник, – снова согласился Тороп. – Но Извар был посвященным. Он вполне осознавал, что творит, и тогда, когда устраивал покушение на старшего по рангу, и тогда, когда создавал свой страшный эликсир для извергов. Может быть, как раз его-то и не следовало щадить. А Гвард – простой медведь, он не задумывал покушения на тебя, он сделал только то, что ему поручил волхв стаи! Вот поэтому я считаю, что он заслуживает милосердия. Если кому и отвечать за это покушение, так это Болоту, волхву стаи восточных медведей!

Румянец со щек Торопа уже сошел, и лицо его даже слегка побледнело, выдавая напряжение ученика, вынужденного отстаивать свою точку зрения, противоречить наставнику.

Ратмир улыбнулся. Ему нравилось, что Тороп, наконец-то, проявил свой характер, что вступил в спор со своим наставником. До этих пор его ученик, к которому он начал привязываться, был слишком... неуверенным в себе, что ли! Однако он тут же стер свою улыбку и, чуть прищурив глаз, проговорил:

– Если принять твои доводы, то очень быстро получится, что вина за все то, что творится в Море лежит на... Совете посвященных!

Тороп вскинул взгляд на наставника и тихо проговорил:

– А разве это не так?..

– Не так... – Покачал головой трижды посвященный. – Совет посвященных не может следить за каждым человеком в этом Море. И если кто-то из многогранных использует свободу воли, данную ему Матерью всего сущего, для неподобающих дел, он должен отвечать за свои деяния сам!..

Ратмир пристально посмотрел на своего подопечного и спросил:

– Разве не так?!

Тороп опустил глаза и кивнул:

– Так...

– Я рад, что по этому вопросу мы пришли к единому мнению. – Улыбнулся Ратмир, впрочем, без всякого превосходства. – Что же касается вида наказания то я... Ты, ведь, сам вспомнил, что я выступал за сокращение применения обряда эрозиобазы... Так вот, я собираюсь выйти в Совет посвященных с предложением о запрете дальнейшего использования этого обряда в качестве наказания за любое деяние!

И снова Тороп удивленно взглянул на своего наставника:

– Господин, ты собираешься?.. – Он, не договорив, оборвал самого себя, и тут же добавил. – Но Совет ни за что не примет такое решение!

Ратмир задумчиво наклонил голову.

– Да... Возможно... Но я хотя бы заставлю их задуматься об этом.

Тороп хотел, было, спросить, о чем, но промолчал, ему вдруг стало ясно, о чем должны задуматься члены Совета посвященных.

Трижды посвященный поднял на своего ученика глаза, улыбнулся и проговорил, заканчивая разговор:

– Сегодня у тебя будет свободный день, а завтра мы займемся твоей подготовкой ко второму посвящению. Я хочу проверить, насколько ты продвинулся в стихосложении.

Тороп молча кивнул и вышел из лаборатории. Ратмир задумчиво прошел по помещению, а затем тоже вышел, тщательно прикрыв за собой дверь.

Совет посвященных собрался как обычно в конце месяца. Ничего серьезного в этот раз не предвиделось, кроме, пожалуй, одного – последним из предложенных к рассмотрению Советом дел значилось сообщение трижды посвященного Ратмира об исследованиях обряда эрозиобазы. Члены совета ожидали обстоятельного доклада, однако Ратмир ограничился коротким сообщением, главной мыслью которого стало то, что угнетенные участки мозга, подвергнутого обряду эрозиобазы человека невозможно вернуть к нормальному функционированию. Объяснение причин такого положения тоже не заняло много времени, и большинство членов совета уже решили, что заседание скоро будет завершено, но... Сделав небольшую паузу, словно стараясь сосредоточить внимание членов Совета на своих словах, Ратмир закончил свое выступление:

– Основываясь на полученных мной результатах, я прошу Совет посвященных наложить запрет на проведение обряда эрозиобазы!

После этих слов в малом зале Совета посвященных долго висела тишина. Члены Советов были поражены – самый младший член Совета посвященных требовал запретить один из старейших обычаев Мира!! Это было неслыханно!!

Вершитель Кануг, беседовавший с Ратмиром накануне и знавший о его намерении вынести на решение Совета запрещение обряда эрозиобазы, сидел в своем кресле с отрешенным видом, но при этом внимательно вглядывался в лица членов Совета. Реакция большинства из них была предсказуема и понятна, однако, Вершителя интересовало, кто первым начнет разговор.

Наконец, когда молчание стало уже невыносимым, в полумраке зала прозвучал первый голос:

– Уважаемый Ратмир должен обосновать свое предложение более тщательно... Я, например не понял, каким образом связаны результаты его исследований обряда эрозиобазы и требование о запрете этого обряда...

Шавкан из стаи западных диких собак постарался выразиться мягко, но это понравилось не всем членам совета.

– Нечего здесь обосновывать! – Немедленно вмешался Тревор из стаи южных тигров. – Отмен одного из старейших обрядов в нашем Мире будет расценен, как недопустимое вмешательство Совета посвященных во внутренние дела стай! А Совет и так все кому не лень обвиняют в давлении на стаи, в навязывании своей воли. Мы и так зашли слишком далеко, разрешив волку проводить исследования обряда эрозиобазы, теперь он требует невозможного!!

– Именно что невозможного! – Поддержал Тревора северный тюлень Варяг. – Обряд эрозиобазы – единственное средство держать в повиновении простых дружинников. Если мы запретим его проведение, в стаях наступит хаос и бесконечные драки за власть!! Разве Совету надо это, разве Совет может это допустить?!

По залу пронесся одобрительный гул, большинство членов Совета явно поддерживало высказавшихся. Однако продлился он недолго, по залу прошелестела короткая сухая фраза Вершителя Кануга, брошенная на мыслеречи:

«Послушаем Ратмира, я думаю, ему есть, что добавить к своему предложению!»

Кануг знал, что может «добавить» восточный волк, его разговор с Ратмиром продолжался накануне больше двух часов и не убедил Вершителя. Глава Совета не согласился с доводами Ратмира, но происшедший разговор заставил его о многом задуматься, и теперь он хотел, чтобы все члены Совета выслушали самого молодого из трижды посвященных.

Гул в зале мгновенно стих, и Ратмир заговорил вслух, как бы отвечая на этот только что стихший гул:

– Уважаемые, моя просьба запретить проведение обряда эрозиобазы преследует одну единственную цель – сократить количество извергов в нашем Мире! – Словно предупреждая возможные реплики своих оппонентов, он поднял руку и чуть возвысил голос:

– Вы все знаете Первое пророчество! Вы все знаете, что рано или поздно в Мир придет Разрушитель! И если вы задумаетесь, кем будет этот Разрушитель, вы непременно придете к выводу, что это будет... изверг!..

– С чего ты это взял?! – Возмущенно воскликнул один из трижды посвященных. – Простудируй еще раз кодекса посвященных! Канон шестой прямо говорит, что Разрушитель в наш Мир придет извне, и пошлет его Мать всего сущего.

– И ты думаешь, уважаемый Сигур, это будет многогранный?..

– Это может быть все, что угодно: мор, глад, наводнение!!

– Да... – В голосе Ратмира просквозила едва заметная насмешка. – Мать всего сущего может послать в наш Мир мор, глад, наводнение, любое другое стихийное бедствие, но, во-первых, стихийное бедствие вряд ли уничтожит весь Мир, оно даже не изменит его кардинально, хотя людские потери могут быть значительными, а во-вторых, вряд ли стихийное бедствие можно назвать «Разрушитель»! Из текста Первого пророчества следует однозначный вывод – Разрушитель, это личность, и личность эта выйдет из извергов!!

– Голословное утверждение!!

Это восклицание позвучало из другого конца зала. Ратмир повернулся на голос и пожал плечами:

– Не более голословное, чем только что произнесенное тобой, уважаемый Вотут. – Он довольно громко хмыкнул и вдруг заговорил другим, гораздо более спокойным тоном. – Уважаемые, я бы хотел предложить вам подумать вот о чем. Только за прошедший год во всех стаях Мира было проведено около двух с половиной тысяч обрядов эрозиобазы! Вдумайтесь в эту цифру! Мы сами, своими руками выбросили в Мир две с половиной тысячи своих непримиримых врагов!! Врагов, отлично владеющих оружием, боевой тактикой и при этом люто нас ненавидящих!! К тому же эту свою ненависть они завещают своим детям, которых у них будет немало... В отличие от нас, многогранных, ведь за тот же год в стаях родилось всего полторы тысячи детей!

– Откуда в тебя эти цифры, волк, и насколько они точны?!

Голос Вершителя был спокоен, но тон вопроса все равно выдавал его удивление.

Ратмир вздохнул:

– Как вы сами знаете, уважаемые, никакого учета численности стай у нас не ведется, а потому названные мной цифры не слишком точны. Однако я думаю ошибка в них не более десяти процентов. За прошлый год я смог побывать в двенадцати из сорока восьми стай Мира, точно узнать положение дел в них и затем экстраполировать полученные данные. У меня получилось, что мы сами сокращаем численность многогранных. Зачем?! Вы задавались вопросом – зачем мы это делаем?! Когда обряд эрозиобазы был введен в обиход стай, он применялся только в крайних, вопиющих случаях – в тех случаях, когда проступок многоликого приводил к очень серьезным потерям для его родной стаи. Так неужели в прошедшем году две с половиной тысячи многогранных принесли такой вред своим стаям, что стали

достойными этого наказания?! Согласитесь – вряд ли! Тогда почему они подверглись этому наказанию?!

Ратмир замолчал, а в пространстве притихшего зала заметалась брошенная им мысль: «Думайте!!!»

Несколько секунд в зале царила тишина, а затем снова раздался спокойный голос Ратмира:

– А теперь давайте посмотрим, что творится в среде извергов. В старину, после проведение интродукции, новый изверг оставался в стае. Да, он терял свои человеческие способности и качества, он становился калекой, но он оставался в стае! Он был под присмотром стаи и мог надеяться на помощь, поскольку свою вину перед стаей он искупил! Да, он был извергнут из Мира, но он не был брошен стаей! А теперь?! Стаи, особенно на Западе, хотя это имеет место и в других частях Мира, зачастую бросают своих извергов на произвол судьбы, стаям нет дела до своих недавних родичей, а уж до их потомков тем более. И по всему Миру шляются изверги, сбиваются в дружины, грабят деревни, нападают на слабые караваны! А что творится в городах, особенно в вольных?! Там изверги свободны в самом страшном смысле этого слова – они вольны делать все, что угодно, и они делают это, стараясь только не слишком докучать многогранным! Не это ли «гнилая кровь» и «мертвенная короста» нашего Мира, о которых говорится в Первом пророчестве?!

И снова волк замолчал. И снова в зале прозвучало мысленное:

«Думайте!»

И снова после нескольких секунд тишины по залу прокатился голос Ратмира, но теперь он звучал устало, даже обреченно:

– Поэтому я прошу Совет запретить проведение обряда эрозиобазы и уничтожить всех извергов не живущих в стае и не имеющих надежного полезного дела!!

На этот раз молчание было долгим, гораздо более долгим, чем после окончания доклада Ратмира. Но на этот раз оно не было тягостным – члены Совета действительно задумались над сказанным. И прервал его снова не слишком терпеливый, хотя и осторожный, Шавкан:

– Уважаемый Ратмир предлагает Совету принять два весьма... э-э-э... острых решения: запретить освященный временем обряд и уничтожить огромное количество извергов. И то, и другое решение, безусловно, вызовут серьезное возмущение в стаях, а Совет и так уже обвиняют во вмешательстве во внутренние дела стай, что противоречит уставу университета. Мы должны помнить, что наше основное дело – наука, а не... э-э-э... высшее руководство Миром...

– Вот именно! – немедленно поддержал друга Варяг. – Совету не следует вмешиваться во внутренние дела стай, а то, что предлагает Ратмир, и есть такое вмешательство!

– Вмешательство?.. – Неожиданно ответил бывший наставник Ратмира, трижды посвященный Остин, голос его был тих и задумчив. – Если вы, уважаемые Шавкан и Варяг, будете гулять по городу, и увидите горящий дом, разве вы не поспешите на помощь?.. Разве вы не приметесь выносить на улицу людей и скarb, не приметесь срывать горящую крышу и заливать водой тлеющие перекрытия?.. А ведь это тоже «вмешательства во внутренние дела». Так, может быть, нам следует сейчас вмешаться во «внутренние дела стай», чтобы через несколько лет не сгорел весь наш общий дом?!

Голос смолк, а в зале неожиданно возникла мысль:

«Думайте!»

И эта мысль принадлежала не Ратмиру, она принадлежала его бывшему наставнику, Остину.

В молчании прошло около минуты, а затем Вершитель проговорил:

– Ну что ж, мы выслушали трижды посвященного Ратмира, выслушали всех, пожелавших высказаться по его предложению... Теперь прошу трижды посвященных высказать свое мнение – можем ли мы принять решение, на котором настаивает трижды посвященный Ратмир?

После секундной паузы раздалось первое твердое:

– Нет!

Ратмир внутренне усмехнулся – в принципе он заранее знал, чем кончится заседание Совета, он был уверен, что его требование не будет принято, и все-таки, в глубине сознания теплилась крохотная надежда. Но с этим первым «нет» она умерла – уж слишком оно было безоговорочным. Дальше он не слушал, слова, произносимые членами совета, проходили мимо его сознания, он думал о том, что ему необходимо предпринять теперь, после отказа Совета. Однако он не пропустил момента, когда подошла его очередь высказать свое мнение. Ратмир чисто автоматически произнес:

– Да!..

И, спустя мгновение, с некоторым удивлением услышал голос Вершителя: – Да!.. – И дальше. – Девять членов Совета сказали, нет, шесть – да! Таким образом, Совет не принял предложения трижды посвященного Ратмира. Заседание Совета окончено.

Ратмир медленно поднялся со своего кресла, и вдруг понял, что он не чувствует себя проигравшим! Шестеро членов Совета высказались за его предложение! Шестеро!! Вдвое больше того, на что он рассчитывал! Значит, шанс переубедить Совет оставался!

Глава 2

В Когте Ирбиса, княжеском айле вожака южных ирбисов Юмыта, повисло тревожное, напряженное ожидание. Ожидание... неизвестно чего. Старший сын вожака Юсут, больше месяца назад отправившийся в айл Алаган к своей тетке, не вернулся домой.

Конечно, поначалу повода для беспокойства не было – Юсут давно уже вышел из отрочества, был опытным воином, не раз водившим дозорные и полевые стаи. Даже когда из Алагана прибыл небольшой караван и его хозяин сообщил, что княжич покинул айл за неделю до выхода каравана, вожак не заволновался – Юсут вполне мог свернуть с дороги к какой-нибудь знакомой девчонке или заняться в горах охотой. Но княжич обязан был вернуться в Коготь Ирбиса, к празднику поклонения Матери всего сущего, на котором он, как один из ее стражей должен был участвовать в жертвоприношении.

Однако княжич к сроку не вернулся.

Это взбесило Юмыта, и он отправил в горы десять ирбисов-следопытов, дав им задание, обшарить места, которые Юсут посещал чаще всего и вернуть княжича в Коготь Ирбиса!

Спустя пятеро суток, к подножию скалы, на которой располагался княжеский айл, вернулся один из посланных следопытов, он привел лошадь княжича, к седлу которой был привязан тючок с его одеждой и обувью. Стражник, дежуривший у начала тропы, ведущей к княжескому айлу, дал сигнал наверх, и, спустя полчаса вниз спустился первый советник князя, волхв стаи, посвященный Касым.

Первым делом волхв обошел коня и убедился, что это именно то животное, на котором княжич покинул княжеский айл. Затем он сдернул с седла узел и разложил на траве одежду – это действительно была одежда Юсута. Снова свернув одежду княжича, волхв сунул узел в руки следопыту, негромко буркнул: – Иди за мной!.. – и двинулся вверх по узкой, обрывистой тропинке к княжескому айлу.

Подъем был сложен – это была тропа ирбиса, и человеку идти по ней было невероятно сложно, но волхв хорошо знал тропинку, так что уже через час они поднялись к невысокой стене из необработанного камня, огораживавшей княжеский айл. Ирбис, стоявший у небольшой калитки, сработанной из толстой, обитой металлическими полосами доски, беспрепятственно пропустил их внутрь.

За стеной располагалось совсем небольшое селение – около двадцати приземистых, одноэтажных домов сложенных из тщательно обработанных каменных блоков. Дом вожака выделялся высотой – он был возведен в два этажа и пристроенной к нему башней. Кроме того, позади дома, у отвесной скальной стены, прикрывавшей айл с запада, стояла огромная каменная цистерна, хранившая воду для всего селения.

Касым сразу же направился к княжескому дому – единственному среди других, огороженному невысокой каменной оградой, обозначающей некое подобие двора. Как только волхв и его спутник прошли сквозь проем в ограде на этот двор, дверь дома отворилась, и наружу вышел сам Юмыт. Волхв подошел к князю и негромко сказал:

– Нашли коня и одежду твоего сына, князь.

Юмыт перевел взгляд на стоявшего слева и чуть сзади следопыта, и тот, без слов поняв вопрос, протянул вожаку узел с вещами княжича и быстро проговорил:

– Коня нашел на длинном поводу в лесу, на спуске с Гвардского перевала к Улабу. Одежда лежала в дупле дерева, к которому была привязана лошадь. Она там пробыла не меньше двух недель!..

Вожак взял узел, несколько секунд его разглядывал, а потом вновь поднял глаза на следопыта:

Лошадь была в лесу больше двух недель, и никто ее не обнаружил?.. Там же айл недалеко!

– Гвардский перевал завален лавиной, никто из Улаба в ту сторону не ходил.

– Да... Помню. – Кивнул Юмыт. – Кто привязал лошадь и положил одежду в дупло, обнаружить не удалось?!!

Вожак казался спокойным, но хриплый голос выдавал его возбуждение.

Следопыт опустил голову:

– Мокро, князь... целую неделю шли дожди, облетала листва с деревьев... Нет запаха.

Вожак выругался и посмотрел на волхва. Тот покачал головой:

– Я могу посмотреть, но Стол Истины ничего не покажет, наш человек ни с кем не говорил.

– Я, как коня нашел, сразу сюда поскакал! – Подтвердил догадку волхва следопыт. – Решил, что теперь можно прикинуть, откуда и куда княжич направлялся.

Князь долго смотрел в застывшее лицо своего следопыта, а затем принял решение:

– Нет, у Гвардского перевала Юсуту делать было нечего! Поэтому возьми двадцать человек, поведешь их туда, где нашел коня. Оттуда разойдетесь веером – в сторону айлов по двое, к перевалам по одному. Если кто-то что найдет, немедленно ко мне.

Из шестидесяти четырех воинов, постоянно живших в Когте Ирбиса, отобрали двадцать лучших, и они ушли к Гвардскому перевалу. Юмыт, лично провожавший поисковую стаю к подножию скалы, вернулся домой в ярости. Старший сын, его надежда и гордость, вел себя, не как мужчина, а как безусый щенок! Вожак не сомневался, что рано или поздно княжич отыщется в каком-нибудь извержащем айле, пьяный и с девкой в обнимку. Юмыт заранее представлял себе очередной разговор с волхвом стаи! Касым давно уже твердил о недостойном поведении Юсута, а тот сам давал волхву повод для таких обвинений!

И действительно, волхв стаи поджидал вожака у прохода в стене и, не смущаясь присутствием караульного ирбиса, сразу же начал разговор о княжиче.

– Вожак, твой сын не понимает своей ответственности перед стаей! Он ведет себя, недостойно своего положения. Вместо того чтобы показывать другим...

– Мой сын – лучший воин стаи!! – Злобно перебил Юмыт волхва стаи. – Он не раз доказал это, а если ты с этим не согласен, назови мне того, кто может встать против него на ристалище!!

– Лучший воин стаи не может позволить себе относиться к Матери всего сущего так, как это делает твой сын! Лучший воин – это не только лучший меч, это еще и образец для подражания! Что будет с нашей стаей, когда вся молодежь начнет подражать твоему сыну?! Что будет с нашей стаей, если все молодые воины перестанут чтить Мать всего сущего?!!

– Да, может быть, Юсут не явился к празднику, потому что с ним что-то случилось!! – В запале крикнул Юмыт и... похолодел!

«А если, действительно, с Юсутом что-то случилось?! Может быть, он лежит сейчас в ущелье, на камнях с разбитой головой, с переломанным хребтом!!» – Вихрем пронеслось в голове вожака, но он тут же осадил сам себя:

«Нет!! Юсут не только самый сильный в стае, он еще и самый осторожный! Он не станет рисковать ни прыжком, ни перебежкой!»

И, словно подтверждая его мысль, подал голос волхв стаи:

– Случилось?! С ним случилась еще одна девка!! Вожак, ты слеп, если не видишь, куда катится твой сын!!!

Касым резко повернулся и чуть ли не бегом бросился в сторону своего дома, стоявшего в стороне от остальных построек.

Юмыт остолбенел! Открыв рот, он смотрел вслед волхву стаи – еще ни разу на его долгой памяти Касым не выходил из себя настолько, чтобы кричать на вожака стаи, и вот!..

За его спиной раздался едва слышный вздох, и вожак резко повернулся. Позади никого не было, но, шагнув в проем стены, он увидел дежурившего там воина. Тот смотрел, как и полагалось, на убегающую вниз тропинку, но было ясно, что он слышал разговор вожака и волхва от слова до слова! На Юмыта накатила волна ярости, он открыл рот, чтобы выговорить стражнику, но вдруг остановился и, мгновенно развернувшись, бросился вслед за волхвом.

Князь догнал волхва почти на пороге дома, и, схватив за плечо, рывком развернул его к себе лицом. Шумно вдохнув воздух, он медленно, сквозь сжатые зубы выговорил:

– Касым, с Юсутом, действительно, что-то случилось!! – И не обращая внимания на гримасу отвращения, появившуюся на лице волхва, пояснил. – Он взял с собой меч! Меч!! И его не нашли!! Юсут ни за что в Мире не расстался бы со своим мечом!!

Гримаса медленно сползла с лица Касыма, он понял, что вожак прав – меч с двумя голубыми лалами в перекрестье рукояти, тот самый, который Юмыт выкупил у князя Все-слава, был для Юсута дороже жизни!

Юмыт оттолкнул волхва, в его глазах плескалось безумие:

– Надо искать меч! А когда я найду его, я... запытаю того, у кого он окажется!! Я узнаю, что произошло с моим сыном!!!

Вожак крутанулся на месте и заорал во все горло:

– Эй!!! Все ко мне!!! Все, кто еще жив в этом айле!!!

Прошло несколько секунд, и из всех домов айла посыпались люди. Спустя еще десять секунд вожака окружило больше сорока человек. Юмыт оглядел собравшихся, и к нему вроде бы вернулось восприятие действительности. Но прежде, чем он начал командовать, раздался голос волхва:

– Вожак, не торопись! Подумай, как лучше организовать поиски, иначе, впопыхах, что-то можно упустить!

Юмыт рванулся к волхву, чтобы заткнуть ему глотку, но встретил холодный, жесткий взгляд, мгновенно отрезвивший его. Резко выдохнув, он снова повернулся к воинам, несколько секунд вглядываясь в их напряженные лица, а потом заговорил:

– Вы все знаете, что мой сын не вернулся из поездки в айл Алаган. Я думал, что он... загулял, но сегодня стало известно, что с ним, возможно, что-то случилось! Не знаю, что именно, но среди его вещей, найденных нашим следопытом, не оказалось меча князя Все-слава! Вы все сами понимаете, что это значит! Только что я отправил два десятка воинов, для поиска Юсута, они направились к Гвардскому перевалу. Ты... – он ткнул пальцем в грудь одного из воинов, – ...догонишь их и передашь, чтобы они искали еще и меч. Я думаю, что им его не найти, но возвращать их я не буду. Вы все готовьтесь к походу, через час я скажу, что надо делать!

Вожак махнул рукой, распуская людей, и повернулся к волхву:

– Пойдем, посвященный, подумаем, что надо предпринять!

Никто не слышал разговора вожака с волхвом, но спустя час Юмыт выглядел и говорил достаточно спокойно, хотя порой наружу прорывалось его колоссальное нервное напряжение. Воины, жившие в Когте Ирбиса, остались дома, лишь восемь человек, повернувшись к Миру родовой гранью, направились в айлы многоликих – вожак приказал собрать всех способных носить оружие, и привести их к подножью скалы.

Время, необходимое, чтобы организовать поиски сына, тянулось для вожака стаи южных ирбисов невыносимо долго. Днем он не мог сидеть дома, он обходил дома своих воинов, проверял оружие, заставлял их по несколько часов заниматься на ристалище, так, словно им предстояло уходить в долгий набег. Он спускался со скалы, повернувшись к Миру родовой гранью, и уходил в горы, словно надеясь обнаружить там свежий след своего сына. Ночью Юмыт не мог заснуть ни в одиночку, ни уложив в свою постель женщину. А с рас-

светом он снова был на ногах. Порой ему казалось, что он сходит с ума от невозможности немедленно действовать!

Спустя восемь дней двадцать воинов, посланных вожаком к Гвадскому перевалу, вернулись назад. Водивший двадцатку следопыт поднялся на скалу и доложил вожаку, что отряд проверил Улаб, два маленьких айла на западе Улабской долины, облазил всю долину вплоть до всех трех перевалов, но ни Юсут, ни его меч найдены не были.

Наконец начали подходить отряды из семи других айлов и, спустя четыре дня, под скалой, на которой стоял княжеский айл собралось сто сорок вооруженных бойцов. Семь старост явились в дом вожака стаи к ужину. Когда были произнесены все здравицы и наполнены желудки, Юмыт оглядел собравшихся за столом воинов, махом осушил зажатый в руке кубок и заговорил, медленно, словно преодолевая некое внутреннее сопротивление:

– Вы уже знаете, что у меня пропал сын... Старший сын, Юсут. Прошло уже больше двух месяцев, как он покинул этот дом, чтобы навестить свою тетку Айнас в айле Алаган, с тех пор я его не видел. Вы спросите, почему я раньше не поднял тревогу, но вам хорошо известен характер Юсута, да и что может случиться с таким воином, как мой сын в родных горах. Я послал людей на его поиски только тогда, когда посчитал его отсутствие... недопустимым своевољством – он не явился к празднику поклонения Матери всего сущего! Один из моих людей нашел его коня, привязанного в лесу у Гвардского перевала, а рядом в дупле его одежду. Вы скажете, что Юсуту приспичило вернуться к Миру родовой гранью, вот он и оставил коня и одежду – никто их, конечно же, не тронул бы. Но сколько мы не искали, мы не смогли найти меча, который был у Юсута, когда он покидал Коготь Ирбиса! Расстаться с этим оружием Юсут никогда бы не смог, поэтому я считаю, что там, где мы найдем меч, там мы найдем и след моего сына!..

Вожак замолчал, еще раз оглядывая сидевших за столом воинов, и вдруг наткнулся на прямой, острый взгляд одного из старост. Этот старик, которому перевалило далеко за двести лет, считался одним из самых опытных и умелых воинов, хотя он уже потерял былую гибкость и скорость. Пару секунд Юмыт вглядывался в его немигающие глаза, а потом спросил:

– Почтенный Асах, ты хочешь что-то сказать?..

– Да, князь, – кивнул старик, поднимаясь со своего места. – Я понимаю твою боль, и готов отправиться на поиски твоего сына, но должен сказать, что Юсут действительно мог вернуться к Миру родовой гранью, или принять крылатый облик, а меч, вещь для него очень дорогую, хорошенько спрятал до своего возвращения! И спрятал, конечно же, совсем не там, где оставил коня и одежду. В этом случае мы не найдем его оружие. Я думаю, неплохо было бы послать гонцов в соседние стаи, вдруг твой сын решил навестить кого-нибудь из вожаков?! – Старик тонко улыбнулся и добавил. – Например... Святослава, князя восточных волков!

Вожак бросил быстрый взгляд на сидящего напротив его волхва, и тот едва заметно кивнул.

– Спасибо за совет, почтенный Асах, – снова взглянул на старика Юмыт. – Ты мудр, и мы последуем твоему совету. Но ждать ответа из соседних стай не будем, я и так потерял слишком много времени, поэтому поиски начнем немедленно!

Следующим утром, в самом начале часа Жаворонка, когда солнце только позолотило вершину Эльруса, со скалы, на которой стоял айл Коготь Ирбиса, взлетело шесть холзанов. Мощные крылья понесли огромных птиц в разные концы света, в столицы соседних стай. В то же время от подножья скалы начали расходиться отряды воинов, которым предстояло обыскать все земли, принадлежащие южным ирбисам.

На краю скалы, за стеной, у начала тропки, сбегавшей вниз, стоял вожак стаи южных ирбисов, а чуть позади него пристроился волхв стаи. Когда последние воины поисковых

стай скрылись в чаще леса, подступающего к самому подножью скалы, волхв вздохнул и едва слышно промолвил:

– Они ничего не найдут...

Юмыт глянул через плечо и также негромко ответил:

– Они будут искать!..

В поисках прошел месяц, но ни меч, ни сам Юсут не были найдены. Посланцы, улетавшие к соседям, также вернулись ни с чем. А затем поиски были прекращены – зима пришла в горы, перекрыв перевалы, засыпав снегом горы и долины.

Эта схватка совершенно вымотала его. Он был готов упасть и перестать дышать, но ноги его не подгибались, и шея, сведенная судорогой, не давала опустить голову. А перед глазами плыл и плыл черный туман слепоты, и в этом тумане гасли не только краски окружающего Мира, но и его звуки. Оставалось только напряжение ожидания, да тянущая, царапающая, жгучая боль в правом плече, под сердцем и слева, в боку. И еще, он ни разу не угадал момента, когда черный туман вдруг пропадал, и из ослепительно яркого света на него бросалась огромная светло-серая кошка в темных круговых пятнах. Ее чудовищные когти вновь и вновь рвали его грудь под сердцем, правое плечо и левый бок, он падал навзничь, и тяжелая, тяжелая лапа становилась ему на грудь! Затем черный туман снова окутывал все вокруг, и из этого тумана, постепенно затихая, звучало невнятное ворчание ирбиса:

– Я убью тебя медленно!.. Я буду поедать твои внутренности, а ты еще будешь жить и чувствовать, как я обгладываю твои ноги, как твои кишки выдергивают из тебя, как мои зубы вгрызаются в твою печень, в твою селезенку!..

Наконец это ворчание становилось неслышным, затем медленно исчезала тяжесть лапы, давящей на грудь, и оставались только боль да черный туман, из которого вот-вот должен был снова выпрыгнуть ирбис. И он ждал... ждал... ждал этого прыжка. Он готовился отпрянуть в сторону, пропустить мимо страшное, тяжелое, светло-серое тело, изогнутые, стальной твердости когти... И снова бросок ирбиса становился для него неожиданным, и его тело не успевало уйти от удара этих страшных когтей!..

Эта схватка совершенно вымотала его, и он уже был готов упасть и перестать дышать... Но в этот момент в черном тумане возникли неожиданные, невозможные звуки. Когда-то он знал, что это за звуки, но сейчас он вслушивался в их звучание и не понимал, что это такое. Хотя сами звуки ему нравились:

– Бамбарак, Бамбарак! Ах, ты, парень... Ну ничего, ничего, выкарабкаемся...

Потом эти странные звуки стихли, черный, глухой туман впитал их в себя, но он вдруг почувствовал, что сил у него прибавилось. И снова он стал с тревогой ожидать нового броска ирбиса, но его все не было и не было... Даже боль, жевавшая бок, грудь и плечо, вроде бы, чуть отступила...

Прошло много, очень много времени, и вдруг снова слышались те самые странные звуки, которые прервали его нескончаемую пытку:

– Ну, как он?.. Так и не приходит в себя?..

– Нет... Но дышать стал, вроде бы, ровнее.

– Третьи сутки пошли... Может, все-таки позовем лекаря?..

– И что мы этому лекарю скажем?.. Что его ирбис порвал?..

И тут эти непонятные, но знакомые звуки вдруг обрели смысл! Он понял, что это – человеческая речь, что говорят о нем, он вспомнил, что это его зовут Бамбарак... Нет, зовут его Вотша, а Бамбарак – это прозвище, которое он сам себе придумал, когда пришлось скрываться от многоликих!

И тут же он ощутил свое больное, израненное тело, и внутри у него похолодело: он вспомнил, вспомнил почти все! И то, как они с Вагатом и старым Барыком шли по осыпи,

оставшейся после лавины, через Гвардский перевал, и тащили за собой лошадь с поклажей! Как поутру к их ночлегу выехал княжич южных ирбисов Юсут, его старый смертельный враг. Как Юсут узнал его! И меч!! Тот самый меч, что когда-то давно, в прежней его, счастливой жизни вручила ему княжна Лада за победу в схватке с этим самым Юсутом. Он вспомнил, что держал этот меч в руке, когда Юсут, перекинувшись ирбисом, нападал на него, и что его прекрасный меч был совершенно бесполезен в этой его последней схватке!!

Но каким же образом он остался жив?!!

Вотша медленно поднял веки.

Он лежал на спине. Ложё под ним было очень низким и достаточно жестким. Над ним висел низкий темный потолок, хотя, может быть, потолок просто казался темным из-за царящего в помещении полумрака. Вотша повел глазами из стороны в сторону и увидел, что рядом с ним сидит крупный, черноволосый мужчина, а чуть в стороне, сгорбившись, стоит старик. Старика он узнал и, разлепив спекшиеся губы, попробовал произнести:

– Дядя Барык...

Сидевший рядом с его постелью мужчина мгновенно развернулся и склонился над ним. В лицо Вотши заглянули огромные темные глаза:

– Бамбарак! Ну, наконец, ты очнулся!!

Теперь Вотша узнал и этого мужчину – своего учителя, Вагата, кузнеца из айла Уругум.

– Вагат, – прошептал он, глядя в глаза кузнеца, – где я?..

– Мы в Улабе, у дядюшки Барыка... – Шепотом ответил кузнец. – Ранен ты и... побит, но должен поправиться...

Вагат замолчал, словно почувствовав, что у Вотши есть еще вопросы. И точно, собравшись с силами, он спросил:

– А... Юсут где?..

– Так ты что, не помнишь? – Удивился кузнец.

– Нет, – едва слышно выдавил Вотша.

Вагат посмотрел Вотше в глаза долгим взглядом, а затем тихо и очень серьезно проговорил:

– Убил ты ирбиса!.. Глаза Вотши широко распахнулись, а Вагат пояснил. – Кинжалом своим заколол, серебряным. Страшен кинжал твой оказался, и удар-то был всего один, а ирбис сразу сдох, да к тому же туша его исчезла, как будто огонь какой-то ее выжег!

Тут он остановился, как будто почувствовал, что Вотша его не понимает, и начал свой рассказ сначала:

– Ты помнишь, как многоликий нас разбудил?

Вотша моргнул, словно подтверждая, что этот момент он помнит.

– Юсут это был, княжич наш. Когда он тебя узнал и прогнал нас с Барыком, мы не ушли. Остановились за первым кустом и стали наблюдать, что дальше будет. Видели, как он тебе меч отдал, и как сам в ирбиса перекинулся. Вот тогда я и понял, что он тебя решил убить! Не знаю, чем уж ты ему так насолил, что он сам, собственными когтями и клыками решил это сделать!

Вагат замолчал, словно давая Вотше возможность объяснить непонятное, но почти сразу же сообразил, что у того нет сил для объяснений, и продолжил:

– Признаться, очень ты меня удивил тем, как оружием владеешь, никак я этого не ожидал, похоже, ты где-то очень хорошую школу прошел...

Вотша после этих слов чуть улыбнулся, а Вагат наоборот, вдруг посуровел:

– Только мастерство твое ни к чему было – меч-то против оборотня ничего не стоит. А когда ты упал, и он тебе на грудь лапу поставил, я уже и попрощался с тобой. Не знаю, почему он тебя сразу не разорвал, а стоял над тобой и что-то тебе говорил... И тут смотрю, ты как-то странно так дернулся, а ирбис вдруг голову к небу задрал, заревел, да прямо на

тебя и повалился!! – Вагат покрутил головой, словно отгоняя страшное видение. – Я сначала решил, что он тебе в горло вцепился. Все, думая, конец моему ученику. А потом смотрю, ирбис вроде бы и не шевелится. Но из леса вышел только тогда, когда ты вдруг пошевелился и с себя тушу мертвую толкнул. Подбежал я к тебе, смотрю, ты в кулаке кинжал свой сжимаешь, от туши пытаешься отползти, а ирбис валяется на траве и в боку у него рана, да, знаешь, странная такая рана – огромная дыра, и по краям вроде, как бы обугленная! Я даже не сразу понял, что она, рана эта все больше становится, как будто тушу кошачью невидимый огонь сжигает! Так он и сгорел, без остатка, без золы, и даже трава под ним цела осталась!!

Вагат замолчал, покачал головой и вздохнул:

– Тут ты меня снова удивил! Одежда располосована, сам весь в крови, почти без сознания, и вдруг поднялся на ноги, да как заорешь: «Я убил его!» Правда, тут же сознание потерял. Мы с Барыком оттащили тебя в лес, лошадь ирбиса я к дереву привязал, одежду его в дупло сунул... До вечера мы в лесу хоронились, а уже в темноте притащили тебя в сарай к дядюшке Барыку, вот здесь ты и отлеживался!..

– Меч где?.. – Прошептал Вотша.

– Что? – Снова наклонился над ним кузнец.

– Меч где?! – Чуть громче повторил Вотша.

Вагат снова покачал головой:

– Вот и в лесу ты все о мече беспокоился. Я хотел, было, оставить его вместе с вещами, да Барык заставил меня спрятать его. Он почему-то решил, что клинок этот тебе знаком и... ценен для тебя. Тащить его в айл мы побоялись, как еще дело обернется, хотя, вряд ли кто поверит, что с многоликим что-то нехорошее произошло, но мало ли что. Вот я его и спрятал. Назад в Четам пойдем, если захочешь, с собой его забрать сможем.

Напряженное лицо Вотши вдруг разгладилось, он улыбнулся, закрыл глаза и... заснул.

На этот раз он спал спокойно, и только под утро следующего дня ему приснился сон. Он сидел под ярким теплым солнцем, на лавке у ристалищного поля в крайском замке, а рядом с ним сидел его наставник Старый и что-то негромко, задумчиво рассказывал. Вотша понимал, что этот рассказ очень важен, что, внимательно его выслушав, он поймет нечто очень важное... жизненно важное, но голос Старого ускользал, превращался в невнятное монотонное бормотание. Вотша занервничал, пытался напрячь слух, но от этого еще хуже понимал старого мечника. Слова, вроде бы понятные, комкались, теряли отдельные звуки, изменялись до неузнаваемости, доводя Вотшу до иступления! Наконец он нетерпеливо дернулся, пытаясь подвинуться ближе к старику... Боль, мгновенно проснувшаяся в плече и левом боку, ударила его наотмашь, и он открыл глаза. В маленьком окошке его крошечной горенки плескался жемчужный блеск рассвета, вокруг стояла абсолютная тишина, и в этой тишине он, ставший вдруг маленьким изверженком, отчетливо услышал чуть хрипловатый голос Старого:

– ...совершенно уничтожить многогранного может только... светлый металл! Если многогранный погибает от светлого металла, он уже никогда не возродится вновь!

«Так это же... серебро!! – Вспыхнула в его голове яркая, как молния догадка. – Светлый металл, окончательно уничтожающий многоликих – это не сталь, как они сами думают, это – серебро!! У меня есть светлый клинок – воистину смертельный клинок для многоликих!!! Для... оборотней!!!»

С этого утра Вотша быстро пошел на поправку. На четвертый день он уже сидел в постели, на восьмой начал вставать и выходить во двор. Вагат за это время успел сдать сидевшим в Улабе обменщикам и кузнь и литье и чеканку в обмен на монеты, так что через две недели они с Вотшей смогли отправиться назад, в свой родной айл Уругум. Лошадь Вотши, на которой они привезли в Улаб свой товар, им пришлось оставить у дядюшки Барыка – второй раз вести бедное животное через заваленный каменной осыпью перевал было про-

сто невозможно. Вотша, правда, выглядел и чувствовал себя довольно слабо, да и повязки с плеча и груди еще не сняли, но оставаться дольше в Улабе не хотел, к тому же и семья Вагата наверняка начала беспокоиться.

Из Улаба они вышли на рассвете, и спустя час нырнули под густую хвою могучего соснового леса. В лесу было по-осеннему прохладно, сыро и тихо. Неторопливо шагая по довольно широкой тропе, через узловатые корни, протянувшиеся поперек нее, Вотша и Вагат негромко переговаривались. Разговор их вертелся в основном вокруг удачной поездки в Улаб. Монет, вырученных за сработанные ими оружие и металлическую утварь, вполне должно было хватить на выплату откупа.

Однако скоро эта тема исчерпала себя. Они немного помолчали, а затем Вагат негромко поинтересовался:

– А откуда тебе этот меч знаком?..

– Какой меч?.. – Не оборачиваясь к кузнецу, переспросил Вотша. И хотя Вагат понял, что Вотша прекрасно знает, о каком спрошен, он поддержал эту «игру»:

– Ну, тот, что тебе ирбис отдал.

Вотша посмотрел вверх, словно хотел увидеть скрытое сосновыми лапами небо, а затем негромко ответил:

– Это... мой меч. Я из стаи восточных волков, мой прадед был знаменитым воином. Волки меня, совсем маленького мальчишку, и владению мечом учили. И с вашим княжичем я в Крае на турнире сошелся, и... побил его!.. Вот тогда наша княжна и вручила мне этот меч, как награду победителю. А потом меч у меня отобрали, а сам я едва ноги унес. Ваш князь меч у Всеслава выкупил и своему сыну отдал...

– История... – Медленно протянул Вагат, недоверчиво поглядывая на Вотшу.

– Как-нибудь я тебе ее поподробнее расскажу. – Пообещал Вотша. – А сейчас надо подумать, что нам с... серебром делать?!

– А что с ним делать? – не понял Вагат.

Вотша остановился и внимательно посмотрел на кузнеца, а затем снова двинулся вперед, рассуждая на ходу:

– Ты что, не понял – это же смерть многоликих! Смерть мгновенная и беспощадная! Я когда под лапой ирбиса лежал, во мне и сил-то совсем не оставалось, если бы он не сказал, что в обмен на мой труп потребует у Всеслава Ладу, я и ударить бы его не смог, на одной ненависти рука поднялась. Кинжал мой, наверное, едва шкуру ирбису пропорол, а он загнулся и сгорел! Ты понимаешь, что это серебро его сожгло?!!

– Понимаю, – кивнул Вагат, – только я думаю, это просто какой-то невероятный случай!

– Нет!.. – Покачал головой Вотша. – Это не случай... Вернее – это случай, открывший нам возможность истребить многоликих, уничтожить их владычество над извергами!!

Теперь уже на месте остановился кузнец:

– Уничтожить многоликих?! Твоим серебром?!! А если это простая случайность?.. Если на других многоликих твое серебро не подействует?!!

– Вот я и думаю, каким образом испытать мой кинжал еще раз! – Проговорил Вотша, снова пускаясь в путь. – А сейчас я хочу, чтобы ты показал мне, наконец, куда ты спрятал мой меч!

Вагат взглянул на Вотшу и усмехнулся:

– Слушай, Бамбарак, и что ты цепляешься за этот меч?! Ты что не понимаешь, насколько опасно иметь его при себе?! Если кто-то увидит это оружие в твоих руках и донесет многоликим, тебя растерзают, и никакое серебро тебе не поможет!! Подумай, может оставить его там, где он сейчас лежит? Пройдет время и может быть его можно будет взять без опаски?

Несколько минут Вотша шагал молча, словно обдумывая слова своего наставника, а потом покачал головой и тихо проговорил:

– Нет, Вагат, этот меч вручила мне княжна Лада... Когда он в моей руке, силы мои удесятятся, сомнения покидают меня. Когда я смотрю на этот клинок, передо мной стоит лицо княжны, и у меня вырастают крылья. С этим клинком я не боюсь всех многоликих Мира!!

Вагат покачал головой и чуть заметно усмехнулся:

– Интересный ты парень – всех многоликих собираешься уничтожить, а многоликую княжну из сердца выбросить не можешь! Да, ладно, меч твой, тебе и решать... Заберем его, но... его же надо будет нести с собой, как ты его укроешь от посторонних глаз?..

Вотша пожал плечами и ничего не ответил. Дальше они шли молча.

Лес закончился, и путники вышли на луг, начинающийся от опушки сосняка. Вотша остановился – вот оно, то самое место, где их нашел княжич стаи южных ирбисов Юсут, где он получил назад свой чудесный меч, где его никому не нужный кинжал из металла-изгоя одолел неязвимого многоликого!

– Отдыхать не будем! – Оборвал его воспоминания Вагат. – Перейдем перевал сразу, тогда Четам можно будет обойти ночью, и нас никто не увидит!

Вотша кивнул, и они снова двинулись вперед.

Луг, отделяющий сосновый лес от каменистой осыпи, накрывшей перевал, был совсем невелик, так что уже через несколько десятков шагов под их ногами захрустел мелкий камень. Всего две недели назад они уже проходили этим путем и хорошо помнили насколько он был сложен и опасен, но сегодня продвигаться вверх по каменистой осыпи оказалось гораздо легче. Возможно, дело было в том, что всю последнюю неделю над перевалом лили бесконечные дожди, и под этими потоками воды осыпь слежалась. Во всяком случае мелкие камешки не уходили из-под ног при каждом шаге, не устремлялись вниз, увлекая за собой вышележащие пласты. Кроме того, сами путники шли налегке, без тяжелой поклажи, что тоже давало им возможность лучше удерживаться на склоне.

Когда они прошли примерно половину осыпи, накрывшей перевал, Вагат, шагавший первым остановился и внимательно оглядел окружающее пространство. Мелкий камень, покрывавший довольно крутой склон, сливался с бледно-серым небом, по которому стремительно бежали низкие облака, обещая новый дождь, а впереди, справа, вырастала серая гранитная стена, словно знак, указывающий на верхнюю точку перевала. Вагат отвязал от пояса моток веревки, повернулся к также остановившемуся Вотше и, бросив веревку ему под ноги, коротко бросил:

– Подожди меня тут!..

Он свернул чуть левее и направился к довольно большому серому в красноватых прожилках валуну, до половины присыпанному мелкими каменными осколками. Валун лежал на самом краю пологого склона, по которому поднимались изверги, а с другой стороны от него каменистое поле уходило вниз гораздо круче и заканчивалось обрывом. Оказавшись рядом с этим валуном, Вагат опустил на одно колено и принялся отгребать в сторону каменную крошку, спустя пару минут, он нашарил что-то в камнях и, крепко ухватившись, потянул на себя. Через мгновение Вотша увидел в его руках, узкий, длинный предмет, завернутый в старую рогожу и обвязанный кожаным ремешком. Вагат поднялся на ноги и, осторожно ступая по камням, двинулся назад. Вотша сделал шаг в его сторону, но кузнец выбросил вперед руки и, чуть повысив голос, приказал:

– Оставайся на месте!

И в ту же секунду камни под его ногами пришли в движение – довольно большой пласт осыпи начал медленно оседать, соскальзывать вниз, в сторону обрыва, под которым виднелся далекий лес.

Вагат тут же прекратил движение и осторожно лег на камни...

Вотша хотел рвануться на помощь, но вовремя сообразил, что рискует увеличить оползень. А камни между тем начали постепенно замедлять свое движение и через пару минут вовсе остановились. Некоторое время Вагат лежал неподвижно, а затем приподнял голову и огляделся. Вставать на ноги он не торопился – видимо, каменная осыпь под ним была слишком ненадежна.

– Не вставай! – Крикнул ему Вотша и поднял брошенную кузнецом веревку. Вагат понял, что собирается сделать его ученик, и замер на месте. Вотша распустил моток и, прикинув его длину, понял, что до Вагата конец веревки не достанет. Осторожно ступая по покрытому камнем склону, он двинулся в сторону лежащего кузнеца. Двигался он очень осторожно, а, пройдя с десятков шагов, опустил на одно колено и аккуратно перемотал веревку, размахнулся и швырнул ее в сторону Вагата. Брошенный моток развернулся в воздухе, и конец веревки лег, аккурат, возле плеча кузнеца.

Вагат обмотал конец веревки вокруг запястья и крикнул:

– Тяни!..

Вотша попробовал тянуть кузнеца, но сразу же стало ясно, что это ему не под силу. Раны на правом плече и на левом боку только-только затянулись, и напрягать мышцы в полную силу он не мог. Вагат и сам почти сразу же понял, что его ученик не справится с его тяжестью. После недолгого размышления, Вотша выгреб в каменной крошке неглубокую канавку и уселся так, что его ноги оказались в этой канавке. Привязав свой конец веревки к ногам, он откинулся назад и, уперев ноги в камни, крикнул:

– Попробуй подтянуться сам!..

Вагат положил свою ношу на камни впереди себя, и попробовал осторожно потянуть за веревку. Она держала. Тогда кузнец начал не спеша, аккуратно, подтягиваться, не забывая перекладывать рогожный сверток. Он прополз около десяти метров, когда камни под ним снова зашевелились и начали медленно сползать к пропасти. Вагат вцепился в веревку одной рукой, а второй ухватил сверток, в котором был меч.

Вотша еще больше откинулся назад, стараясь удержаться на месте, его ноги, перетянутые веревкой, обожгла боль, но изверг, стиснув зубы, терпел, стараясь не закричать.

Минут десять продолжалось это сползание, пока камни снова не остановились, и Вагат не смог продолжить подтягивание. Наконец кузнецу удалось вытащить себя на достаточно прочное место. С минуту он лежал неподвижно, а затем поднялся на дрожащие ноги и направился к Вотше. Изверг лежал на спине, закрыв глаза и закусив губы. Его ноги, перетянутые веревочной петлей, по щиколотки зарылись в каменную крошку, и были напряжены, словно он продолжал удерживать тяжелый груз. Куртка груди у Вотши распахнулась, и сквозь рубашку проступило небольшое кровавое пятно.

Вагат опустился рядом с Вотшей на колени и осторожно распустил стягивающую его ноги петлю. Затем вытащил ноги своего ученика из камней и, выпрямив их, начал легко растирать, приговаривая:

– Да, Бамбарак, дорого нам твой меч достается...

– А зачем ты его под этот камень запихнул?.. – Разлепив закусенные губы, проговорил Вотша. – К нему ж подойти нельзя было!..

– Потому и сунул, что подойти нельзя... – Невесело усмехнулся Вагат. – Боялся, что оттуда, куда подойти можно, утащит кто-нибудь!

Вагат осторожно лег рядом с Вотшей, и с полчаса они отдыхали, лежа на голых камнях. Затем Вотша приподнял голову и проговорил:

– Ладно, хватит! Пора дальше двигаться!

– А встанешь? – Кузнец сел и внимательно посмотрел на Вотшу. Тот кивнул и попробовал подняться. Осторожно, словно боясь расплескать что-то внутри себя, он встал на ноги, осмотрелся и шагнул к лежащему рядом длинному свертку, но его остановил Вагат:

– Не трогай, я сам его понесу.

Вотша медленно повернулся к кузнецу и неожиданно улыбнулся:

– Да мне только пощупать, только... прикоснуться!..

Вагат шагнул к свертку, поднял его с земли и на двух руках протянул Вотше. Тот осторожно положил на сверток ладони и, закрыв глаза, повел ими в разные стороны.

– Ну вот, – прошептали его губы, – наконец-то ты снова со мной!

Спустя два часа они перевалили через Гвадский перевал и начали спуск к айлу Четам. А на следующий день в конце часа полуденной лисы Вагат и Вотша были в Уругуме.

К своему дому, стоявшему на краю айла рядом с кузницей они подошли через заднюю калитку, так что никто из уругумцев их не видел, и весть о том, что Вагат со своим подручным вернулись из Улаба, разнеслась между жителями только ближе к вечеру.

В самом начале часа Вепря в дверь дома постучали. Вагат открыл сам и увидел на крыльце старосту айла, почтенного Самура и с ним еще двух стариков. Посторонившись, кузнец сделал приглашающий жест:

– Проходите, почтенные, я рад видеть вас в своем доме!

Старики вошли в прихожую, и сняли обувь, оставшись в коротких чулках. Вагат уже открыл дверь в горницу, он знал, зачем пришел староста. Старики прошли к столу, накрытому для ужина, и чинно уселись на предложенные стулья. Жена Вагата начала подавать кушанья, а староста, оглядев стол, спросил:

– Уважаемый Вагат, а почему мы не видим за столом твоего белоголового ученика?.. Или он наказан?!

– Нет, Бамбарак не наказан – спокойно ответил кузнец, улыбаясь про себя. Обычай не позволял старосте сразу задать вопрос, который жгуче интересовал весь айл, надо было тонко подвести беседу к главному предмету, вот староста и начинал издалека.

– Но вы, уважаемые, наверняка знаете, что мы с моим учеником только что вернулись из путешествия в Улаб.

– Да, да, да, – старики заулыбались от удовольствия – разговор сразу же принял нужное направление.

– Так вот, на Гвардский перевал сошла лавина, он засыпан текучим камнем, и я на обратном пути сорвался... – На лицах стариков возник ужас, а Вагат спокойно продолжал. – Каменная осыпь под моими ногами стремительно неслась к обрыву, и только мужество и быстрота моего ученика спасла меня. Он успел бросить мне веревку, но его потащило следом за мной, терзая о камни. И все-таки Бамбарак смог зацепиться за один крупный, крепко сидящий обломок, это позволило мне выбраться из оползня!

Старики восхищенно зацокали языками, но Вагат сурово нахмурился:

– К сожалению, Бамбарак получил довольно серьезные ранения, у него распороты грудь, бок и плечо. Он мужественно терпел боль, истекал кровью, но дошел до дома, а сейчас он просит прощения, что не может присоединиться к нам за столом – он лег в своей комнате, чтобы отдохнуть.

– Уважаемый Вагат, – снова заговорил староста, – может быть, стоит послать за нашим лекарем, чтобы он осмотрел раны героя и составил снадобья, необходимые для его выздоровления?!

– Почтенный Самур, наверное, знает, что Бамбарак сам очень хорошо разбирается в лекарствах... – старики согласно закивали головами. – Он уже составил мазь, и перевязал свои раны. Моя жена помогала ему. Сейчас Бамбарaku требуется только покой!

В это время жена Вагата разлила по мискам, стоявшим перед гостями густой суп, и на некоторое время разговор прервался. Когда хозяин дома и гости отдали должное супу, староста задал новый вопрос:

– А путь до Улаба сложился для вас удачно?

– О, да, вполне удачно, – кивнул кузнец, склоняясь над мясным рагу. – Хотя дорога тоже была трудна. Вы же знаете, мы вели с собой лошадь с поклажей, и вот она доставляла нам очень много волнения.

– Но, я надеюсь, лошадь также благополучно дошла до Улабской долины?.. – Встревожено поинтересовался один из стариков, сопровождавших старосту.

– Да, конечно, она дошла, – успокоил старика Вагат. – Под твердой рукой Бамбарака, она быстро успокаивалась и становилась разумной!

– Я смотрю, твой ученик проявил себя в этой поездке с самой лучшей стороны! – Покачал головой староста, и в его голосе послышалось недоверие.

– Ты даже не представляешь, почтенный Самур, насколько хорошо показал себя Бамбарак! – Воскликнул кузнец.

– Но скажи, уважаемый Вагат, – вмешался в разговор один из стариков, – не пострадал ли айл Улаб от сошедшей на перевал лавины?

Кузнец понял, что слишком отвлекся от главной темы разговора и поспешил исправиться:

– Нет, лавина остановилась далеко от Улаба, и это большое счастье, потому что в это время в Улабе было очень много гостей. Больше тридцати обменщиков собрались в этом айле, и все они остались без обмена!

– Как такое могло случиться?! – В голос воскликнули оба старика, пришедшие со старостой.

– Вы разве не знаете?! – Деланно удивился Вагат. – Ведь все три перевала, ведущие на запад и восток оказались под лавинами, а обменщики из степей и с моря не слишком любят рисковать в горах, даже если могут получить хороший барыш! Вот они и застряли в Улабе! Но это обстоятельство послужило нам на пользу – мы очень хорошо обменяли то, что привезли с Бамбараком, за все получили монеты!!

Старики переглянулись и довольно заулыбались, а староста, лукаво сощутив глаза, поинтересовался:

– А в обмене твой ученик тоже был полезен?..

– Конечно, почтенный Самур! – Воскликнул кузнец. – Разве ты не знаешь, что Бамбарак много походил по земле, говорит, чуть ли не на всех наречиях Мира, отлично знает письмо и счет! Никто из приезжих обменщиков даже не пытался торговаться с нами – Бамбарак очень хорошо разбирается в качестве товаров и знает цены на них в других стаях!

И тут настало время задать главный вопрос, ради которого три старейшины айла заявили к кузнецу. Староста аккуратно положил ложку на стол, огладил бороду и с едва заметной дрожью в голосе спросил:

– Так, значит, уважаемый Вагат, ты сможешь помочь айлу заплатить весенний откуп многоликим?..

Вагат на минуту задумался, а потом в свою очередь задал вопрос:

– А разве почтенный Орк, обменщик из нашего айла, не поможет землякам собрать откуп?..

Старый Самур опустил голову и грустно вздохнул:

– Почтенный Орк говорит, что мы прошедшим летом собрали очень мало камней – вы и сами знаете, что кроме той россыпи ферузы, что обнаружил еще весной Сафат, ничего редкого не нашли... Поэтому он не может рисковать остатками своего достояния... К тому

же он с дочерью уехал из айла к родственникам в Сабартай, и, возможно, пробудет там до весны.

Вагат снова задумался, но на этот раз его раздумья были недолгими. Подняв голову, он проговорил:

– Ну что ж, раз богатый обменщик не может помочь родному айлу и своим землякам, значит им поможет не слишком богатый кузнец. Я внесу необходимое количество монет в казну айла, чтобы мы могли выплатить откуп. – От очага донесся тяжелый вздох его жены, но кузнец не обратил на него внимания. – Исключая, конечно, долю обменщика Орка, за себя и свою семью он будет рассчитываться сам!

Напряженные лица стариков разгладились, и они снова довольно переглянулись.

– Весь айл будет благодарен тебе, почтенный Вагат... Весь айл... – Растроганно проговорил староста и поднялся со своего места. – Мы больше не смеем докучать тебе своим присутствием, мы понимаем, что после такого трудного и долгого пути, после стольких перенесенных вами трудностей, вам нужно отдохнуть! Передай нашу благодарность и пожелание скорейшего выздоровления уважаемому Бамбарак, пусть Мать всего сущего залечит его раны.

Старики, сопровождавшие старосту, тоже поднялись из-за стола.

Вагат проводил гостей до выхода из дома и, вернувшись, усмехнулся на укоряющий взгляд жены:

– Не горюй, Агирай... Поможем людям, и Мать всего сущего не оставит нас, даст силы и здоровья.

– Орк никому не помогает, никого не выручает, а силы и здоровья у него что-то не уменьшается! – Негромко и словно бы через силу проговорила женщина, а затем повернулась к тазу, стоявшему перед ней на небольшом столике и принялась полоскать в нем уже вымытую посуду.

Вагат помолчал, кивнул своим невысказанным мыслям и снова направился к выходу.

– Ты куда?.. – Раздался за его спиной напряженный вопрос жены.

– Пойду, посмотрю, как там Бамбарак. – Не оборачиваясь, ответил кузнец.

– Не ходи! – Чуть повысила голос Агирай. – Он, наверное, уже заснул, зачем человека тревожить!

Вагат остановился у двери, возможно Бамбарак действительно уже спал, и будить его не стоило. Его жена, уловив нерешительность мужа, добавила:

– И сам ложился бы, дел дома за ваше отсутствие накопилось много, завтра пораньше подняться, надо бы!

Кузнец кивнул, соглашаясь: – Да, наверное, ты права!.. – И, повернувшись, направился в спальню. Агирай, проводив мужа взглядом, присела на стоявший рядом табурет и задумалась.

Однако Вотша не спал. Днем, после того, как ему помогли помыться, затем перевязали и уложили в постель, он смог немного забыться в недолгом, тревожном сне, но с наступлением сумерек, Вотша проснулся. К этому времени боль, терзавшая его тело последние сутки, немного отступила, он повернул голову и посмотрел в небольшое окошко, расположившееся в его изголовье. С темного неба, прямо ему в глаза глянул оранжевый глаз Волчьей звезды. Он смотрел в этот яркий, повисший над самым горизонтом зрачок и не видел его. Перед его внутренним взором с необыкновенной четкостью разворачивались подробности его поединка с многоликим, с княжичем стаи восточных ирбисов, Юсутом. И не того давнего поединка, что происходил на ристалище княжеского замка стольного города Края. Нет, он видел перед собой оскаленную морду огромной кошки, готовящейся к прыжку, и снова ощущал ужас понимания того, что ему нечем остановить этот прыжок! И свой отчаянный, безнадежный тычок красивым, но бессильным против многоликого кинжалом, нанесенный

из последних сил! И немыслимый, невозможной результат этого своего последнего усилия – почти мгновенная гибель многоликого, невидимый огонь, пожирающий неподвижное звериное тело!!

«Это не может быть случайностью!! Нет!! Я же видел, как серебро сожгло Юсута! Сожгло! Вагат говорил, что многоликие не берут серебро, даже не смотрят на него. Может быть, они чувствуют, что этот металл смертелен для них, может быть это интуитивное неприятие?! Интуиция у них развита очень сильно, я и сам убеждался в этом!.. Тогда мне действительно повезло, я нашел о, что совершенно меняет расстановку сил в нашем Мире, и больше многоликие не смогут вершить его судеб!! Теперь мы, изверги... Нет! Мы – люди!!! И мы будем хозяевами этого Мира!!»

Волчья звезда вдруг мигнула, словно напоминая размечтавшемуся извергу, что вот она, здесь, она следит за ним, и могущество тех, кому она покровительствует еще не сломлено, они еще в силе, и ничтожный изверг, раскрывший тайну единственного оружия, способного их уничтожить, сам в любой момент может быть уничтожен! А вместе с ним уйдет и тайна серебра! Глаза Вотши притягивал этот оранжевый, чуть поблескивающий зрачок, он словно бы слышал спокойный, насмешливый голос, говоривший ему:

«Ах, ты не один – вас трое?! Так что с того?! Что могут сделать трое извергов против всего Мира?! И откуда ты взял, что кузнец пойдет против многоликих, разве ему плохо живется, разве у него нет дома, жены, детей?! Почему ты думаешь, что он бросит все это ради какой-то призрачной победы! А старый Барык, может быть, уже закончил счета с жизнью и покинул этот прекрасный, но чужой для него Мир?! Вот ты и остался один!! Один!!! И уже следующий повстречавший тебя многоликий, не будет таким же глупым, как этот мальчишка Юсут! Он не позволит тебе дотянуться до себя твоим мерзким серебром, он просто прирежет тебя, или повесит на первом попавшемся дереве! И все!!»

Но Вотша не хотел слушать этот высокомерный, насмешливый голос! Сердце гулко билось в его груди, словно желая вступить в спор, бросить этой уверенной в себе силе некие неопровержимые аргументы.

«Значит, мне надо рассказать о серебре всем! Собрать все серебро, которое я видел в той расщелине, и сделать столько кинжалов, сколько получится! И вооружить... Кого?! Кто возьмет из моих рук оружие против многоликих?! Кто посмеет это сделать?! Кто мне поверит?!»

И снова ему подмигнула Волчья звезда: «Никто!!!»

«Значит, надо показать всем, что серебро может стать оружием против многоликих!!! Показать, что... Как показать?... Даже если кто-то захочет это увидеть, захочет убедиться в силе серебра, как эту силу продемонстрировать?!»

Вотша вздохнул и отвернулся от окна. И как-то сразу успокоился. Сердце забилося ровнее, в голове просветлело, и мысли пошли стройнее, весомее.

«Любую силу может сломить только другая сила! Само по себе серебро не сила, оно станет силой только в руках людей! Значит, нужны люди, умеющие владеть оружием... И серебряным и обычным! Люди, которые поставят себе целью жизни освобождение этого мира от... оборотней! Вот именно – не от многоликих, а от оборотней!! И создавать эту силу надо постепенно!»

И вдруг течение его мыслей приобрело совершенно другое направление.

«Лада!.. Княжна, которую, теперь уже можно было не скрывать от самого себя, он любил! Она тоже... оборотень! И Скал... Дядя Скал, защищавший его, учивший его... любивший его, он тоже оборотень! И Вогнар – его учитель, давший ему грамоту, познакомивший его с поэзией!.. И Искор, и огромный кудрявый Чермень, весельчак и балагур, всегда готовый встать на защиту маленького извержонка! Всем им ты собираешься объявить войну! Всех их ты должен будешь уничтожить!!»

Вотша, не обращая внимания на резанувшую его тело боль, рывком повернулся к окну и впился взглядом в оранжевую искру Волчьей звезды. Он словно бы спрашивал у безмолвной, мерцающей во мраке ночи звезды, что ему делать, как поступить?! Он просил ее дать ему совет в память о его прадеде, волке, боготворившем ее, служившем ей! Но она молчала, она не хотела отвечать, она не желала разговаривать с ничтожным извергом – последним существом в этом, подвластном ей Мире! И тогда Вотша... проклял Волчью звезду! И тогда Вотша дал себе слово перестать замечать ее, забыть о ее существовании!

И в этот момент Волчья звезда дрогнула!!

Вотша еще долго не сводил немигающих глаз с яркой оранжевой искры, горевшей над горизонтом, но замеченная им дрожь больше не повторилась. Однако он видел эту дрожь, его глаз не ошибся, не обманул – звезда дрогнула!! Дрогнула!!

Он снова отвернулся от окна и положил голову на подушку. Надо было отдыхать, надо было лечить свое израненное тело и набираться сил. Впереди его ожидала трудная работа!

Спустя три недели в айле Уругум появились пятеро ирбисов. Обычно многоликие останавливались в самом богатом доме айла – у обменщика Орка, но в этот раз они пришли в дом старосты и задали всего один вопрос: нет ли у кого из жителей айла меча с голубыми лапами в перекрестье рукояти? Почтенный Самур с поклоном ответил, что ни у кого из жителей айла Уругум вообще нет оружия, а если что и имеется, то только у кузнеца Вагата – ведь он сам кует мечи, и очень неплохие мечи. Ирбисы, повернувшись к Миру человеческой гранью, поужинали и переночевали в доме старосты, а утром отправились в кузницу.

Вагат и его подручный Бамбарак как раз только раздули горн, когда в дверях кузницы появился здоровенная светло-серая кошка с темной полосой вдоль хребта. Оба изверга на мгновение замерли, а потом почтительно поклонились, и кузнец произнес положенное приветствие:

– Приветствую тебя, многогранный! Пусть твоя охота будет удачной, а добыча обильной!

– Моя добыча всегда будет обильной! – Проворчал ирбис, и такой ответ сразу же настрожил Вагата. Он бросил быстрый взгляд в сторону Вотши, а затем снова обратился к многоликому:

– Чем ничтожный изверг может быть полезен многогранному?... Все мое – твое, господин!

– Мне нужен меч с голубыми лапами в перекрестье рукояти! – Прорычал ирбис и шагнул внутрь кузницы.

– Господин, я готов сейчас же начать работу над твоим заказом, но мне необходимо точно знать размеры меча и иметь голубые лалы. У меня самого, к сожалению, нет таких камней.

Пасть ирбиса оскалилась в усмешке, и было непонятно, то ли зверь усмехается, то ли рассержен ответом кузнеца.

– Мне не нужна твоя поделка, кузнец!.. – Прорычал ирбис, делая второй шаг внутрь кузницы. – Мне нужен меч восточнойковки с голубыми лапами в перекрестье в ножнах буйволиной кожи, расшитых ирбисским шелком!

– Господин, я не имею такого меча! – Удивленно ответил Вагат, стрельнув глазом в сторону Вотши. – Я даже никогда в жизни не видел такого оружия!

Ирбис остановился и долгим взглядом окинул кузницу. Потом снова посмотрел на Вагата и задал неожиданный вопрос:

– У тебя мало железа, кузнец, с чем работать собираешься?..

– Господин, железо мне подвезет обменщик Узулай из стаи южных тигров, весной, после того, как откроются перевалы. У меня с ним договоренность.

– А ваш обменщик, Орк, он не поставляет тебе железо?..

– Орк, господин, не занимается железом, он занимается только камнями.

Ирбис снова оглядел кузницу, затем развернулся и направился к выходу. Уже переступив порог, он повернул тяжелую голову и проворчал:

– Если услышишь от кого о мече восточной ковки с голубыми лапами в перекрестье, немедленно сообщи вожаку стаи! Получишь награду!

– Конечно, господин! – Воскликнул в ответ Вагат и снова посмотрел на потупившего взгляд Вотшу.

Тем же днем ирбисы ушли из айла. А через неделю пришла зима, зарядили снегопады, в три дня перекрыв перевалы, засыпав снегом горы и долины.

Глава 3

Эта зима в горах была на редкость ровной, спокойной. Только раз за все три зимних месяца случился сильный буран, когда весь айл по плоские крыши был занесен снегом, а так короткие серые дни были тихими и какими-то ленивыми. Так же лениво, незаметно подкралась весна. Снег в горах подтаивал медленно, незаметно, только постепенно полневшие ручьи и речушки подсказывали, что тепло приближается, а вместе с ним приближается время выплаты откупа. Первым на этот раз открылся западный перевал, и спустя шесть дней после этого в айл Уругум вернулся обменщик Орк с дочерью, прогостившие всю зиму у своих родственников в айле Сабартай. На следующий день обменщик неожиданно появился в доме старосты айла, почтенного Самура.

Жена старосты на скорую руку собрала закуску, однако тучный Орк, усевшись за стол, только брезгливо оглядел его, и к угощению не притронулся. Вместо этого он откинулся на спинку стула и, нарушая все обычаи, сразу же приступил к делу.

– Самур, – голос Орка был низок и хрипловат, словно накануне он выпил слишком много арата. – Я подумал о предстоящей выплате откупа и решил помочь своим землякам...

– Я рад твоему решению!.. – Воскликнул староста, но обменщик не дал ему продолжить. Брезгливо поморщившись, он снова заговорил:

– Я внесу откуп за весь айл, но за это летом мои земляки должны будут отыскать и принести мне двенадцать мерок камней, и из них не меньше трех мерок прозрачных камней!

Староста оторопел:

– Но, почтенный Орк, наш айл никогда не собирал двенадцать мерок камней за лето...

И снова обменщик перебил старосту:

– Это потому, что вы плохо искали и редко ходили в горы! Я прикинул на досуге и могу сказать, что двенадцать мерок мои земляки вполне могут собрать за лето. Надо только постараться!

– Но, почтенный Орк, если мы все займемся только поиском камней, кто будет заботиться об овцах, о садах, огородах, хозяйстве... И, потом... в будущем году снова придет срок выплаты откупа, а у нас ничего не будет!..

– Мы напрасно тратим время, Самур! – Голос обменщика стал еще более хриплым. – Через неделю, ну, может быть, через полторы недели в Уругуме появятся сборщики откупа, что ты сможешь им предложить?! Что смогут предложить им все жители нашего айла?! По моему, выхода у моих земляков все равно нет – вам придется согласиться на мои условия!!

На широкую, скуластую физиономию обменщика выползла довольная ухмылка.

Несколько секунд староста разглядывал эту ухмылку, а затем улыбнулся в свою очередь:

– К сожалению, уважаемый Орк, я вынужден отклонить твое щедрое предложение!.. – Ухмылка сползла с лица обменщика, и оно окаменело – староста величал его «уважаемый», а не «почтенный»! – У айла Уругум есть возможность выплатить откуп без твоей помощи!

Почтенный Самур закончил свою фразу не без нотки торжества.

Теперь уже Орк несколько секунд тяжело размышлял, прежде чем, пожевав губами, спросил:

– Откуда у айла Уругум появились такие средства?... Или вы ходили в горы зимой?!

– Нет, Орк, – не удержался от еще одного укола староста. – Мы не ходили в горы зимой, это слишком опасно. Просто среди жителей нашего айла есть люди, которые не забыли обычаи предков и чтят их, как это нам завещано. Один из таких жителей, уже внес в казну айла достаточное для выплаты откупа количество монет!

– И кто же это?! – Прорычал обменщик.

– Наш кузнец Вагат! – С гордостью ответил староста.

Обменщик с сомнением хмыкнул, а затем хитро прищурил глаз:

– Не знал, что Вагат так богат!

– Он не богат, – покачал головой старый Самур. – Но осенью ему удалось добраться до Улаба и сдать обменщикам, застрявшим там, то, что он наработал за лето. Он получил достаточно монет, чтобы помочь своим землякам.

– Но прошлой осенью Гвардский перевал был перекрыт лавиной!! – Рыкнул Орк. – Кузнец не мог пройти через него!!

– Да вот смог. Он и его помощник, Бамбарак прошли по каменной осыпи Гвардского перевала дважды – туда и обратно! Туда им помог пройти старый Барык, а обратно они добрались сами. Правда, Бамбарак сильно поранился, но Мать всего сущего уберегла его, и он уже давно оправился от своих ран!

Орк побарабанил своими толстыми пальцами по столешнице и задумчиво пророкотал:

– Значит, Вагат... И Бамбарак... Ишь ты!.. Ну ладно!..

В последнем «ну ладно» старому Самуру почудилась некая угроза, но он отогнал от себя это ощущение – чем мог угрожать кузнецу обменщик Орк?!

А обменщик уже поднимался из-за стола, так и не отведав ничего из предложенного хозяйкой. Староста пошел провожать гостя до выхода, но тот, казалось, и не заметил этого.

О том, с чем Орк приходил к нему, староста не стал рассказывать никому, да и зачем ставить кого-то в известность о пустом, неприятном разговоре.

После этого посещения прошло две недели, и в Уругум спустились двое многоликих. Они приехали верхом, и с ними шло еще три лошади, нагруженные монетами, камнями и мелкими поделками ремесленников, взятыми в счет откупа в дальних айлах земли южных ирбисов. Принял их в своем доме, как обычно, обменщик Орк.

Ирбисы путешествовали, повернувшись к Миру человеческой гранью, а потому обменщик в первую очередь устроил им купание. Вся многочисленная челядь Орка была занята тем, что таскала воду, калила камни, необходимые для разогрева воды, прислуживала отдыхающим в мыльне многоликим, накрывала обильный стол. Уже ближе к вечеру, вымывшиеся и отдохнувшие многоликие уселись за роскошный стол. Прислуживал им сам обменщик и трое ближних слуг. С полчаса за столом царила тишина, нарушаемая только стуком ложек и вилок о миски, да звоном редкостных стеклянных бокалов, выменянных Орком за пару прозрачных камней у какого-то обменщика с Запада. Затем, когда первый голод был утолен, один из ирбисов – уже поседевший широкоскулый воин с рваным шрамом на лице, хищно приподнимавшим правый угол его рта, откинулся на спинку мягкого стула и обратился к хозяину дома:

– Ну, что, Орк, готов ваш айл внести откуп?.. Или, как все остальные будете просить отсрочки?..

– Готовы, господин!.. – С поклоном пробасил Орк.

Второй ирбис, тот, что помоложе, бросил глотать жирную баранью кость и поднял налитые кровью глаза на обменщика:

– И много ты лично внес в откуп?.. Больше половины?..

Я, господин, внесу откуп только за свою семью и своих слуг. За всех остальных уругмцев откуп отдаст староста Самур.

Многогранные переглянулись, а затем старый ирбис спросил, недовольно скривившись:

– Это что ж получается, нам, значит, завтра придется тащиться еще и к старосте?..

– Мы думали, ты рассчитаешься за всех, да и дело закрыто! – Добавил второй ирбис.

– Я предлагал Самуру внести откуп за весь айл из своих средств, но староста сам отказался от моей помощи... – Криво ухмыльнулся обменщик.

– Интересно, откуда староста взял откуп. Или кто-то из ваших сельчан россыпь богатую отыскал?.. – Ирбис, тот, что помоложе, явно заинтересовался.

– Нет никакой россыпи, господин, – помотал своей огромной башкой Орк. – Камней прошлым летом вообще почти не было.

– Так откуда же у старого Самура откуп взялся?! – Переспросил молодой ирбис.

– Поздней осенью, господин, наш кузнец со своим подмастерьем побывали в Улабе и обменяли то, что сделали за лето на монеты. – Словно бы нехотя ответил Орк. В тоже время глаза его зорко следили за реакцией на его слова обоих гостей. Те, действительно, вдруг насторожились.

– Побывали осенью в Улабе?.. – Медленно переспросил пожилой ирбис. – Так ведь на Гвардский перевал лавина сошла! Там и пройти-то нельзя было. Даже мы через Гвард не холили – там камень под лапами разъезжался!

– А вот Вагат с Бамбаракком прошли... – Вроде бы без всякого интереса буркнул хозяин дома. – И туда и обратно... туда еще и с лошастью! И монет в достатке притащили!

Ирбисы переглянулись.

– И когда, ты говоришь, они перевал прошли?.. – Поинтересовался старший многоликий.

– Да где-то месяца за полтора, до того, как перевалы снегом накрыло. – Все тем же безразличным тоном ответил Орк.

– А кроме монет они ничего из Улабской долины не принесли?! – Неожиданно спросил молодой ирбис.

– Я, господин, не знаю, – буркнул обменщик. – Меня в то время в Уругуме не было.

Ирбисы переглянулись, и молодой едва заметно кивнул.

Рано утром, едва проснувшись, оба ирбиса направились к старосте айла. Старый Самур, предупрежденный накануне вечером о приезде многоликих, ждал их у ворот своего дома и приветствовал глубоким поклоном. Ирбисы спешили, и староста провел их в дом, где уже был приготовлен откуп за айл – небольшой кожаный мешок, наполненный монетами. Старший ирбис развязал горловину мешка и высыпал монеты на стол. Оглядев получившуюся кучу, он взял пару монет, первые попавшиеся в руки, и внимательно их осмотрел. Затем он перевел взгляд на хозяина дома и с нехорошей усмешкой поинтересовался:

– И откуда в айле Уругум столько монет?.. Или вы камнями без нашего ведения при-торговываете?!

– Что ты, господин!.. – Испугался старик. – Как же мы могли бы?! Да и камней прошлым летом почти не было – вот все, что найти удалось!

И он указал на совсем небольшой мешочек, лежавший на краю стола.

Младший ирбис развязал этот мешочек и вывалил его содержимое на стол рядом с монетами.

– Вот, господин! – Дрогнувшим голосом проговорил Староста. – Все, что мы нашли. Как бы мы посмели утаить это от хозяев земли?!

– Да-а-а... Не густо!.. – Медленно протянул младший ирбис.

– Так откуда же в айле монеты?! – Повторил свой вопрос ирбис с изуродованным лицом.

– Так вы же знаете, господин, в нашем айле живет очень искусный кузнец. Он еще и литейщик, чеканщик... Осенью он продал все, что наработал летом и вот... – Старик указал дрожащей рукой на горку монет... – Помог нам собрать откуп.

Ирбис, положив в горку две монеты, которые были у него в руках, усмехнулся:

– Щедрый изверг, ваш кузнец!

И сразу же задал другой вопрос:

– А ты старик не помнишь, кто из обменщиков забрал у кузнеца поделки?..

– Я не знаю, господин!.. – Растерянно пробормотал староста.

– Как же так?! – Деланно удивился ирбис. – В твой айл приезжает обменщик, а ты даже не знаешь, откуда он, как его зовут!!

Нет, господин!.. – С радостной торопливостью бросился объясняться староста. – К нам в айл прошлой осенью никто из обменщиков не приезжал! Гвардский перевал-то накрыло лавиной, обменщики проехать не могли. Вагат – кузнец наш, со своим помощником, Бамбарак, сами в Улаб ходили!.. В Улабе они все и обменяли!!

– Ах, вот как!.. – Понимающе протянул старший ирбис. Вытащив из кармана небольшой кожаный лоскут со странной, выжженной каленым железом меткой, он швырнул его на стол со словами:

– Получай, старик! Откуп айл Уругум внес полностью!

Ирбисы сгребли монеты и камни обратно в мешки, завязали их и направились к выходу. Старый Самур семенил следом, бормоча какие-то благодарности.

Ирбисы поднялись в седла, и старший из них, полуобернувшись, ощерился в ухмылке:

– Прощай, старик!

– Прощайте, многогранные... – Поклонился в ответ староста. – Пусть ваша охота будет удачной, а добыча обильной!

Многоликие выехали со двора, а Самур закрыл ворота, вздохнул с облегчением и пошел к дому.

Однако ирбисы не собирались, как думал старый Самур, покидать айл Уругум, вместо того, чтобы свернуть в сторону перевала, он направились в другой конец айла, туда, где располагалась кузница.

Вагат был в кузнице один, не считая мальчишки, приставленного к мехам. Услышав топот копыт, он вышел наружу и буквально наткнулся на двух всадников, подъезжавших со стороны айла. Обоих многоликих он узнал сразу – они почти каждый год приезжали за откупом. Поклонившись, он приветствовал обоих:

– Приветствую вас, многогранные! Пусть ваша охота будет удачной, а добыча обильной!

– Ты кузнец?.. – Не сходя с лошади, спросил тот, что был постарше, со шрамом чуть ли не через все лицо.

– Я, господин. – Снова поклонился Вагат. – Чем кузнец может быть полезен господам?..

Младший ирбис молча соскочил с лошади и прошел в кузницу. Внимательно оглядев ее, он снова вышел мимо стоявшего на пороге кузнеца и поинтересовался:

– А где твой подручный?.. Бамбарак, кажется, его называют?..

– А Бамбарака нет, господин... – Пожал плечами Вагат. – Он с ребятами в распадок пошел. Весенняя вода породу промыла, надо посмотреть, не вывернуло ли камешков интересных. Прошлым летом-то камней совсем, почитай, не было.

– Вот как?.. – Хмыкнул ирбис. – В распадок...

– А скажи мне, кузнец, – вступил в разговор старший ирбис, – это правда, что ты со своим подручным прошлой осенью в Улаб ходил?

– Да, господин, правда.

В голосе кузнеца появилась настороженность, и это не укрылось от многоликих.

– И как же вам удалось через Гвардский перевал перейти?.. – Лениво поинтересовался младший из ирбисов. – Там же лавина прошла!

– Трудно было, господин, – кивнул Вагат, – да нужда заставила рисковать! Иначе откуп собрать мы бы не сумели, обменщики-то к нам добраться не могли!

– Так, так... – Задумчиво протянул старший ирбис. – А от перевала до айла тропой шли?

– Конечно, господин, – снова кивнул Вагат. – И туда и обратно по тропе. А как еще пройти-то можно – тропа самый короткий и надежный путь.

– И никого на тропе не встретили?.. – Подал голос младший ирбис, пристально глядя в лицо Кузнеца.

– Нет, господин, никого не встретили, – опустил глаза кузнец. – И кого там можно было встретить, если перевал закрыт был!

– А лошадиного ржания не слышали? – Спросил старший, чуть наклонившись вперед с седла.

– Нет, господин, – покачал головой Вагат. – Мы когда с перевала спускались, с нами лошадь была – мы же кузнь и чеканку в Улаб везли на обмен. Если бы недалеко от тропы лошадь была, она непременно бы голос подала. Но мы ничего не слышали.

– И ничего не нашли?.. – Быстро переспросил молодой.

– Где?.. – Вагат бросил быстрый взгляд на стоящего рядом многоликого.

– По пути от Гвардского перевала до Улаба!.. – Медленно, тщательно отделяя слово от слова, проговорил ирбис. Его глаза, не мигая, смотрели прямо в глаза изверга, словно запрещая тем опускаться... прятаться. И изверг ответил, не опуская глаз:

– Нет, господин, мы ничего не нашли!.. – И в слове «господин» при этом вдруг сквозила ирония!

Еще несколько секунд изверг и многоликий смотрели друг другу в глаза, а затем раздался голос старшего ирбиса:

– А вот мне почему-то кажется, что вы нашли одну вещь! И именно за эту вещь получили те монеты, который староста вашего айла только что передал нам, как откуп! Скажи, какому обменщику ты отдал эту вещь, и, может быть, я дам тебе умереть легкой смертью!

– Какую вещь ты имеешь ввиду, господин? – Спокойно переспросил кузнец, переводя взгляд на всадника.

– Я имею ввиду меч восточной ковки с двумя голубыми лапами в перекрестье рукояти.

Вагат кивнул:

– Многоликие уже спрашивали меня об этом мече, и я им уже ответил, что не видел такого оружия.

– И соврал! – Хлестнул сбоку младший ирбис.

Кузнец в ответ пожал плечами:

– Интересно, кто это мог бросить такую вещь посреди тропы?.. Как вообще можно потерять меч?!

Несколько секунд длилось молчание, а затем старший ирбис медленно проговорил:

– Ну что ж, тогда тебе придется проехать с нами до Когтя Ирбиса. Вожак стаи горит желанием побеседовать с тобой. Вот он и объяснит тебе, кто и как мог потерять такую вещь. Объяснит... если захочет!..

В груди у Вагата похолодело – отправиться в Коготь Ирбиса означало лишиться жизни, и он прекрасно об этом знал! А как он мог оставить свой дом, свою жену и детей, свою кузницу и свой айл!! И все из-за какого-то никому не нужного меча, из-за прихоти этого мальчишки, которого он приютил в своем доме по просьбе давно пропавшего друга!!

«Расскажи им, у кого находится этот меч, и они оставят тебя в покое!!» – Шепнул ему какой-то тихий, чужой голосок. Вагат чуть было не обернулся, чтобы посмотреть, кто это дает ему такую подсказку, но тут же понял, что это подсказка его страха, незримо и мгновенно подкравшегося к нему ужаса перед смертью!! Холодный пот выступил у него на лбу – смерть действительно была рядом, он чувствовал ее холодное дыхание на своем затылке.

Но, как только он понял, что стало его советчиком, обжигающая ярость вспыхнула в его сердце. Он поднял взгляд на сидящего в седле многоликого и... улыбнулся:

– Я давно мечтал побывать в княжеском айле, господин! Скажи только, можно ли мне будет переодеться, чтобы предстать перед вожаком стаи в подобающем виде?

Всадник усмехнулся и покачал головой:

– Вожаку глубоко наплевать, в каком ты виде предстанешь перед ним. А, кроме того, пока ты дойдешь до Когтя Ирбиса, твой вид так и так будет... невзрачным!

– А кроме того... – вступил в разговор стоявший рядом ирбис, – ...мы должны найти твоего подручного, Бамбарака. Так что ты сначала проводишь нас в распадок, в тот самый, в который отправился Бамбарак, а затем уже мы вас проводим до Когтя Ирбиса.

Вагат повернулся и крикнул в раскрытые ворота:

– Алай, беги ко мне домой, скажи, что я ушел с многоликими за Бамбарак. Ночевать дома сегодня не буду!

– Хорошо, дядя Вагат! – Донесся из кузницы мальчишеский голос, но сам мальчик наружу не показался.

Молодой ирбис вскочил в седло и вытянул Вагата плетью по плечам:

– Пошел, изверг, и пошевеливайся, нам сегодня далеко уйти надо!!

Вагат сплюнул в пыль перед кузницей горькую слюну, посмотрел в сторону своего дома и шагнул прочь от порога.

К часу Змеи многоликие перевалили через седловину, и перед ними открылся распадок, к которому еще перед рассветом ушли ребята из айла Уругум. И сразу же они увидели на каменной осыпи, раскинувшейся на склоне горы, поднимающейся от седловины, темные фигурки ребят, копающихся в камнях. Многоликие остановили лошадей, у края осыпи, видимо, не желая без надобности бить ноги лошадей по камням, и старший из них зычно крикнул:

– Эй, изверги, марш сюда!!!

Все шестеро ребят, находившихся на осыпи, подняли головы и, увидев всадников, двинулись к ним. Спустя минут двадцать шестеро молодых парней собрались вокруг переступавших с ноги на ногу лошадей. Пожилой ирбис внимательно их оглядел и спросил:

– Кто из вас Бамбарак?..

Самый старший из ребят, племянник Вагата, Сафат чуть кашлянул, видимо, от волнения и ответил:

– А Бамбарака нет...

– Как нет?! – Повысил голос ирбис и повернулся к Вагату. Ты же сказал, что он ушел сюда!!

– Так он пришел с нами, но потом ушел дальше. – Сафат вскинул руку и, указывая на дальний конец осыпи, пояснил. – Вот туда, там расщелина, и Бамбарак там!

– Ну, так сбегай быстро за ним! – Приказал старший ирбис.

– А зачем вам Бамбарак, господин?.. – Спросил Сафат, уже делая шаг в направлении осыпи.

– Мы приглашаем его вместе с наставником... – ирбис кивнул в сторону молчавшего Вагата, – ...в Коготь Ирбиса. Вожак стаи хочет с ними... х-м... побеседовать!

Ребята, стоявшие вокруг многоликих оцепенели. Сафат с трудом плотнул, лицо его мгновенно побледнело, однако молодой изверг пересилил свою слабость, повернулся и побрел в сторону расщелины.

– Может быть, мне самому за ним сходить?.. – Неожиданно предложил, молчавший до этого, молодой ирбис, но старший отрицательно покачал головой:

– Сам придет, невелика птица!

Однако когда Сафат отошел метров на десять, он крикнул вслед извергу:

– Побыстрее, изверг! И скажи этому Бамбарaku, что б не думал скрываться! Мы его в горах по любому найдем!

Сафат кивнул, давая понять, что услышал сказанное, и двинулся дальше, стараясь идти быстрее и в тоже время осторожно ставить ноги. Минут через двадцать он скрылся в темнеющей наверху расщелине и не показывался еще минут десять. Когда многоликие уже начали терять терпение, из расщелины появились две темных фигурки, которые сразу же начали быстро спускаться вниз. Однако прошло не менее получаса, пока они не подошли к краю осыпи. И тут Вагат увидел, что в левой руке Вотша держит небольшой, почти пустой мешок, на его поясе, точно посередине живота, висит кинжал, а за спиной у него привязан знакомый продолговатый узел. Сафат подошел к ожидавшей их группе и встал рядом с Вагатом, а Вотша остановился метрах в десяти на камнях и оттуда спросил:

– Кто меня разыскивает?..

Однако ему никто не ответил. Вагат удивленно посмотрел на многоликих и увидел, что младший из них смотрит на старшего, явно удивляясь его молчанию, а старший пристально вглядывается в Вотшину фигуру, словно силясь что-то вспомнить. И вдруг он стеганул плеткой по своему сапогу и прорычал:

– А ведь я тебя знаю, изверг!! Ты тот самый извержонок, что бился с нашим княжичем в замке Всеслава, князя восточных волков!!

– Вот как, ты меня помнишь?.. – Совершенно спокойно проговорил Вотша. – Тогда ты должен помнить и то, что меч с двумя голубыми лалами в перекрестье рукояти по праву принадлежит мне!

Ирбис криво ухмыльнулся и снова рыкнул:

– Меч с двумя голубыми камнями в перекрестье рукояти по праву принадлежит сильнейшему, а сильнейший сейчас не ты!!

– А кто?! – С неожиданной усмешкой спросил Вотша.

– Я!!! – Гаркнул ирбис. – И потому ты сейчас отдашь мне меч, а сам пойдешь со мной, чтобы принять ту смерть, которую определит тебе вожак нашей стаи!!!

Вотша положил свой мешок на камни, аккуратно снял со спины сверток, развернул его и достал ножны, в которых покоился меч. Подняв его над головой, он, не повышая голоса, проговорил:

– Вот этот меч. Если ты, оборотень, считаешь, что ты здесь сильнейший, попробуй взять его у меня!

– Ты, вонючий изверг, думаешь, что если одолел нашего княжича шесть лет назад, значит, сейчас можешь одолеть взрослого ирбиса?.. Щенок, я вырежу тебе сердце и съем его сырым!!

Многоликий с располосованным шрамом лицом спрыгнул с лошади и потянул из ножен меч.

Старый ирбис действительно был опытным воином, он не торопился, он не распалялся. Обнажив меч, он бросил ножны в траву и шагнул на камни. Вотша тоже обнажил клинок, отбросил ножны далеко в сторону и дожидался своего противника.

Ирбис приблизился и, не сводя пристального взгляда со своего молодого противника, прорычал:

– Все, изверг, твое время в этом Мире кончилось. Я начинаю отсчитывать последние мгновения твоей жизни. Раз!..

И тут же последовал мгновенный выпад! Острие меча, направленное твердой опытной рукой, метнулось к открытому горлу Вотши, но молодой изверг плавным и в тоже время стремительным движением ушел вправо, одновременно вскидывая свой клинок и отбивая оружие противника влево.

– Два!! – Воскликнул ирбис, и его меч, отброшенный Вотшей, взвился вверх и обрушился на голову изверга. Казалось, у молодого и, конечно же, недостаточно опытного противника ирбиса был единственный выход – подставить свой клинок под рушащийся на него

меч, рискуя остаться без оружия, но вместо этого Вотша отпрыгнул назад. Ирбис, гася инерцию клинка, повернул его по размашистой дуге вправо, крутанулся на месте, сделав шаг вперед, и вот уже блестящая, чуть отливающая синевой стальная молния устремилась поперек груди изверга, готовая резать ткань и кожу, крушить ребра.

– Три!!! – На выдохе рыкнул ирбис... Однако в последний момент, когда его гибель казалась неминуемой, Вотша вдруг упал на одно колено, пропуская безжалостную сталь над собой, а затем, вместо того, чтобы снова подняться, бросил свое тело вперед, навстречу ирбису. Тело изверга распрямилось, словно пружина, рука, до того оберегавшая, охранявшая клинок от контактов с чужим оружием, буквально швырнула его навстречу противнику! Ирбис откатнулся назад, пытаясь развернуть свой меч навстречу удару, но инерция клинка оказалась слишком велика, а выпад Вотши невероятно глубоким. Острие вотшиного меча пробило грудь старого ирбиса, пронзило его сердце, и, ударив в левую лопатку, бросило уже мертвое тело на камни!

– Четыре! – Спокойно и громко произнес Вотша, выпрямляясь и опуская свой клинок.

Целую минуту над потрясенным распадком висела тишина! В Мире случилась чудовищная вещь – изверг убил многоликого на поединке – меч против меча, сила против силы, воля против воли! Это было настолько невероятно, что, казалось, сама природа, породившая многоликих, застыла в изумлении! А потом...

Потом раздался чудовищный, звериный рык! Второй изверг прыгнул из седла, в воздухе перевернулся через голову, и на траву посреди разбросанной одежды, рядом со звякнувшим оружием опустился огромный снежный барс. Оглядев застывших вокруг него извергов, он издал еще один оглушающий рык, а затем заговорил, невнятно, шепелявя и прирывкая. И от этого его речь становилась еще более ужасной:

– Вы все мертвецы!!! Мертвецы ваши матери и жены, соседи и земляки!! Ваши дома – руины, ваш скот – падаль. Долина, в которой стоит ваш айл – каменная пустыня!! Но сначала я вырву кишки тому, кто осмелился поднять руку на многоликого!!!

Одним прыжком он преодолел расстояние, отделявшее его от Вотши, второй прыжок был уже нацелен в грудь ненавистного изверга, но за это короткое время, Вотша успел нагнуться и аккуратно положить свой меч на камни, обмотать левую руку тряпкой, в которой был завернут меч, а в его правой руке матово блеснул короткий кинжал.

На излете второго прыжка ирбиса встретила рука изверга обмотанная грязной, но достаточно плотной тряпкой. Белоснежные клыки снежного барса сомкнулись на этой руке, а восьмидесятикилограммовое тело со всего размаху врезалось в Вотшу. Изверг рухнул на камни, смятый этим чудовищным ударом, но, уже падая, он успел ответить на этот удар ударом. Короткий серебряный клинок блеснул, поймав луч солнца, и вонзился в светло-серый, покрытый темными, круглыми пятнами бок.

Друзья Вотши оцепенев смотрели, как по белым камням осыпи катится огромный клубок двух слитых, перепутанных тел! Вот этот клубок остановился, распался, а затем одно из тел медленно, шатаясь поднялось... и это был... изверг... человек!..

Тишину распада снова нарушил звериный рык, и это был рык боли и отчаяния, он словно взывал к самой Матери всего сущего, просил... Но он, спустя мгновение, смолк, а изверги, в оцепенении наблюдавшие за схваткой, вдруг обрели способность двигаться. Все семеро бросились к шатающейся фигуре Вотши, а, подбежав, остановились в ужасе и растерянности. В лежавшей метрах в трех от Вотши туше ирбиса зияла огромная дыра, и обугленные края этой дыры медленно расширялись. Звериная плоть как будто растворялась в невидимом, беспощадном пламени, не оставляющем после себя ничего.

И только Вагат не обратил внимания на исчезающую тушу ирбиса, подойдя к Вотше, он обнял его за плечи и тихо спросил:

– Ну, ты как?!

– Все нормально... – Прошептал в ответ Вотша сквозь зубы. – Рука, вот, только...

Левую руку Вотша прижимал к груди, а правой продолжал сжимать свой серебряный кинжал. Вагат осторожно размотал тряпку. Рядом с ними тут же оказался Сафат, он помог стащить с Вотши куртку и, порвав рукав рубашки, обнажил руку. Предплечье было сильно помято, но, по всей видимости, цело.

Вотша, аккуратно вложив абсолютно чистый серебряный клинок в ножны, огляделся. Две лошади стояли рядом за границей осыпи, протягивая морды к свежей зеленой траве под ногами. Рядом с ними в беспорядке валялась одежда, меч в ножнах, сапоги. Невдалеке, на камнях лежало тело многоликого со шрамом на лице, а туша снежного барса уже исчезла без следа.

Ребята, пришедшие с Вотшей в распадок, стояли на почтительном расстоянии от него, и лишь Падур подошел, протянул ему вложенный в ножны меч и коротко выдохнул:

– Вот...

В глазах его стыло немое восхищение.

Вотша слегка поморщился и негромко проговорил:

– Ну, что будем делать, ребята?..

– Заметать следы! – Твердо ответил Вагат. – И готовиться к... драке!

Эти слова, неожиданно сказанные самым старшим из них, как-то вдруг сплотили ребят, смели растерянность и... страх. А кузнец продолжил тем же уверенным тоном.

– Сейчас грузим на лошадей тряпье и тело, Фарух и Ватиз отведут их к Последнему перевалу и... столкнут в пропасть! А все остальные займутся серебром! Нам надо собрать все, что найдем... – Он посмотрел на Вотшу и спросил. – Ты же где-то здесь подобрал тот камень... тот кусок се-броси... ну, серебра?..

– Вон в той расщелине. – Вотша повернулся и указал рукой на ту самую расщелину, из которой его вывел Сафат.

– Значит, за дело, ребята! – Приказал Вагат.

Раскиданная одежда была собрана, увязана в узел и приторочена к седлу одной из лошадей. Труп многоликого был положен на другую лошадь перед седлом, с которого Вагат снял два увесистых мешочка: один с монетами, другой с обломками ферузы – откуп, полученный многоликими от айла Уругум. Затем ребята еще раз тщательно осмотрели место схватки, после чего двое из них сели в седла и тронулись в сторону Последнего перевала, ведущего к княжескому айлу Коготь Ирбиса.

– Для падения выберите самый узкий участок тропы! – Напутствовал Фаруха и Ватиза кузнец. – И постарайтесь не оставить своих следов... Хотя, там сплошной камень.

Ребята повели коней влево, через распадок к дальней седловине, и Вагат долго смотрел им вслед. Когда они скрылись в высоком кустарнике, покрывавшем нижнюю часть распадка, Вагат повернулся к оставшимся извергам.

– Ну, пошли в расщелину, посмотрим, много ли там серебра!

Возглавляемые кузнецом ребята двинулись по осыпи к темнеющей наверху щели.

Ватиз и Фарух вернулись в час Вепря, когда вечер давно уже опустился на землю, а в потемневшем небе зажглись звезды. Над костром, разведенным у самой границы осыпи, висел котелок, а над котелком уже курился пар. Падур, исполнявший обязанности кашевара, помешивал в котелке, а остальные уже держали в руках миски. Как только вернувшиеся из поездки изверги присели к огню и получили по миске, Падур принялся разливать горячее варево. Ели быстро и в глубоком молчании, словно понимая, что впереди предстоит важный разговор. Скоро ужин закончился, и Падур, собрав посуду, хотел, было, идти к недалекому ручью, но Вагат остановил его:

– Подожди, присядь.

Молодой изверг осторожно поставил котелок с посудой на землю и присел к огню. Кузнец обвел внимательными глазами сидевших вокруг костра ребят и заговорил:

– Нам надо решить, что делать дальше. Вы видели, что Бамбарак нашел оружие против многоликих, теперь мы знаем, что они уязвимы. Но что дальше?..

– А что дальше! – Воскликнул самый нетерпеливый из молодых, Рашат. – Вы с Бамбаракom наделаете из... этого... из серебра кинжалов, и пусть многоликие попробуют к нам сунуться!!

Вагат покачал головой и усмехнулся:

– Сунутся и очень скоро. Мы, конечно, постарались отвести от себя подозрение, но рано или поздно многоликие придут в Уругум, и придут с оружием! Вот ты, Рашат, выступишь против многоликого, если он не перекинется ирбисом, а нападет с мечом в руках.

– Ну-у-у... – неуверенно протянул Рашат. – Бамбарак-то вон, справился!..

– Я учился владеть оружием с малолетства почти десять лет. – Негромко сказал Вотша. – И учителя у меня были очень серьезные!

– Это какие же у тебя были учителя?.. – С усмешкой в голосе переспросил Сафат. – Что-то ты мне никогда об этой своей учебе не рассказывал!

Вотша оглядел сидящих около костра ребят и увидел шесть пар глаз, устремленных на него. В каждом из этих глаз отражался блеск огня, и плескалось огромное любопытство.

– Хорошо, я вам расскажу!.. – Проговорил он и, опустив глаза, помолчал, собираясь с мыслями. Ребята ни вздохом не помешали ему сосредоточиться. Наконец он снова поднял голову и начал свой недолгий рассказ:

– Я родился на окраине столицы стаи восточных волков Крае. Родителей своих я не знал, жил с дедом Ерохтой, который рассказал мне, что моим прадедом был великий воин стаи восточных волков, многоликий Ват. Но его лишили многоличья, когда еще не родился мой дед, а за что... Но об этом потом. – Вотша незаметно вздохнул и продолжил. – Когда мне было лет пять, меня случайно увидел на улице брат нашего князя Всеслава дважды посвященный волхв Ратмир. Волхв рассказал обо мне князю, и тот велел привезти меня в княжий замок. Там я первый раз увидел... как моего прадеда лишали многоличья, но тогда я ничего не понял, только это видение запало мне в память!..

– Как это ты увидел, как твоего прадеда... – Не сдержался Рашат.

Вотша взглянул на него и улыбнулся.

– Князь посмотрел на меня и хотел сказать свое решение, но его брат, волхв Ратмир, решил сначала узнать, на что я пригоден. Я не знаю, что он со мной сделал, помню только что он положил меня на каменный стол и рядом с моей головой что-то тлело и был сильный дым, а потом я долго проспал. Вот во время этого сна я и видел, как моего прадеда лишали многоличья. После этого... испытания князь оставил меня в замке. Со мною стали заниматься учителя, я изучал счет и письмо, а присматривал за мной многоликий Скал. Он ко мне очень хорошо относился, он меня... любил. И еще Старый, это такой дружинник у князя был, он занимался с молодыми волками фехтованием, потом он и со мной стал заниматься. А еще у князя была дочь, Лада...

Тут Вотша надолго замолчал, словно вспоминал что-то дорогое, чем не мог поделиться даже со своими друзьями. Прошло несколько минут, прежде чем он, наконец, отвлекся от этих воспоминаний и продолжил свой рассказ:

– В замке Крае, кстати, жил тогда и ваш княжич, Юсут. Он почему-то невзлюбил меня, может быть, потому что во время нашей первой с ним встречи, когда он хотел заставить меня... «вонючего извержонка», как он меня называл, прыгнуть с замковой стены, а княжна меня защитила. Во всяком случае, когда мы выросли, и я стал пажом нашей княжны...

– Ты стал пажом княжны?!! – Снова не выдержал Рашат. – Да кто же тебя пажом-то сделал?!!

– Сам князь, – пожал плечами Вотша, – по просьбе самой Лады.

Ребята переглянулись и снова уставились на Вотшу, явно ожидая продолжения рассказа.

– Так вот, когда мы выросли, мне было, наверное, лет пятнадцать, к нашему князю съехались в гости несколько вожаков соседних стай. Не знаю, о чем уж они там говорили, но в конце этих гостин князь решил устроить пир, а перед ним турнир мечников. Кто-то из князей, думаю, что это был ваш вожак, Юмыт, предложил перед турниром мечников провести турнир княжичей, которые воспитывались в Крае у нашего князя. В общем, на следующий день на ристалищное поле вышло три пары княжичей, хотя с самого начала было ясно, что победит Юсут, он был и самым старшим, и лучше других владел оружием. Так оно и получилось. Только, когда пришло время награждать победителя, княжна Лада, а она была первой дамой этого турнира, выставила своего бойца. Это был я. Оказывается, она видела, как я занимался со Старым. Мне пришлось выйти на поединок с Юсутом. Он, конечно, считал, что легко справится с «вонючим извержонком», однако мне удалось победить. Вот тогда-то я и получил из рук княжны этот меч.

Вотша погладил лежащие рядом с ним ножны.

Судя по лицам сидящих у костра ребят, вопросов у них было много, но никто ничего не успел спросить – заговорил Вагат:

– Прошлой осенью, когда мы с Бамбаракком перешли Гвардский перевал, на нас наткнулся княжич Юсут. Он узнал Бамбарака! Я сам видел, как он отдал этот меч Бамбараку, и заставил его принять бой, а сам перекинулся ирбисом. У Бамбарака не было ни одного шанса, хотя он, действительно, очень неплохо владеет мечом. В общем, я считал, что мой подручный уже погиб, когда он, выпустив из рук ненужный меч, вдруг ткнул ирбиса своим серебряным кинжалом и... убил его! В общем, произошло то же самое, что вы видели сегодня днем. Я, признаться, не слишком верил в это... серебро, думал, что это какая-то случайность, но сегодня убедился, что этот металл действительно смертелен для многогранных. Сейчас у нас есть два пути: мы можем попросить Бамбарака покинуть наш айл, наши горы, и он, наверное, выполнит нашу просьбу. В этом случае, когда многоликие придут в наш айл в поисках своих пропавших сородичей, мы сможем все свалить на Бамбарака и надеяться, что нас пощадят... Или мы заберем все серебро, которое сумели сегодня найти, наделаем из него оружия, а Бамбарак станет учить нас владению мечом, чтобы мы имели возможность хоть как-то противостоять многоликим, когда они будут в человеческом облике. Главное, что их звериное обличье, самое опасное для нас до сегодняшнего дня, теперь нам не страшно! Вот и решайте!!

– Да что тут решать! – Немедленно откликнулся Рашат. – Пусть нас Бамбарак учит, а там посмотрим. Может еще никто и не придет в наш айл, может, многоликие решат, что с этими двумя просто несчастный случай произошел!

– Если Бамбарак уйдет, то я уйду вместе с ним! – Твердо заявил Падур и даже пересел поближе к Вотше.

Ватиз и Фарух переглянулись и в один голос заявили:

– Мы тоже уйдем с Бамбаракком!

– Я сделаю так, как скажет дядя... – Негромко проговорил Сафат и посмотрел на Вагата.

Все повернулись к молчащему Изамату. Самый младший из извергов сидел, опустив голову, и ковырял землю коротким обломком ветки.

– Ну, что скажешь, Изамат?.. – Поторопил парня кузнец.

Тот поднял голову, оглядел сидящих вокруг костра ребят и вздохнул:

– Вы представляете, как нас мало?..

На лицах ребят отобразилось недоумение, но Вагат спокойно ответил:

– Да, нас мало. Но любое дело начинается с малого...

– Какое дело! – Лицо Изамата как-то жалко скривилось. – Если бы Бамбарак меч многоликому отдал, никакого дела и не было бы!

– Ты считаешь, что нас всех просто отпустили бы?.. – Чуть насторожившись, переспросил Вагат.

– Нас-то точно отпустили бы! – Запальчиво ответил Изамат. – Да и с вами ничего страшного не случилось бы! Съездили бы в Коготь Ирбиса, сказали бы вожаку, что меч нашли на перевале, и все!

– Ты знаешь кого-нибудь из извергов, кто побывал в Когте Ирбиса и вернулся?! – Голос кузнеца стал жестким.

Изамат размахнулся и швырнул обломок ветки в темноту.

– А теперь из-за вас двоих всему айлу пропадать?! Зачем вы этот меч взяли?! – Голос паренька срывался в фальцет, сочился растерянностью и страхом. – Еще и княжича убили!

Тут он вскочил на ноги и повернулся к Вотше:

– Зачем ты к нам пришел?! Сидел бы в своем Крае или где ты там жил! Нет, надо было к нам притащиться!! А теперь что с нами станется?! Перережут нас ирбисы, а айл сожгут и в долине нашей извергам запретят селиться!!

Он снова рухнул на землю и спрятал лицо в сомкнутых ладонях.

Над догорающим костерком повисла тягостная тишина. Казалось, никто не сможет нарушить ее, ничто не сможет пробить, разорвать ее тяжелый, давящий покров. И тут раздался чуть дрожащий голос Падур:

– Изамату страшно... Мне тоже страшно, и кому не будет страшно встать против многоликого. Я думаю, Бамбарак на ристалище в Крае тоже было страшно, но он же встал! Значит, этот страх... любой страх можно... превозмочь! Подумай, Изамат – мы должны были жить с этим страхом всю жизнь, жить всю жизнь, зная, что в любой момент придет многоликий и лишит тебя жизни или изуродует ее! А сейчас у нас появилась надежда убрать этот страх из своей жизни и из жизни нашего айла, из жизни нашей земли! Так разве это не стоит того, чтобы попробовать превозмочь страх?!!

Изамат поднял лицо и, не отрывая глаз, смотрел на говорившего парня, а когда тот закончил, вздохнул и словно бы через силу произнес:

– Ладно, делайте, что хотите, я никому, ничего не скажу. Но сам я, ни стали, ни серебра вашего в руки не возьму!

И снова над тлеющими углями воцарилось молчание. Спустя несколько минут Вагат вздохнул и как-то устало проговорил:

– Ладно, давайте-ка спать ложиться...

Утром проснулись рано, и сразу засобирались домой. Собранное серебро разложили в семь мешков, так что груз для каждого оказался не слишком велик. Вышли в путь в самом начале часа Жаворонка, и поначалу шагали молча. Затем как-то ребята сами собой образовали пары и начали негромко переговариваться. Сафат все приставал к Вотше с просьбой рассказать поподробнее о его жизни в Крае, Ватиз и Фарух принялись обсуждать достоинства соседских девчонок, только Изамат, шедший впереди, и Вагат, замыкавший процессию, молчали. Молодой изверг шагал быстро, озираясь по сторонам, словно чувствуя на себе чей-то чужой взгляд, а кузнец шел, глубоко задумавшись, не обращая внимания на окружающее. И думы его были невеселы:

«Сафар, Падур, Рашат... – мальчишки... Они или отважны до безрассудства, или трусливы до... безрассудства, и от этой отваги и трусости они готовы на все! Бамбарак другой, он, похоже, уже давно готов к схватке с многоликими, не случайно именно ему открылась тайна серебра – я-то вот знал об этом металле, но знал только то, что он ни на что не годен, а Бамбарак!.. Поневоле поверишь, что его по жизни ведет сама Мать всего сущего! Хотя...

она должна покровительствовать многоликим, они – ее дети!.. Но Бамбарак, действительно, может научить ребят драться, повести их за собой!.. А я?.. Я, ведь, уже не молод, у меня жена, двое детей, у меня... ремесло и место среди извергов! Что я делаю в этой компании юнцов?! Да, конечно, Бамбарак дважды спас мне жизнь – тогда, на перевале и сегодня, убив двух многоликих, и все-таки... Если я сейчас отойду в сторону, меня никто, даже сам Бамбарак не осудит, как раз он-то поймет меня лучше других. Но могу ли я... отойти в сторону?! Я сам, не осужу ли себя за это строже кого бы то ни было?!»

Он поднял голову и посмотрел вперед. Изамат ушел довольно далеко вперед, он словно хотел как можно быстрее добраться до дома, чтобы поставить между собой и своими друзьями других жителей айла, он, видимо, считал, что во вчерашнем споре на его сторону встало бы большинство односельчан. Ватиз и Фарух, Рашат и Падур о чем-то оживленно беседовали, а вот Сафат молча и очень внимательно слушал Вотшу, который что-то убедительно ему доказывал.

«Так что же мне делать?.. И возможно ли просто отойти в сторону?! Ведь за оружием они придут ко мне – дать им его, значит уже встать с ними рядом, не дать... Они и сами могут взять, а я при этом в стороне все равно не останусь! Так что – выходит, у меня нет выбора?!»

И вдруг он испытал странное облегчение – выбора не было, а, значит, и раздумывать было не о чем, сомневаться не в чем! И тут же в голову пришла другая мысль:

«У меня двое детей, и я хочу, чтобы они были счастливы! Но смогут ли они стать счастливыми, если всю жизнь их будет преследовать страх, страх за свою жизнь, страх за жизнь близких, страх потерять свое достояние, страх, страх, страх... Конечно, человек привыкает ко всему, живем же мы в постоянном страхе, в бесконечной обреченности, но можем ли мы считать себя счастливыми?! Или наше счастье заключается в том, чтобы думать, будто наша жизнь лучше, чем у сайгов или тигров?! Значит, если имеется возможность уничтожить этот страх, эту обреченность в жизни моих детей, я должен попытаться воспользоваться этой возможностью, несмотря на риск... Да и что для меня этот риск, когда я и так рискую каждый день, каждую минуту. Не далее, как вчера к дверям моей кузницы подошли двое многоликих, и я пошел с ними на верную гибель, пошел, не возражая, не сопротивляясь, как баран на бойню!! Так чего же мне бояться, если я ничего не теряю, разве что несколько лет невозможной, бесправной жизни, а приобрести могу... целый Мир!..»

– Вагат!.. – перебил его мысли голос Вотши. Кузнец поднял голову и увидел, что его подручный уже шагает рядом с ним, а остальные ребята догнали Изамата, окружили его и о чем-то с ним беседуют.

– Нам понадобится с десяток деревянных мечей, утяжеленных металлом. Ты сможешь мне помочь их изготовить?

– А может быть, сделать сразу боевое оружие? – Предложил Вагат. – Будем сразу учиться владеть тем, что необходимо в настоящем бою. Конечно, придется подумать о защите во время занятий, но это дело решаемое.

– Может быть, ты и прав... – Согласился Вотша. – И еще надо подобрать место, где можно будет заниматься, так чтобы было не слишком далеко от айла, и не на глазах у соседей.

– И место такое есть – только сверху разглядеть можно, чем мы там заниматься будем. Только, знаешь, жить надо будет так, как будто ничего не произошло... До поры до времени.

Вотша улыбнулся, а Вагат, увидев эту улыбку, строго заметил:

– И нечего смеяться, дело мы затеваем серьезное...

Вотша кивнул и согласился:

– Серьезное!..

Но улыбка так и не сошла с его губ.

В Уругум они вернулись, когда заканчивался час Змеи. Собранное серебро было спрятано в кузнице, и ребята разошлись по домам.

Спустя два дня Вотша начал заниматься с ребятами фехтованием. Вагат подобрал для каждого его ученика оружие по руке – меч и небольшой круглый щит, он же отвел Вотшу в рощу, располагавшуюся совсем недалеко от айла. В этой роще он показал небольшую абсолютно ровную поляну, выстланную короткой жесткой травой и окруженную со всех сторон высокими кустами бузины, оплетенными густыми побегами вьюнка. Жители Уругума редко ходили в эту рощу, называя ее проклятой. Ребята вкопали на краю поляны два столба и установили вертушку – короткий чурбан, вращающийся на оси с поперечной переключиной, на концах которой были укреплены палки, изображающие мечи, и превратили эту поляну в ристалище.

Рано утром и ближе к заходу солнца Вотша и пятеро молодых уругумцев собирались на этой поляне, иногда вместе с ними сюда приходил Вагат, но он просто смотрел на то, что делали ребята. Заниматься вместе с ними он не желал, да и времени у него для этого не было. Весь день с самого раннего утра до позднего вечера он проводил в кузнице, работая с собранным серебром. Вотша как-то раз сунулся в кузницу с предложением помочь, но Вагат протянул ему три уже готовых кинжала, очень похожих на те, что сработал сам Вотша для Сафата и Падуга, со словами:

– Вот. Это отдашь Рашату, Ватизу и Фаруху, пусть у твоей пятерки будут одинаковые клинки. А с остальным серебром я еще поработаю.

Жизнь в айле Уругум, вроде бы текла своим чередом, никто не обращал внимания на шестерых ребят, каждый день отправлявшихся в проклятую рощу, зато кузнец и пятеро его молодых друзей жили в постоянном напряжении. Первой их мыслью, когда они просыпались утром, было: «Сегодня в айл заявятся многоликие с розыском!», однако, день шел за днем, прошло две недели, а никто из многоликих в Уругуме не появлялся. Зато жена, дочь и двое ближних слуг обменщика Орка уехали из айла. Старосте было сказано, что они отправились к сестре Орка в Сабартай. А еще через два дня Орк и сам покинул Уругум, заперев дом и разогнав ненужных слуг.

К тому времени в проклятую рощу вместе с Вотшей ходили уже двенадцать человек. Семеро парней с дальнего конца Уругума, потолковав с Ватизом и Фарухом и разузнав, чем занимается там с ребятами пришлый изверг, пришли к кузнецу и попросили принять их в отряд. Они так и сказали – отряд, и тогда Вотша, присутствовавший при этом разговоре, улыбнувшись, согласился:

– Пусть будет отряд!

Вожаком этого отряда без обсуждений и споров был признан Вагиз, но он по-прежнему редко бывал в роще и не брал в руки оружия, пропадая целыми днями в кузнице. Как-то вечером, когда Вотша вернулся из рощи, кузнец позвал его в мастерскую и показал свое новое изделие. Это было копьё метра два длиной с недлинным, плоским, матово отсвечивающим, похожим на лист наконечником. Вотша взялся за древко, наклонил его, так чтобы приблизить клинок к глазам, и сразу понял, что он был не отполирован, а покрыт тонким слоем серебра!

– А теперь представь, что перед тобой стоит ирбис! – быстро проговорил Вагат.

Вотша мгновенно перехватил древко за середину и выставил насаженный на него кинжал вперед. Чисто оструганная, чуть шероховатая древесина ладно легла в ладони. Вотша повел древком из стороны в сторону, вверх-вниз, матово отсвечивающий наконечник послушно устремлялся в нужном направлении! Да, это оружие давало огромные преимущества в бою против многоликого в облике зверя, но им надо было еще научиться пользоваться!

– Понимаешь, – говорил между тем кузнец, – я дважды видел, как ты дрался с ирбисами, и каждый раз тебе приходилось рисковать жизнью! Конечно, серебряный кинжал хорош, но только тогда, когда ты совсем рядом с противником, а это очень опасно! Вот я

и решил сделать оружие, которым можно действовать на расстоянии! У меня таких копий двенадцать штук!

Вотша аккуратно прислонил копье к верстаку и задумчиво проговорил:

– Отлично!.. Но вот что мы будем делать, если многоликий перекинется птицей?..

– Вообще-то, такое оружие есть... – Вдруг перешел на шепот кузнец. – Только оно... запрещено!..

– Кем запрещено?.. – Удивился Вотша, невольно понижая голос.

– Многоликими... – Прошептал Вагат и посмотрел в открытые ворота кузницы. – Мой учитель рассказывал мне, что еще его отец сделал оружие, способное метать на очень большое расстояние маленькие ножи! Но многоликие, которым он показал это оружие, запретили ему делать его... а в скорости отец погиб... сорвался со скалы.

– Он тебе говорил, как оно было устроено?..

– У меня даже есть чертеж!..

Вотша пристально посмотрел в глаза Вагата, и тот кивнул:

– Сделаю!!

Однако сделать он ничего не успел!..

Через неделю после этого разговора как обычно, рано утром Вотша увел свой отряд на занятия. В этот раз ребята отрабатывали действия в тройке. Вотша, помня наставления своего учителя – волка по имени Старый, твердил, что поскольку выучка у них еще слабая, им придется атаковать опытного бойца группой. Но группа должна быть не более трех человек, чтобы не мешать друг другу, и действовать эти трое должны очень слаженно. В то время как трое новичков пытались достать мечами оборонявшегося Вотшу, еще одна тройка атаковала тренировочный чурбан, а еще шестеро, вооружившись копьями, учились действовать шеренгой вшестером. Занятия были в самом разгаре, когда на поляну выскочил растрепанный Изамат и истошно заорал:

– Бамбарак, многоликие жгут айл и убивают людей!!!

На секунду все застыли, парализованные ужасом, но через мгновение Вотша оказался рядом с мальчишкой, схватил его за руку и, стараясь сохранять спокойствие, потребовал:

– Спокойно!! Рассказывай, в чем дело!

Остальные ребята сгруппировались вокруг, Изамат всхлипнул, но, чуть успокоившись, начал торопливо рассказывать:

– Около часа назад в айл въехали шестеро многоликих, а с ними Орк и один из его слуг. Привязав лошадей у дома обменщика, трое многоликих отправились к кузнецу, а остальные в дом старосты. Через десять минут все население айла было согнано на площадь у дома старосты, туда же привели уже связанного Вагата. Сам Изамат в это время находился на чердаке, так что когда его родителей и сестер выгоняли из дома, он сумел спрятаться. Он видел из чердачного окошка, как избитого кузнеца привязали к дереву, что росло около дома старосты. Один из многоликих хлестал кузнеца плетью и явно требовал от него чего-то, но чего именно Изамат не понял. Это истязание продолжалось минут пятнадцать, после чего трое многоликих обернулись ирбисами и принялись ходить вокруг столпившихся на площади извергов, словно выбирая себе добычу. А двое многоликих, оставшиеся в человеческом облике, отправились на околицы айла. И, спустя несколько минут, крайние дома селения и кузница запылали! В толпе начались крики, и тогда ирбисы бросились на кричавших людей и начали их рвать. Тот многоликий, что хлестал плетью Вагата, начал бить его кнутовищем по лицу и тыкать плетью в толпу, что-то крича в разбитое лицо кузнеца. Именно в этот момент Изамат понял, кого ищут многоликие, выбрался из дома и, пробравшись огородам до кустов, огораживающих их усадьбу, бросился в проклятую рощу.

– Ты должен вернуться в айл и спасти наших людей!! – Вопил Изамат, размазывая по лицу грязные слезы. – Если ты сдашься, если ты отдашь им этот проклятый меч, они оставят нас в покое, они не будут уничтожать Уругум!!!

Вотша размышлял не более минуты, а потом покачал головой:

– Нет! Они не оставят вас в покое, даже если мы все сдадимся! Мы должны драться!! И тут окружавшие его ребята загудели.

Вотша быстро оглядел их – все двенадцать были полностью вооружены, он поднял руку, и гул мгновенно стих.

– Действовать будем так. Шесть человек вместе со мной атакуют многоликих. Драться будем, как учились – я беру на себя одного многоликого, вы, тройками, атакуете двух других. Вы, – он повернулся к ребятам, державшим в руках копья с посеребренными наконечниками, – принимаете бой с тремя ирбисами. Помните, перед вами зверь, сильный, опасный, но самый обычный зверь!! И этого зверя достаточно просто уколоть копьем, если кто-то из этих зверей сможет прорваться через копья, беритесь за кинжалы. Они не знают о том, что серебро для них смерть, так что внезапность на нашей стороне! Пошли!!!

Вотша развернулся и бегом бросился из роши.

До айла было чуть более километра. Когда ребята выбежали из-под деревьев на полого спускающийся к Уругуму луг, они сразу увидели, что несколько домов на окраине айла пылает. В сердце у Вотши похолодело, он вдруг понял, что подсознательно надеялся, что рассказ Изамата, просто истерика, просто какая-то невероятная ошибка, какое-то наваждение, посетившего трусоватого парня. Но теперь ему стало ясно, что именно сейчас наступил момент истины, именно сегодняшний день покажет, смогут ли изверги, если не победить, то хотя бы на равных сражаться с непобедимыми прежде многоликими!

Айл пылал, однако Вотша, преодолевая свое желание мчаться сломя голову, бежал широким, спокойным, размеренным шагом, а когда кто-то из ребят попробовал его обогнать, он сурово крикнул:

– Осади!!! Собьешь дыхание, не сможешь держать оружие!!

Больше никто не пытался его обогнать, Вотша с удовлетворением слышал позади мерный, ровный топот обутой в легкие сапоги ног. Через десять минут они были на улице Уругума и, не снижая скорости, понеслись к дому старосты, стоявшему в центре села. Именно там бурлила, стенала, корчилась темная толпа, а скоро они различили и три светло-серые тени, мелькавшие среди толпящихся извергов.

Но и их уже заметили. Одна из этих жутких теней отделилась от толпы и неторопливо потрусил в их сторону. Впрочем, заметивший их ирбис не стал слишком далеко удаляться от своих товарищей, выдвинувшись шагов на шесть, он остановился и присел на задние лапы, словно готовясь к прыжку.

Вотша крикнул на ходу:

– Я в обход к Вагату! Шеренга с копьями вперед, тройки мечников по бокам!

Не проверяя, как выполнен его приказ, он свернул в сторону, мимо горящего дома, по огородам к дому старосты.

Ребята, между тем, мгновенно выполнили приказ своего наставника. В середине улицы возникла шеренга из шести человек с копьями в руках, а две тройки мечников сместились на фланги этой шеренги и на шаг отстали от нее.

Ирбис, поджидавший их на дороге, быстро обернулся назад, и в следующее мгновение по обе стороны от него возникли еще два светло-серых зверя. Ирбисы перегородили улицу, а толпа позади них замерла, изумленно глядя на бегущих по улице вооруженных ребят.

Шагах в пятнадцати от стоящих поперек улицы зверей шеренга перешла с бега на небыстрый шаг и, приблизившись еще на пяток шагов, копья, посверкивающие широкими наконечниками, разом, словно по команде, рухнули вниз, нацеливаясь на замерших зверей.

Ощетинившаяся шеренга медленно приближалась к замершим ирбисам, приближалась спокойно и, казалось, уверенно, но звери, видимо, ощущали, что изверги, выбросившие им навстречу свое смешное оружие, просто переполнены страхом. Что по мере приближения к всемогущим повелителям этого мира, страх извергов перерастает в жуткий, иррациональный ужас, что достаточно какой-нибудь мелочи, какого-нибудь резкого движения или даже просто звука, чтобы этот ужас накрыл молодых извергов с головой, заставил их бросить свои смешные палки, погнал их прочь, назад!! И тогда!..

Изверги с нацеленными на ирбисов копьями приблизились почти вплотную, и в этот момент самый крупный из зверей, стоявший в центре, раскрыл свою чудовищную, украшенную белоснежными клыками пасть и рывкнул во весь голос. На мгновение шеренга замерла... Казалось вот сейчас она распадется на отдельные фигурки, которые, побросав свое никчемное оружие, бросятся наутек!..

Но вместо этого стоявший в центре шеренги Сафат вдруг сделал резкий выпад и вонзил наконечник своего копья прямо в разверстую пасть ирбиса!!

Это короткое движение было настолько неожиданным, что все: и изверги стоявшие в шеренге, и ирбисы, спокойно ожидавшие развязки и жители айла, испуганно толпившиеся позади многоликих, замерли. А в следующий момент над Уругумом поплыл заунывный, до краев наполненный смертной тоской вой!!

Сафат выдернул из пасти ирбиса свое копье, и в следующую секунду огромный зверь повалился набок, суча здоровенными лапами в сухой дорожной пыли, бороздя эту податливую, текучую пыль мощными, стальной твердости, когтями!

Рана, нанесенная в пасть, была невидна, поэтому никто не мог понять, что произошло, почему могучий, казавшийся... нет, не казавшийся – бывший до сей поры, неуязвимым зверь, вдруг рухнул в смертельных конвульсиях?!

Два, стоявших по бокам ирбиса явно растерялись. Вместо того чтобы атаковать этих, видимо, обезумевших извергов, они усталились на своего корчащегося товарища, и это стало их концом. В следующую секунду, в каждого из замерших зверей вонзилось по два матово поблескивающий лезвия, и на их светло-серых шкурах сначала расцвели алые кровавые пятна, а затем вспыхнул невидимый огонь, принявшийся пожирать неуязвимые для земного оружия тела!

Все, что смогли сделать страшные хозяева окрестных гор, это жалобно взвыть, последним, смертным воем!!

Вотша в этот момент как раз выскочил из-за дома старосты к тому самому дереву, у которого был привязан Вагат. Кузнец, по-видимому, уже потерял сознание, его тело, удерживаемое веревками, обвисло, темная, кучерявая голова упала на грудь, он уже не чувствовал ударов. Но многоликий, стоявший рядом, продолжал бить его рукояткой своей плети, насмешливо приговаривая при этом:

– ...Вот так мы учим тех, кто забывает о покорности, кто посягает на имущество своих хозяев, кто мнит себя умным и сильным! И учим мы таких до тех пор, пока наука не дойдет до их мозгов, до их кишок, до их костей! Учим мы их до смерти!..

Вокруг дерева широким полукругом стояли уругумцы. Лица их были бледны, женщины не прятали залитых слезами лиц, дети с широко открытыми глазами, замерли, ухватившись ручонками за юбки матерей. Этот урок давался для них всех, эта наука должна была впитываться ими с самого детства и в течение всей их жизни, этот горький опыт должен был передаваться ими из поколения в поколение!!

Но неожиданно многоликий понял, что покорные его воле изверги, всем своим существом впитывавшие даваемый им урок, вдруг отвлеклись. Они стали невнимательны, их что-то оторвало от познания абсолютной истины, изрекаемой им! Он хотел обернуться, но его опередил напряженный, чуть хрипловатый голос:

– Легко учить беззащитных?! Легко унижать тех, кто слабее тебя?!!

Многоликий круто повернулся и увидел в пяти шагах от себя молодого белокурого парня с узким длинным мечом в руке. С перекрестья рукояти прямо в глаза ирбиса брызнул резкий голубой блик, и он сразу понял, что за клинок держит парень. И самого парня он узнал.

– А-а-а... Будущий мастер?! Я смотрю, ты себя и в фехтовании мастером считаешь?! Думаешь, если разжился красивым оружием, то уже и мастер, и никто тебе не помеха?! Ну что ж, – многоликий оскалился с едкой усмешке, – придется и тебя поучить! Поучить самым тобою выбранным способом!..

В его руке словно из воздуха возник клинок, а освобожденный ножны полетели в сторону. В следующее мгновение многоликий прыгнул вперед, нанося косой рубящий удар! Он ожидал какой-нибудь корявой отмашки изверга, впервые взявшего в руки оружие, но тот спокойным, плавным движением переместился чуть влево, пропуская мимо себя несущееся на него тело многоликого, и косым тычком перекрестья своего меча откинул рушащийся на него клинок в сторону. И как только ирбис проскочил мимо него, странный изверг послал ему вслед острие своего меча. Многоликий успел увернуться, упав на одно колено и тут же отскочив в сторону. Противник оказался неожиданно опасным! Ирбис пошел вокруг настороженно ожидавшего его новой атаки противника, быстро соображая, где он допустил ошибку, позволившую его противнику уйти от удара... Но ошибки не было!..

Вотша внимательно следил за перемещением многоликого, сам он атаковать не хотел, атакующий потенциал ирбиса он уже себе представлял, а вот каков тот в защите было пока неясно. Пяток секунд ирбис медленно, осторожно ступая по пыльной выбитой земле, перемещался влево, и вдруг его глаза вспыхнули. Вотша понял, что сейчас последует новая атака, и не ошибся, Многоликий прыгнул вперед, нанося на этот раз колющий удар, но вотшин клинок принял лезвие атакующего меча наголомень, отвел его в сторону, а затем, вывернувшись змеей, скользнул вдоль атакующей руки, устремляя острие многоликому в живот.

И снова тот успел отскочить в сторону, но по его руке побежала быстрая горячая кровь, а взрезанный рукав рубахи начал быстро набухать красным. Глаза многоликого скользнули к раненой руке, и он чуть было не пропустил неожиданную атаку изверга, который вдруг отказался от оборонительной тактики и перешел в нападение. Едва ирбис выпрямился после отскока, как изверг оказался на расстоянии удара и его клинок, описав короткую дугу, обрушился на правое плечо многоликого. Тот чуть отклонился и выбросил ему навстречу свой меч...

И в этот момент над площадью взметнулся истошный вопль:

– Убили!!! Ирбиса убили!!!

Этот вопль был настолько неожиданным, настолько невероятным, что многоликий невольно повернул голову в его направлении, и Вотша, уловив это движение, мгновенно, крошечным движением руки, изменил направление удара. Скользнув чуть ниже выброшенного вверх лезвия, меч Вотши обрушился на грудную клетку многоликого справа. Раздался хруст разрушаемых ребер и грудины. Многоликий перевел изумленный взгляд на своего противника, затем скосил глаза на выскакивающий из его тела клинок, пальцы его разжались, выпуская ставший невыносимо тяжелым меч. Мгновение он еще стоял на подгибающихся ногах, а затем глаза его закатились, и тело рухнуло в дорожную пыль, окрашивая ее пепел в темный, почти черный цвет!

Пару секунд Вотша смотрел на поверженного противника, словно желая убедиться в его гибели, а затем развернулся и бросился между расступившимися уругумцами вдоль улицы, в ту сторону, откуда раздался крик.

Впрочем, бежать далеко ему не пришлось, толпа перед ним продолжала расступаться, пока уругумцы не открыли ему всю улицу. Прямо посередине пыльной дороги, вертясь юлой,

многоликий отбивался от трех нападавших на него извергов. Видно было, что все трое совсем недавно взяли в руки оружие – орудовали мечами они весьма коряво, но в их действиях была некая слаженность и готовность прикрыть друг друга. Чуть в стороне в пыли корчился еще один многоликий, голова у него была залита кровью, меч валялся рядом, а судорожные движения рук и ног были похожи на предсмертные конвульсии. Один из извергов стоял над корчащимся многоликим и, не то наблюдал за его концом, не то собирался, но не решался его добить. Еще двое извергов двигались рядом со сражающейся четверкой, но не вмешивались в происходящее, хотя было ясно, что оба, при необходимости, готовы сменить любого из атаковавших ирбиса товарищей. Еще один из извергов, вооруженный копьем, тоже внимательно наблюдал за схваткой, держа свое оружие наготове, но улучшить момент для удара ему никак не удавалось.

«Ребята хорошо усвоили мои уроки! – С неожиданным удовлетворением подумал Вотша, и тут же новая мысль пришла ему в голову. – А куда делись те, кто повернулся к Миру родовой гранью?!»

Ни одного ирбиса не было видно, правда, дальний конец улицы был закрыт пыльным облаком, поднятым сражающимися.

В этот момент удачная отмашка ирбиса задела одного из извергов, и тот со стоном опустился на колени. Многоликий мгновенно развернулся к другому нападавшему, готовясь нанести новый удар. Но на месте раненого тут же появился новый боец, который не замедлил ткнуть своим клинком в бок чуть развернувшегося ирбиса. Тычок получился не слишком уверенным, но острие меча нашло тело, и теперь уже многоликий вскрикнул и сдавленно застонал.

Вотша, на мгновение остановившийся, чтобы понять ход разворачивающейся схватки, снова бросился вперед, но в этот момент многоликий, видимо, понял, что ему одному не справиться с тремя, пусть и не слишком умелыми бойцами. Яростно вскрикнув, он крутанулся на месте, описав мечом широкий круг, и извергам пришлось отскочить назад. В тот же момент многоликий подпрыгнул высоко вверх. Изверги, видимо, от неожиданности еще больше отпрянули, но ирбис и не думал атаковать. Вместо этого в самой высокой точке своего прыжка он перевернулся через голову. Перед глазами застывших извергов на месте повисшего в прыжке человека возникло расплывчатое, туманное облако, из которого посыпалась одежда, пара сапог и оружие, а затем из исчезающего облака вырвалась большая темная птица!.. Холзан!!

Огромная птица, оттолкнувшись от воздуха двухметровыми крыльями, начала быстро набирать высоту, уходя в сторону солнца. Спустя минуту она превратилась в крошечную точку. Вотша оторвал, наконец, взгляд от удаляющейся птицы и посмотрел назад. Около дерева, к которому был привязан Вагат, уже сутилось несколько женщин, среди которых он узнал и жену кузнеца.

Белокурый изверг хотел направиться к ним, но в этот момент за его спиной снова раздался крик. Он обернулся и увидел, что несколько уругумцев тащат какой-то огромный, темный, неопрятного вида узел. Остановившись в нескольких шагах от светловолосого изверга, они бросили этот узел на землю и принялись пинать его ногами, а узел вдруг зашевелился, растянулся и попытался ползти прочь от своих мучителей. И тут Вотша понял, что перед ним, избитый, оборванный, со включенными волосами и исцарапанным лицом... Орк!!

Разъяренный старик, в котором Вотша с трудом узнал всегда ровного и доброжелательного старосту Самура, пнул ползущего в пыли обменщика и заорал визгливым, срывающимся голосом:

– Это он привел в наш айл многоликих!! Он донес на кузнеца, будто бы тот украл какой-то меч!! И все потому, что Вагат внес за земляков откуп, не позволил этой твари закабалить своих односельчан!!!

Орк, между тем собрался с силами и, приподнявшись на четвереньки, завыл каким-то утробным хриплым голосом:

– Глупцы!!! Глупцы, что вы наделали!! Вы позволили этим малолетним дуракам убить многоликих!!! Разве вы не понимаете, что с вами сделает вожак Юмыт, когда узнает о вашем преступлении!! Вы будете молить о смерти, как о благом окончании ваших мук!! Вы проклянете себя за то, что выпустили в этот Мир своих детей, когда увидите каким пыткам подвергнет их вожак ирбисов!!! Вы будете пить собственную кровь и заедать ее собственными внутренностями!..

Уругумцы, окружавшие обменщика, в ужасе отпрянули в разные стороны, но Вотша шагнул вперед и рывкнул, перебивая толстого обменщика:

– А тебе-то это откуда известно?!!

Орк застыл на месте, растопырив руки и ноги и чуть покачиваясь из стороны в сторону, а затем медленно поднял голову. На его залитом кровью лице были написаны жгучая ненависть и страх! С минуту он рассматривал стоящего перед ним изверга мутными, чуть косящими глазами, явно не понимая, кто перед ним, а затем в этих мутных глазах отразилось узнавание.

– А-а-а... Это ты, светловолосый изверг!.. Как только ты появился в нашем айле, я сразу понял, что ты принес нам горе и гибель!! Я сразу понял, это ты...

– Нет, это ты принес Уругуму горе и гибель!! – Снова перебил его Вотша. – Это ты привел сюда многоликих, чтобы они мучили людей и жгли их дома, чтобы грабили и убивали! Это твоя алчность подсказала тебе, как уничтожить человека, бескорыстно помогшего своим односельчанам, как заставить всех своих земляков, работать на тебя, вернее, на нее, на твою алчность! Но теперь конец, теперь ты ответишь за все свои дела, и никакие многоликие не помогут тебе!!

Вотша оглянулся. Его ребята из его отряда стояли позади него, внимательно слушая разговор.

– Ватиз и Фарух, свяжите ему руки и запирайте в сарай на его усадьбе! – Скомандовал Вотша и, повернувшись к толпе, громко объявил. – Завтра его будет судить общий сход. Вы сами решите его судьбу!

Затем он отыскал глазами старосту, стоявшего рядом с калиткой своей усадьбы, и направился к нему. Ватиз и Фарух двинулись, было, к продолжавшему стоять на четвереньках Орку, но в это время в спину обменщика с глухим стуком ударил первый камень! Ребята остановились, как вкопанные, а камни посыпались градом – окружавшие обменщика уругумцы молча с каким-то отчаянным остервенением швыряли их в ненавистную тушу предателя. Через минуту Орк упал, руки и ноги его несколько раз дернулись, после чего он затих. Голова его была разбита, мозг серовато-грязной кашицей пятнал дорожную пыль, а камни продолжали лететь в неподвижное, в мертвое тело!

Вотша подошел к молча наблюдавшему за своими односельчанами старосте, и устало сказал:

– Почтенный Самур, нам, наверное, нужно собраться где-то, чтобы решить, что делать дальше...

Старик поднял глаза на светловолосого изверга, кивнул и, пожевав губами, проговорил:

– Можно собраться у меня, мой дом уцелел, но надо знать, сколько человек ты хочешь пригласить для этого разговора.

Вотша на секунду задумался, а затем неуверенно пожал плечами:

– Вообще-то, надо было бы позвать весь отряд – его наше решение будет касаться, прежде всего, вот только сможем ли мы все разместиться?..

– А если в саду?.. – Тут же предложил староста. – Там места вполне хватит для всех, а подслушивать нас все равно некому!

– Годится! – Согласился Вотша. – Значит, мы соберемся в твоём саду... – Он сделал выжидающую паузу, и Самур закончил фразу:

– Подходите к часу Медведя!

Вотша кивнул и снова повернулся к своим ребятам:

– Сафат, рассказывай, как у вас все получилось?..

Племянник кузнеца шагнул вперед и пожал плечами:

– Ирбисов прикончили быстро – они, по-моему, никакого страха при виде нас не испытывали, никакой опасности не чувствовали и так до конца ничего не поняли. А вот с мечниками было сложнее. Мы их атаквали, как ты учил, тройками. Только мечом они владели лучше, чем мы вместе трое взятые. Первого помог уничтожить Фарух, он улучил момент и ткнул многоликого своим копьем, а потом уже мы его добили. Ну а второй... Ты сам видел, что он сделал...

– Видел... – кивнул Вотша, – ... но об этом мы подумаем позже. Потери у нас есть?..

Сафат покачал головой:

– Алата задел последний многоликий, но там так... ерундовый порез, хотя, конечно, больно. А больше ничего. – Он задумчиво почесал щеку и добавил. – Даже странно, мы их так боялись и... так все просто оказалось!..

Несколько секунд ребята помолчали, словно раздумывая над словами Сафата, а затем Вотша махнул рукой:

– Ладно! Сейчас расходимся по домам, посмотрим, чем можно помочь нашим семьям, а к часу Медведя собираемся в саду у старосты – будем думать, что нам делать дальше! Оружие все время держать при себе!

Окружавшие его ребята мгновенно разошлись в разные стороны, а сам Вотша снова повернулся к дереву, у которого был привязан Вагат. Однако, кузнеца уже унесли. На секунду Вотша задумался, а потом решительным шагом двинулся к дому старосты.

Он не ошибся – Вагат лежал в дальней комнате большого дома Самура. Кузнеца уже раздели и перевязали, но на груди, белизну полотна уже пятнала проступившая кровь. Рядом с постелью сидела Агирай, лицо ее было каменным, сцепившиеся пальцы рук покоились на коленях, а глаза неотрывно смотрели в лицо мужа. Вотша подошел к постели и положил ладонь на лоб своего наставника – кузнец был в жару. Вздохнув, он негромко обратился к жене Вагата:

– Кузница и дом сгорели полностью?..

В первый момент показалось, что Агирай не слышала вопроса, но спустя пару секунд он так же тихо проговорила:

– Я не знаю... Наверное...

Вотша кивнул и направился к выходу. Проходя мимо жены старосты, стоявшей у входной двери он тихо сказал:

– Матушка Масура, я скоро вернусь, вскипятите мне котелок чистой воды.

Старуха молча кивнула, и Вотша вышел из комнаты.

Он шагал по улице в сторону кузницы и лихорадочно думал, что из имеющихся у него снадобий может понадобиться Вагату. Наука тетушки Барбы не прошла для Вотши даром – и здесь в Уругуме он находил время, чтобы собирать растения, ягоды, корешки, готовить из них отвары, настои, мази. Вот только нуждающихся в его лекарском искусстве в айле было немного, да и имевшемуся в Уругуме лекарю он не хотел вставать поперек дороги. Но теперь дело касалось Вагата, и потому он не мог стоять в стороне, вот только... неизвестно было, что из приготовленных им снадобий сохранилось!..

Еще издали он увидел, что крыша дома кузнеца сгорела полностью, а значит весь запас сушеных трав, плодов и ягод был уничтожен. Подойдя к дому, он понял, что и внутри него практически ничего не уцелело – окна и дверь были выбиты и из них по стенам тяну-

лись полотнища копоти. А вот кузница пострадала гораздо меньше, правда крыша на ней тоже сгорела, но внутренность была практически не тронута огнем. Сохранился и погреб, вырытый в дальнем конце сада, а именно там хранились изготовленные Вотшей лекарства.

Изверг отворил дверь погреба, и понял, что многоликие сюда не заглядывали. Видимо, они слишком торопились и не думали, что здесь может быть что-то ценное для них. Спустившись по лесенке вниз, Вотша отобрал несколько флаконов с настойками и горшочков с мазями, которые могли понадобиться для Вагата и, сложив все это в холщевую сумку, выбрался наружу.

Спустя пятнадцать минут он снова входил в дом старосты. В комнате, где уложили Вагата, кроме его жены и старой Масуры находился и лекарь айла – суровый, малоразговорчивый старик, живший на отшибе в небольшом, чуть покосившемся домике. Он как раз менял кузнецу повязку, прежде наложенная сильно промокла от крови.

Вотша выложил на маленький столик принесенные с собой снадобья и, взяв два горшочка и флакон, подошел к постели.

– Почтенный, – обратился он к лекарю, обрабатывавшему раны кузнеца какой-то темной жидкостью. – Прошу тебя попробовать снадобье, которое я изготовил по рецепту известной на Западе травницы, тетушки Барбы. Я был ее учеником больше двух лет, и смею надеяться, что многому научился. Вот эту мазь... – он открыл один из горшочков и показал желтовато-серую пахучую субстанцию, заполнявшую горшочек до самой горловины, – ... надо положить тонким слоем на полотно и прикрыть им раны. Кровь очень быстро уймется. Спустя часа два надо будет поменять повязку, положив на раны мазь из вот этого горшочка – это мазь прекрасно заживляет раны. А вот этот настой надо давать раненому, добавляя в питье по три капли на кружку. Настой успокаивает жар, укрепляет раненого и не дает развиваться лихорадке.

Старик-лекарь недоверчиво покосился на предложенные ему снадобья и глухо проворчал:

– То, что годится на Западе, не всегда подходит горцам!..

– Ты знаешь, мне дорог мой учитель... – Стараясь говорить спокойно и с уважением, ответил Вотша. – Я прошу тебя использовать эти средства. Они сделаны из местных трав и не могут повредить раненому, а рецепты эти проверены неоднократно!..

Старик поднял глаза на Вотшу, несколько секунд внимательно рассматривал его, а затем кивнул:

– Хорошо, парень, я использую твои мази и бальзам... Надеюсь, Мать всего сущего вдохнет в них свою силу!

Вотша кивком поблагодарил лекаря и вышел из комнаты.

В саду уже начал собираться его отряд. Ребята рассаживались на скамейках, расставленных под деревьями вокруг большого садового стола, и тихо о чем-то переговаривались. Вотша тоже подошел к столу, уселся рядом с Сафатам и негромко сказал:

– Вагат плох... Ему нужен покой, а вот его-то нам, наверняка не дадут!

– Так, может быть его куда-нибудь увезти?.. – Так же негромко спросил Сафат, но Вотша отрицательно покачал головой:

– Его нельзя перевозить. Недели две он должен лежать в полном покое.

В это время в сад вышел староста Уругума, а с ним еще трое стариков. Они также уселись за стол, но таким образом, чтобы молодежь оказалась напротив них. Самур медленно оглядывал примолкших ребят, а остальные старики сидели, не поднимая глаз. Наконец взгляд старосты уперся в Вотшу, Самур кашлянул и с некоторым трудом проговорил:

– Многоликие убили двенадцать жителей айла... Еще четверо сгорели у себя в домах... Шестеро ранены, трое покалечены. И мы не знаем, когда многоликие снова заявятся к нам, чтобы уничтожить всех нас!..

– Вам лучше уйти из айла!.. – Добавил один из стариков, не поднимая взгляда.

Над столом повисло тягостное молчание. Ребята переглядывались, и все их взгляды постепенно останавливались на Вотше. Тот и сам чувствовал, что отвечать придется ему... чужаку, не прожившему в айле и двух лет! Уже то, что старики выгоняли из селения не его одного, а весь отряд, было с их стороны актом справедливости и милосердия к нему... милосердия, как они это понимали!.. Что он мог им ответить?!!

Наконец Вотша поднял глаза на старика Самура и неожиданно спросил:

– Что вы решили сделать с Орком?

Староста недоуменно посмотрел на молодого изверга, словно то задал ему никого не интересующий вопрос, но через мгновение ответил:

– Мы... уже сделали... Он мертв.

– Что ж... – Медленно протянул Вотша. – Это хорошо.

– Нет, – покачал головой Самур. – Это нехорошо... Просто, так получилось. Если бы он остался жив, мы отпустили бы его.

– Вот как?! – Удивился Вотша. – Но вы же знаете, куда именно он пошел бы?!

Староста безразлично пожал плечами:

– Наверное к своей родне, в Сабиртай...

– Нет, почтенные, он пошел бы в Коготь Ирбиса и снова привел бы в Уругум многоликих! Хотя они и без Орка обязательно придут в Уругум! – Вотша даже приподнялся со своего места – неужели старики не понимали, что с ними всеми сделают многоликие?! Сделают совершенно безнаказанно, ведь отряда уже не будет в Уругуме!! Неужели они поведут себя, как бараны, которых ведут на бойню?!!

После этих вотшиных слов все старики подняли головы, и в их глазах вспыхнуло понимание... Вспыхнул страх! Несколько секунд длилось молчание и, наконец, один из них выдохнул:

– Тогда мы... Тогда... что же нам делать?!

И снова над столом на несколько мгновений повисло молчание, но теперь оно было выжидающим, старики словно бы предлагали своим молодым односельчанам попытаться придумать лучший выход из положения, и в тоже время боялись, что они действительно придумают что-то другое!

Вотша обежал внимательным взглядом поднятые к нему лица стариков и медленно проговорил:

– Я предлагаю... запутать многоликих!

– Запутать?.. – Тут же переспросил Самур. – Запутать многоликих?! Да как же их можно запутать?!!

– Мы совершим набег на один из айлов многоликих!!

Теперь уже глаза всех сидевших за столом уставились на Вотшу. И если в глазах стариков было недоуменное непонимание, то глаза ребят из его отряда загорелись азартом.

– Да! Мы нападём первыми, нападём на айл многоликих, причем не на ближайший к Уругуму, а на дальний!! Пусть Юмыт гадает, кто набрался такой наглости!! И поверьте, уругумцы будут последними, на кого он подумает!!

Старики быстро переглянулись, до них дошел весь коварный замысел Вотши! Действительно – одно дело наказать извергающий айл, в котором появилось некое непонятное неповиновение, и совсем другое – нападение на айл многоликих!! Такое нападение, конечно же, не может быть делом извергов, значит, это набег кого-то из соседей!! И такой набег отодвинет на задний план все карательные акции! Конечно, Юмыт не забудет об Уругуме, но ему просто будет не до него!! Он будет занят поисками нападавших!!

И тут подал голос один из стариков:

– А вы не боитесь?..

– Чего?.. – Переспросил Вотша.

– Вы не боитесь нападать на многоликих?.. – Повторил свой вопрос старик. – Ведь в айле их будет не шесть и даже не десять!

– А, как вы думаете, почтенный, сколько их там будет?..

Старик усмехнулся:

– Когда я был в айле Небесный глаз, правда, это было давно, там обитало сорок три ирбиса, и из них всего трое детей!

– Значит, около сорока... – Задумчиво протянул Вотша и снова посмотрел на старика. – А где находится айл Небесный глаз, почтенный?

С минуту старый уругумец молчал, а затем дрогнувшим голосом спросил:

– Неужели вы решитесь напасть на многоликих у них дома?!!

Вотша ответил ему молчаливым взглядом! А потом, оглядев весь стол, он твердо произнес:

– Мы выходим завтра!

Глава 4

Юмыт был в бешенстве! Четыре дня назад в Коготь Ирбиса прилетел один из дружинников, посланных в небольшой извержачий айл Уругум. Прилетел один, повернувшись к Миру гранью холзана, и начал рассказывать такое, во что просто невозможно было поверить!!!

А началось все недели три назад, когда дозорный у подножья скалы, на которой стоял Коготь Ирбиса доложил, что к княжескому айлу прибыл изверг из айла Уругум и говорит, что у него есть сведения о пропавшем сыне князя. Конечно же, Юмыт сразу спустился вниз. Пожилой, толстый изверг, униженно кланялся и славословил вожака южных ирбисов до тех пор, пока Юмыт не рявкнул на него, приказывая перейти к делу. Тогда Орк – так звали этого изверга, рассказал, что он, к сожалению, ничего не знает о пропавшем княжиче, но может указать на тех, кто, возможно, присвоил и спрятал меч, который разыскивали многоликие прошлой осенью. Оказалось, что кузнец из его айла вместе со своим подручным дважды прошли Гвардским перевалом, как раз в то время, когда пропал Юсут! Они вполне могли найти меч княжича и спрятать его где-нибудь в горах, или уступить обменщикам в Улабе за приличное количество монет!

Юмыт не очень поверил словам толстого изверга – у него осталось впечатление, что тот наговаривает на кузнеца, желая свести с ним какие-то свои счета. Но когда изверг сказал, что неделю назад кузнеца увезли из Уругума двое многоликих, собиравших откуп, собираясь доставить его в Коготь Ирбиса, а затем почему-то отпустили, вождь насторожился. Сборщики еще не вернулись, хотя время их возвращения уже подошло!

Подождав еще трое суток, Юмыт послал отряд из шести воинов в Уругум, поручив им заглянуть еще в пару извержачьих айлов, где должны были побывать сборщики откупа и выяснить, куда они подевались, а заодно разобраться и с уругумским кузнецом!

И вот один из этой шестерки прилетел в Коготь Ирбиса, прилетел, чтобы рассказать, будто пятеро многоликих убиты извергами. Причем трое из них в момент убийства повернулись к Миру родовой гранью!!! Трое взрослых ирбисов были убиты вонючими извергами – кто же в это поверит?!!

Впрочем, вернувшийся дружинник вообще выглядел умалишенным – он постоянно кричал о страшной смерти своих товарищей, кричал даже тогда, когда находился один в запертой комнате и его никто не мог слышать. Он почти не спал, видимо от... страха, хотя такое предположение было совершенно невероятным. Волхв стаи попробовал заглянуть в его прошлое, но Стол Истины показал какие-то странные, рваные, совершенно бессмысленные картины – хаотическое мелькание цветных пятен, среди которых лишь иногда можно было различить некое подобие мечущихся тел.

Правда, именно эти странные картины удерживали Юмыта от немедленного проведения обряда эрозиобазы над этим явным трусом, бросившим своих товарищей! Кстати, связаться с командиром посланного отряда никак не удавалось, и Юмыт собирался послать на его поиски пару разведчиков. В гибель своих людей вождь не верил! Он скорее бы поверил, что эта пропавшая пятерка «отдыхает» в одном из извержачьих айлов, наслаждаясь выпивкой и жратвой, да забавляясь с извергинями и извержатами!

Однако вечером, накануне того дня, когда разведчики должны были выйти в горы, в дом вожака зашел Касым, волхв стаи южных ирбисов. Отведав арата и заев его вяленой бараниной, волхв наклонился через стол к вожаку и негромко проговорил:

– У меня сегодня было предчувствие!..

Вожак насторожился! Вообще-то волхв стаи был не слишком талантлив, не случайно его не оставили в университете для подготовки ко второму посвящению. Он был отправлен в

родную стаю и занял место помощника при прежнем волхве. Однако через три с небольшим года служения, в нем открылся один необычный талант – талант предчувствия. Однажды вот так же он зашел в дом только что ставшего вожаком Юмыта и после чашки арата вдруг сказал:

– Вожак, у меня было предчувствие!..

Тогда Юмыт, внутренне усмехнувшись, переспросил, скорее для поддержания разговора, чем из любопытства:

– И что же ты... предчувствовал?..

– Волхв стаи через два дня разобьется в горах. – Спокойно проговорил Касым. – И ты будешь сомневаться, стоит ли рекомендовать стае меня... – Тут помощник волхва посмотрел Юмыту прямо в глаза, что было недопустимым нарушением обычая. Но вожак не успел возмутиться, Касым продолжил:

– Твои сомнения суетны, отринь их, и ты узнаешь славу!

На минуту Юмыт задумался. С детства он привык относиться к волхвам с уважением и опаской – уж больно много умели они такого, что не укладывалось в его голове, а потому заявление Касыма о его «предчувствии» вполне могло иметь под собой основания. Но с другой стороны уж больно неприметным, безликим был помощник волхва стаи до сих пор. Почему именно сейчас, в момент его прихода к власти в стае у этого серого человечка, не блещущего способностями, да и знаниями, вдруг прорезался столь редкий, неслыханный дар?! И тут ему в голову пришла другая мысль – а может быть, именно Касыма имеет смысл поставить волхвом стаи, может быть, именно такой вот безликий, не лезущий вперед вожака, не выпячивающий своего значения волхв ему и нужен. Он бросил на прихлебывающего арак Касыма быстрый, острый взгляд и осторожно спросил:

– Ты кому-нибудь еще говорил о своем... предчувствии?..

– Зачем?.. – Касым даже не повернул голову в сторону вожака. – До моих предчувствий никому нет дела... во всяком случае прежний вожак именно так ответил мне однажды. А ведь то предчувствие, которым я хотел с ним поделиться, имело отношение к нему самому. Но он не заинтересовался им...

«Вот в чем дело!! – Мелькнуло в голове Юмыта. – Старик не поверил Касыму! Старик его... унизил!!»

Он задумчиво покивал головой и медленно проговорил:

– Ну, что ж, посмотрим, что произойдет через три дня... И я буду помнить о твоём предчувствии!..

– Но если ты захочешь поделиться им с кем-то... – Волхв не закончил фразу и снова внимательно посмотрел прямо в глаза вожаку.

Тот не отвел глаз:

– Зачем?.. До твоих предчувствий никому нет дела... Кроме меня!

А через два дня в княжеский айл пришел гонец. Волхва стаи звали в одно из селений на границе земель стаи южных ирбисов. Четверо женщин в этом айле забеременели и отцы желали чтобы волхв проявил свои знания и искусство – им хотелось иметь сыновей! Конечно же, четверых рожениц нельзя было тащить через горные перевалы, волхв должен был сам посетить их, несмотря на то, что был уже достаточно стар. Следующим утором гонец и волхв стаи повернулись к Миру родовой гранью и отправились в путь, а еще через три дня князю принесли весть – всего в трех десятках километров от княжеского айла обоих накрыло внезапно сошедшей лавиной. Тела так и не нашли, и спустя положенный срок Юмыт рекомендовал стае выбрать своим волхвом Касыма. Вожак не просто высказал свою рекомендацию, перед этим он переговорил с несколькими, имеющими вес в стае ирбисами, так что стая не колебалась в своем выборе. А вожак с тех пор всегда прислушивался к «предчувствиям» волхва... Правда эти предчувствия посещали его довольно редко.

И вот теперь произошла эта редкость. Давно, очень давно не говорил Касым: «У меня было предчувствие!» Поэтому Юмыт и насторожился. Что несет стае это предчувствие. Наклонившись к, глядящему в пустую чашку, волхву, он осторожно, словно бы боясь помешать его размышлениям, попросил:

– Ты поделишься со мной своим предчувствием?..

Касым утвердительно кивнул, но еще долго молчал, прежде чем заговорить.

– Предчувствие было... расплывчатым. Нельзя точно определить детали события, но... Стае угрожает опасность! И идет эта опасность с Севера!

Он замолчал. Вожак тоже молчал, давая волхву возможность что-то добавить к своим словам, а когда убедился, что тот не собирается говорить, переспросил:

– Набег?.. Набег сайгов?!

– Все расплывчато... – Покачал головой волхв. – Расплывчато и неясно... Но много смертей, очень много смертей!!

– Так что же делать?!

Этот вопрос вожак задал скорее себе, чем волхву, но тот, налил еще чашку арака, аккуратно выпил, поставил чашку на стол, поднялся со своего места и... ответил:

– Это решать тебе! Ты – князь!

Волхв вышел из комнаты, а Юмыт надолго задумался. Он сам не любил слово «князь», и волхв почти никогда не употреблял его в разговоре, а вот сегодня он его произнес! В этом тоже был какой-то смысл, но вот какой?!

На следующее утро Юмыт отправил в дорогу всех разведчиков, которые в этот момент находились в Когте Ирбиса, но пошли они не к извержачьему айлу Уругум. Четверо из них, повернувшись к Миру родовой гранью, отправились к ближайшим айлам многоликих с приказом собрать полевые стаи, не менее двадцати бойцов каждая, и двинуть их к северной границе. Двое разведчиков, умевших оборачиваться холзанами, полетели в айлы, расположенные близ северной границы с наказом готовиться к нападению. Хотя старостам этих айлов не сообщалось, кто именно должен напасть на них, Юмыт рассчитывал на опыт своих людей и их осторожность. Сам Юмыт собирался отправиться к северной границе дней через пять, когда должны были выйти и стаи других айлов. Все, что было связано с извержачьими делами само собой отошло на второй план.

Как и рассчитал вожак, полевые стаи смогли выйти из айлов спустя пять суток, после того, как гонцы покинули княжеский айл. Дружинники шли, обернувшись к Миру родовой гранью, и только некоторые из них поднялись в небо на двухметровых крыльях, чтобы разведывать путь и следить за окружающей обстановкой. Посланные в северные айлы гонцы уже давно были на месте и передавали, что в степи, на границе спокойно, движения или скопления сайгов не наблюдается. Но вожак верил в предчувствия своего волхва, и потому стаи не прекратили своего движения. А на второй день вдруг прервалась связь с Аргамом, меньшим из двух северных айлов. Впрочем, вожак не слишком обеспокоился – в айле, хоть он и был самым маленьким из всех айлов многоликих на землях южных ирбисов, жило двадцать два взрослых ирбиса шесть женщин и трое подростков. Этих сил вполне могло хватить, чтобы продержаться четверо-пятеро суток до подхода полевой стаи. Единственно, что сделал вожак, по возможности ускорил движение своих войск.

Двое суток дружинники шли, останавливаясь только для того, чтобы перекусить, да поспать пять-шесть часов. Чем ближе подходили полевые стаи к южной границе, тем пустынное становились горы. На третий день дружинники не встретили ни одного человека, даже изверги, искавшие в горах камни перестали попадаться, словно почуяли, что ирбисы вышли из своих айлов и направились к границе. А утором четвертого, когда три стаи из четырех, шедших до тех пор отдельно, объединились, авангард задержал трех молодых извер-

гов. Их встретили пятеро ирбисов, шедших впереди основных сил на одном из перевалов, и продвигались они навстречу идущей к северу стае.

Пареньков привели к вожаку, и тот заметил, что сопровождавшие изверга ирбисы стараются держаться от них подальше. Когда парни оказались рядом, Юмыт понял, в чем дело – от извергов несло тонким, едва заметным, но невыносимо противным запахом, похожим на запах какой-то кислой мертвечины.

– Отойди на пять шагов!! – Рыкнул вожак, отворачивая морду, и когда изверги выполнили приказ, спросил. – Что от вас так воняет, словно вы в разрытой могиле ночевали?!

– Двенадцатый день в горах, господин!.. – Выступив чуть вперед и низко поклонившись, ответил один из извергов, высокий темноволосый парень с быстрыми темными глазами. – Ни поесть, ни помыться толком!

– А что так долго делают в горах вонючие изверги?! – переспросил вожак и ухмыльнулся точности своего вопроса – привычное прозвище «вонючий изверг» этому извергам подходило как нельзя лучше!

– Камни собираем, господин! – Снова поклонился изверг. – В прошлом году едва-едва на откуп набрали, так сегодня староста всех по горам разогнал! Каждому урок дал, по две мерки камней набрать, и не меньше полумерки прозрачных! А где, господин, прозрачные камни-то взять?! Вот и уходим за три-четыре перевала от родного айла!

Два других изверга только молча кивали, подтверждая слова своего товарища.

– Ну, и много вы камней набрали?! – Усмехнулся вожак.

– Нет, господин!.. – Горестно покачал головой парень. – Немного ферузы да вот... – Он порылся в своем мешке и вытащил довольно большой сросток прозрачных лимонно-желтых кристаллов.

– Ну, считай, полумерку прозрачных староста тебе наполовину зачет!.. – Снова усмехнулся вожак и тут же снова скривил морду – порыв ветра донес до его чутких ноздрей тянущуюся от пареньков вонь.

– А вот воняете ты невыносимо!!! – Прорычал Юмыт и тут же задал новый вопрос:

– А в айле Аргмак были?! Как там?!

– Нет, господин, – помотал головой изверг, – Зачем нам туда соваться?! Многоликие не любят, когда в их айл изверги без разрешения заходят, так что мы его вон какой петлей обошли!!

Он махнул рукой, показывая, сколь велика была это петля, и в нос ирбису снова ударил кислый мертвечинный запах.

– А, будь ты проклят! – Взревел Юмыт. – Что б Мать всего сущего накрыла тебя и твоих друзей хрустальным колпаком!! И, повернувшись к сопровождавшим его ирбисам охраны, рявкнул:

– Швырните их в реку, пусть их о камни потрет!!

Двое ирбисов медленно двинулись к извергам, а те, прижав к себе свои мешки, начали пятиться от них, причем тот, что разговаривал с вожаком, приговаривал испуганным, плаксивым голоском:

– Добрые господа, зачем нас в реку?.. Не надо нас в реку, мы плаваем плохо!.. Утонем, кто наших старых матерей и маленьких сестер кормить будет?!! Не надо нас в реку!!!

Его товарищи продолжали молчать и только растерянно озирались по сторонам, словно надеясь найти возможность как-то сбежать.

Однако два могучих зверя продолжали молча наступать, и только временами отворачивали морды в сторону, стараясь не вдыхать идущий от извергов смрадный запах. Скоро парни оказались над самым обрывом, под которым, метрах в трех-четырех, стремительно несла свои пенистые волны чистая горная речка. Говорливый изверг оглянулся через плечо,

посмотрел на медленно приближающихся к нему зверюг и с каким-то нечленораздельным воплем, сиганул вниз! Следом за ним то же самое сделали и его друзья.

Оба зверя осторожно подошли к краю обрыва и внимательно посмотрели вниз, в бросающуюся на каменные берега воду. Никого не было видно.

Однако речка была достаточно глубокой, и невольные пловцы не разбились. Вынырнув из воды на сотню метров ниже по течению, Сафат и два его спутника выбрались на каменистый, облизанный рекой берег и, усевшись на камни, принялись стаскивать с себя мокрую одежду. Но сначала Сафат вытащил спрятанный под рубахой и курткой серебряный кинжал и бережно уложил его рядом с намокшим мешком.

Раздевшись, они улеглись на нагретых камнях, и Сафат подумал:

«Бамбарак – умница! Как он здорово придумал, пробираться назад поодиночке!»

Улыбка чуть изогнула его губы, он вспомнил позавчерашний вечер, но она тут же исчезла, сменившись привычной тревогой за своих товарищей.

В самом конце часа Змеи отряд извергов под командой Вотши, насчитывавший уже восемнадцать человек, остановился на краю травянистой площадки, повисшей на склоне горы. Отсюда айл Аргамак был виден, как на ладони – четырнадцать домов, окруженных обширными садами и огородами.

Этот айл Вотше и его ребятам посоветовал другой уругумский старик. По его словам Аргамак стоял на самой северной границе и был немногочислен. Сам старик побывал там лет шесть назад, когда навещал своих родственников на севере земель южных ирбисов, а потому дорогу к этому айлу он смог объяснить достаточно подробно. И вот вотшин отряд добрался до намеченной цели.

Дневной переход не слишком утомил ребят, но перед атакой Вотша решил, что всем необходимо отдохнуть, да и время для атаки было слишком раннее. Когда ребята перекусили, Вотша собрал их вокруг себя и в который раз начал объяснять порядок действий:

– Начинаем в сумерках! Входим в айл с двух сторон, разбившись на тройки, новеньких... – он быстро обвел глазами шестерых ребят присоединившихся к отряду перед самым выходом их Уругума, – ...беречь, вперед не пускать! Стучимся в дома, а они стоят, как вы видите, достаточно далеко друг от друга, и, если спросят, кто и зачем, говорим, что послал староста. Откроет, скорее всего, хозяин дома – его бить без колебания и промедления. Если откроет слуга-изверг, просим, чтобы проводил к хозяину. Уничтожаем всех многоликих!! И помните – никакой пощады, это наши враги, и нас они щадить не будут!! Я понимаю, для вас это сложно, вы привыкли бояться и повиноваться, но теперь у нас есть оружие против них!! Если многоликий обернется зверем, вы знаете, что делать! Старайтесь, как можно меньше шуметь, не привлекать внимание слуг, они, скорее всего, ночуют отдельно, вон в тех небольших домиках, стоящих на краю участков...

Впрочем, инструктаж продолжался недолго, Вотша уже не в первый раз объяснял ребятам, как им придется действовать, и они зазубрили этот план наизусть. Теперь же, разглядывая айл сверху, они смогли определить, на какие дома нападает каждая тройка, и командиры троек должны были хорошо запомнить расположения этих домов и подходы к ним.

В конце часа Волка начало смеркаться. Наблюдавшие за айлом изверги видели, как постепенно затихает движение многоликих по улице селения, как начинают светиться окна, и пропадают дымки над трубами домов. Когда над перевалом, через который днем перевалил отряд, зажглась первая, едва заметная звезда, они двинулись вниз. Спуск был недолог, через полчаса они вышли к легкой оgrade, отделявшей опушку светлого, прозрачного леса от сада одной из усадеб. Здесь отряд разделился, Вотша, а с ним еще восемь человек пошли вдоль изгороди влево, Сафат со своими ребятами – вправо. Скоро и те и другие с двух сторон

вышли на дорогу, рассекавшую айл, разделились на тройки и направились к примеченным ими сверху домам.

Сафат на всю жизнь запомнил этот вечер – вечер, когда изверги впервые в истории этого Мира напали на многоликих. Причем это был не безрассудный акт самозащиты, обреченный на неудачу, не отчаянная и безнадежная попытка защитить свою жизнь и жизнь своих близких – какие случаи не были редкостью. Это был первый, тщательно обдуманный и спланированный налет вооружившихся извергов, переставших быть беззащитными перед зверями-оборотнями!!

Сафат вошел в легко открывшуюся калитку усадьбы и двинулся к небольшому, но добротно сложенному из белого камня дому под красной черепичной крышей. Все три окна по фасаду светились желтоватым сиянием, и порой в них мелькала тень женщины. Крупный гравий, которым была присыпана дорожка, поскрипывал под ногами, и Сафат невольно старался ступать легче, бесшумнее. Зато Гирия, новичок, принятый в отряд перед самым выходом из Уругума, тяжело топал за спиной Сафата, так еще и сопел, как архар перед схваткой за самку! Наконец они подошли к крыльцу. Сафат бесшумно взбежал по ступеням и встал рядом с входной дверью. Поднявшийся следом Гирия вопросительно посмотрел на своего командира, и тот одними губами приказал:

– Стучи!..

Третий боец в это время уже встал с другой стороны двери и взялся за ручку.

Гирия постучал. С минуту стояла тишина, и тогда Гирия постучал еще раз, громче и нетерпеливее. За дверью послышался короткий скрип, затем раздался звук шагов и недовольный женский голос произнес:

– Ну, кого там, на ночь глядя, несет?!

– От старосты!.. – Как договаривались, прогудел Гирия.

Послышался звук отодвигаемого засова, и дверь приоткрылась. За ней стояла высокая стройная женщина в простом домашнем платье.

«Извергиня!..» – Почему-то решил Сафат, а женщина, увидев у двери изверга с мечом в руке, удивленно распахнула глаза... Но тот не дал ей ни захлопнуть дверь, ни закричать. Шагнув вперед, он толкнул ее внутрь прихожей и тихо спросил:

– Где хозяин?!!

И тут случилось то, чего никак не ожидал Сафат – глаза женщины сузились, губы искривила презрительная гримаса, она вскинула руку и залепила ему оглушительную пощечину, а потом громко воскликнула:

– Ты как себя ведешь, вонючий изверг, в яму захотел, или на кол тебя пристроить!!!

«Многоликая!!!» – С каким-то даже облегчением понял Сафат, и в его груди мгновенно вспыхнула ярость предстоящего мщения. Простым, заученным движением он вскинул руку и послал острие меча точно под левую грудь женщины. Ее глаза снова распахнулись в немом изумлении, а затем они затуманились, веки медленно опустились, и она повалилась на пол.

А из-за двери, ведущей внутрь дома, раздался зычный мужской голос:

– Мара, кто там пожаловал?!

Сафат оглянулся. Его товарищи стояли рядом, Гирия деревянно улыбался, а Рашат, не отрываясь, смотрел на лежащее тело.

– Ну?!! – Прошипел Сафат хрипловатым шепотом. – Что раскисли, дело надо делать.

И шагнув вперед, распахнул дверь в комнату.

Они вошли в большой зал, занимавший никак не меньше половины дома. Посредине комнаты стоял большой стол, за которым сидел крупный темноволосый мужчина, одетый в легкую рубашку и короткие штаны. Напротив него сидел мальчик лет десяти в коротком халатике и маленькой круглой шапочке, едва держащейся на затылке. На столе перед каждым из них стояли миски с мясом и вареными овощами, и было видно, что они уже заканчивают

ужин. Мужчина удивленно поднял брови, увидев входящих извергов и начал, было, подниматься из-за стола, но Сафат действовал быстро и решительно. Стремительно метнувшись к столу, изверг поднял меч, и тут встававший мужчина увидел испачканный кровью клинок. Его глаза расширились, а губы еле слышно прошептали:

– Мара!..

Это было последнее, что он сказал в своей жизни. Лезвие меча точно нашло его грудь, и мужчина беззвучно повалился на пол.

Мальчишка тоже вскочил из-за стола с расширенными от ужаса глазами, но рядом с ним уже стоял Гиря. Изверг положил свои огромные руки ему на плечи, а затем вдруг поднял взгляд на Сафата и растерянно пробормотал:

– Слышь, командир, я не могу его... того... прикончить!..

Сафат ничего не успел ответить. Мальчишка вдруг разъяренно прошипел: – Вонючие изверги!!! – Затем мгновенно отпрыгнул в сторону, едва не сбив с ног Рашата, и высоко подпрыгнул! Через секунду на пол комнаты мягко приземлился довольно большой котенок ирбиса. Припав к полу брюхом, он зашипел, но прыгнуть на растерявшегося Гирю не успел. Рашат метнулся к котенку и вонзил ему в бок короткий, матово блеснувший клинок! Ирбисенок коротко вякнул и повалился на бак!

Рашат выпрямился, и пробормотал, не сводя глаз с исчезающей светло-серой туши:

– Зверя бить проще, чем... ребенка!..

– Гиря наверх, мы внизу! – Коротко приказал Сафат. – Обыскиваем дом и уходим!

На кухне Сафат нашел извергиню-повариху и молодого изверга, топившего плиту. Увидев незнакомого изверга с окровавленным мечом в руке, они растерялись, а парень, видимо, чисто интуитивно потянулся за стоявшей рядом с плитой кочергой. Сафат усмехнулся и приказал:

– Оба быстро уходите в свою сараюху, и носа не показывайте до самого утра! Тогда, может быть, с вами ничего не случится!

– Но, хозяйка нас еще непустила!.. – Растерянно пролепетала повариха.

– Нет у вас больше хозяйки! – Отрезал Сафат. – И хозяина нет!! А скоро хозяев в этом Мире вообще не будет! – Неожиданно добавил он, и вдруг сам поверил в только что сказанное!

– Как – нет! – вскинулся молодой парень. – Куда же они делись?!

– Кончились! – Коротко ответил. – Если хочешь, можешь посмотреть!

И он кивнул себе за спину. А потом, посмотрев на повариху, спросил:

– Еще кто в доме есть?..

– Нет!.. – Она отрицательно помотала головой.

– Тогда уходите! – Повторил Сафат и вышел из кухни.

Когда они уже спускались с крыльца, их догнал изверг-истопник. Тронув Сафата за плечо, он прошептал:

– А мальчишка-то сбежал!!

– Нет. – Обернувшись, тихо ответил Сафат. – Мальчишка перекинулся ирбисом, и мы его серебром попотчевали!

– Чем?! – Не понял изверг.

– Серебром! – Повторил Сафат, а затем пояснил. – Есть такой металл – серебро, или... уругумская сталь! Клинок из уругумской стали, оборотней убивает! И следов не оставляет!

Сафат двинулся за своими друзьями, но парень снова его догнал и, опять тронув за плечо, попросил:

– Покажи!

– Что показать?.. – Не понял Сафат.

– Клинок из... уругумской стали!

Сафат вытащил из ножен, висевших на поясе, свой серебряный кинжал и показал парню. Затем, убрав клинок в ножны, он снова поспешил вдогонку за удаляющимися ребятами. И в третий раз его нагнал местный изверг.

– Слушай, друг, – тихим напряженным голосом позвал он Сафата. – Возьми меня с собой!!

– Мне сейчас некогда! – Не останавливаясь, прошептал Сафат. – Если хочешь, утром приходи на поляну, вон там, на горе, над айлом!

Парень остановился, видимо, сообразив, что незнакомому извергу, действительно, сейчас некогда, а Сафат свернул ко второму, предназначенному для его тройки, дому.

А спустя минут пятнадцать, над айлом раздался крик серого ворона – одна из троек выполнила свое задание. Затем вороны начали кричать чуть ли не каждые три минуты с разных концов айла, а после того, как этот крик раздался в шестой раз, айл загорелся!! Спустя полчаса горели все четырнадцать домов айла Аргамак, но никто даже не пытался его тушить. Большинство извергов были либо заперты в своих крошечных домиках, либо так напуганы, что не решались выходить к горевшим домам. Все многоликие, жившие в этом айле были уничтожены двадцать два взрослых ирбиса, шестеро женщин и трое подростков. Кроме того, погибли четверо извергов-слуг, погибли глупо, пытаясь вмешаться в схватку на стороне своих хозяев!

Уже в полной темноте отряд собрался на той самой поляне, откуда они начинали свою вылазку. Потерь среди них не было, не было даже раненых, правда, Изамат спалил себе волосы, когда поджигал дом многоликого, но это вызывало только смех. Ребята были возбуждены, и Вотша никак не мог их успокоить. Только когда он объявил, что многоликие устраивают на них охоту, изверги смолкли и повернулись к нему. Он жестом приказал, чтобы все уселись на траву и, когда они утихомирились, заговорил спокойно, рассудительно:

– Перед тем, как ворваться в дом старосты, мне удалось подслушать разговор двух многоликих. Как я понял из этого разговора, дня три тому назад в Аргамак прибыл гонец из княжеского айла, из Когтя Ирбиса. Вожак стаи послал сюда гонца, чтобы предупредить старосту о возможном нападении на айл!

– Они знали, что мы собираемся напасть?!! – Ужаснулся один из ребят.

– Нет, – покачал головой Вотша. – Мне показалось, что вожак предупреждал о нападении из-за границы, с территории сайгов. Но это неважно, а важно то, что к обоим северным айлам многоликих идет княжеская полевая стая! Пять айлов направили своих воинов, и все они должны объединиться, где-то неподалеку. Вы понимаете, что мы можем оказаться в западне?! Нас всего восемнадцать человек, а сюда идет больше ста пятидесяти многоликих!! И они, скорее всего, займут все перевалы, ведущие в эту долину!

Вотша замолчал, и над поляной повисла тяжелая тишина. Минуту спустя, в темноте раздался неуверенный голос одного из парней:

– Так что же нам делать?..

– Я думаю, нам стоит разделиться. – Тут же отозвался Вотша. – Мы пойдем по двое-трое, прикинемся, будто собираем камни... Вот только что нам делать с оружием?..

– Кинжалы можно спрятать под одеждой, – задумчиво проговорил Падур, – но куда нам спрятать мечи?

– Если бы у нас была лошадь... – Снова заговорил Вотша, – ...можно было бы попробовать...

Но тут он оборвал сам себя:

– Ладно, давайте отдыхать, утром будем думать, что делать. Костер не разводим, первой дежурит первая тройка!

Ребята нехотя разошлись по поляне и легли в траву, однако никто из них в эту ночь так и не заснул. Когда небо потеряло свою угольную черноту, а звезды начали исчезать со светлеющего небосклона, к притворявшемуся спящим Вотше подобрался Сафат и тихо зашептал:

– Бамбарак!.. Слушай, я забыл тебе сказать. Мы когда в первый дом зашли, там кроме троих многоликих были два изверга... Вернее, один изверг и извергиня. Изверг, когда узнал, что у нас есть уругумская сталь, начал проситься, чтобы я взял его с собой!

– Что у нас есть?.. – Переспросил Вотша, открывая глаза.

– Ну... я так серебро назвал, из которого сделаны наши кинжалы! – Пояснил Сафат и заторопился дальше. – Я его с собой взять, конечно, не мог, но предложил прийти утром на эту поляну!..

Вотша рывком сел и внимательно посмотрел на Сафата.

– Ты предложил ему прийти сюда?!

– Ну, да!.. – Кивнул Сафат.

– Так!.. – Вотша вскочил на ноги. – Поднимай ребят! Пусть Падур ведет их выше, к перевалу, там, по пути есть еще одна полянка, на ней они нас подождут. А мы с тобой посмотрим, что за изверга ты пригласил!

Спустя десять минут отряд ведомый Падуром растворился в спускающимся с гор тумане, а Сафат и Вотша спрятались в кустах, так чтобы было видно и саму поляну и подход к ней снизу, со стороны айла. Как оказалось, сделали они это во время – буквально через несколько минут после ухода отряда на поляну крадучись выбралось четверо извергов. Сафат наклонился к уху Вотши и едва слышно прошептал:

– Крайний справа, он со мной ночью разговаривал!..

Вотша молча кивнул и стал наблюдать за тем, что предпримут пришедшие из айла изверги. Они медленно, внимательно оглядываясь, обошли поляну. Небо уже достаточно просветлело, а туман еще не стал достаточно плотным, так что всех четверых было очень хорошо видно. Тот, что просил Сафата взять его с собой, выпрямился в центре поляны и принялся всматриваться в окружающие поляну кусты, и тут один из его спутников, низкорослый, темноволосый крепыш, повернулся и довольно громко поинтересовался:

– Ну, Саш, где твои убийцы многоликих?!

– Не знаю... – Растерянно протянул тот, которого назвали Сашем. – Изверг, с которым я разговаривал, сказал, что будет ждать меня на этой полене.

– Слушай, а ты место точно запомнил?.. – Подал голос третий изверг. – Может быть нам повыше подняться, там еще одна поляна есть, перед перевалом.

– Какая ж это поляна?! – Усмехнулся темноволосый. – На ней и травы-то, почитай, нет! Может быть, тебе вообще на западном склоне быть назначили?!

– Да, нет! – Помотал головой Саш. – Он мне точно на этот склон показал, сказал, если хочешь, утром приходи на поляну. И на этот склон показал. Я знаю, что здесь только одна поляна и есть!!

– Ну, значит, ушел твой убийца многоликих! – С прежней насмешкой проговорил темноволосый. – И свою уругумскую сталь унес!

– Да, не было никакой уругумской стали, и никаких убийц многоликих не было! – Подал голос последний из подошедшей четверки, долговязый рыжий парень в рваной рубаше, обтрепанных штанах и башмаках на голую ногу. – Саш придумал и этих извергов, и уругумскую сталь! Наплел, наплел, а теперь не знает, как расплести!!

– Что я наплел?! – Обиженно выкрикнул Саш. – Зачем мне плести-то было. Не верите, у тетки Угры спросите, они их тоже видела!

– Да спрашивал я у тетки Угры! – Отозвался долговязый. – Видела она какого-то парня, похожего на изверга, а вот никакой уругумской стали она не видела и не слышала о ней! Она

вообще говорит только о том, как тот парень, что в дом многоликого Кога ворвался, ее чуть было не изнасиловал!!

Сафат дернулся всем телом, Вотша бросил на него быстрый суровый взгляд и тогда Сафат нервно зашептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.